

Аз ер. 10

Колетър
9
СЕНТЯБРЬ
1965





ЮНЫЕ АВТОМОБИЛИСТЫ

Фото В. Тюккеля

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Познакомьтесь!

беседа заместителя министра
просвещения РСФСР Л. К. ПЕТРОВОЙ 2

Правда о добром волшебнике

новелла Л. ГЛЕБОВОЙ 4

Клуб юнкоров „Костра“ 9

Третья дорога

повесть Б. НИКОЛЬСКОГО 12

Операция „Выдвижной киль“

очерк Е. ТЕПЕРА 28

Ребята с улицы Сестрорецкой

репортаж Т. СКОБЛИКОВОЙ 30

Стихи наших читателей 32

В том-то и дело

фантастический рассказ Э. ОФИНА 33

Наш стол загадок 35

Хитрости морского черта

рассказ Ю. Иванова 36

Уголек

журнал для малышей 37

Ночь

рассказ К. АЛТАЙСКОГО 39

Необыкновенные суда

заметка Я. КРЫЛОВА 42

Мио, мой Мио

повесть-сказка АСТРИД ЛИНДГРЕН 44

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 54

Наша творческая мастерская 55

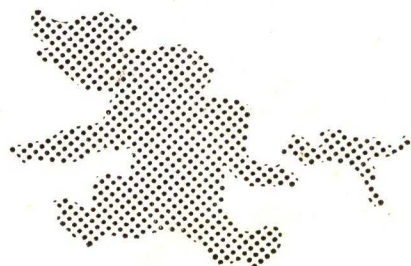
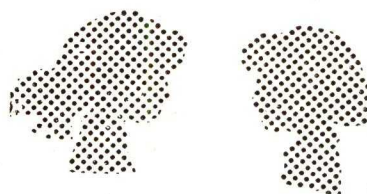
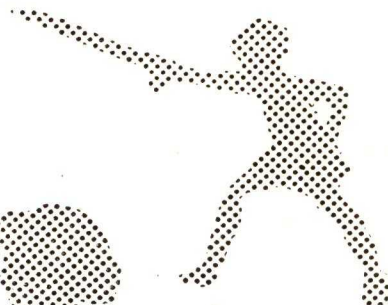
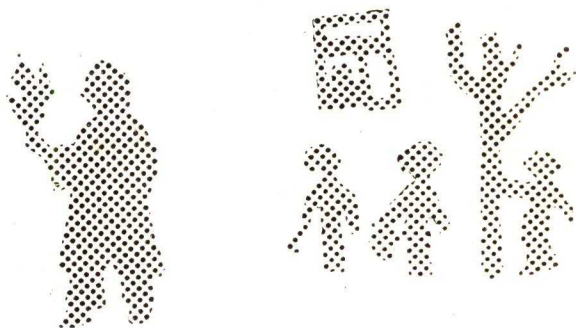
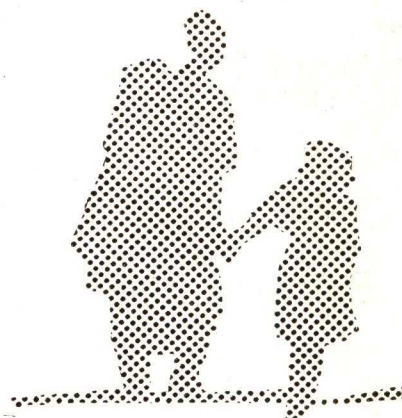
Заказ № 57

очерк Н. НЕУЙМИНОЙ и Л. ПОЖИДАЕВОЙ 57

Спорт 59

Стихи

М. ОСТРОВСКОГО 62



Познакомьтесь:

**ЛЮБОВЬ
КУЗЬМИНИЧНА
ПЕТРОВА —
ЗАМЕСТИТЕЛЬ
МИНИСТРА
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР**



В Марийской АССР живет Саша **И.** Отца у него нет. Мать работает в школе истопником, ночью. Трудно ей. Саша без присмотра, а за мальчишкой нужен глаз да глаз. Стал плохо учиться, шалить, наконец, хулиганить. Исключили его из школы. Перевели в другую. Исключили. Попал в третью. Совсем немного продержался, тоже исключили. Кочевал он из школы в школу. Были товарищи по улице, но друзей не было. Дурная слава сопровождала Сашу. Он познакомился с детской комнатой милиции, побывал в разных комиссиях. Решили направить Сашу в детскую исправительную колонию.

Сейчас это уже позади. Саша преобразился. Он, оказывается, отличный горнист, хороший товарищ. Ребята верят в него, с ним можно идти в разведку — не подведет.

Но случилось это не в родных Сашиних местах, а... в Артеке, куда Саша попал случайно. Артековцы нашли «ключик» к сорванцу-мальчишке, стали его настоящими друзьями.

А другие? Те, кто вместе с ним учился в одном классе, был в одном пионерском отряде? Что они могут сказать? Ведь они-то хорошо знали, как трудно Саше живется, что он предоставлен самому себе. Что могут сказать Совет отряда, Совет дружины первой школы, из которой исключили Сашу? Второй? Третьей?..

Ребята-то ведь хорошо знали, что исключали на улицу... в колонию... Но их это не беспокоило.



В основе нашей морали лежит прекрасный принцип: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Это значит, что интересы каждого — это интересы коллектива. Интересы коллектива — интересы каждого. Пионерский отряд — это тоже коллектив.

Но можно ли назвать коллективами пионерские отряды, в которых был Саша И.?

Безучастность к судьбе своего товарища приводит часто к тяжелым последствиям.

Одна мама прислала в Министерство письмо. У нее большое горе. У сына парализованы ноги. Он не может посещать школу. И все же мальчик учится. Мама работает. Уходя, она оставляет ему все необходимое — еду, учебники, тетради. Все это на столе, под рукой. Но если падает на пол карандаш — он не в силах поднять. Целые дни он один-одинешенек. Одиночество день за днем. А во дворе мальчишки играют в футбол, смеются, резвятся.

Мать не просит помощи. Нет. «Пусть просто зайдут!»

Она недоумевает. За многие годы никто из ребят-пионеров не поинтересовался судьбой своего товарища, не пришел просто поговорить с ним. Он лишен возможности общаться со сверстниками. Это не только равнодушие. Это жестокость!

Сегодня ты безразличен к судьбе товарища, к тому, что бьют малыша, а завтра безразличен к хулигану, бандиту...

В одной из школ Волгоградской области мальчик все годы хорошо учился. Сейчас у него много двоек. Класс, пионерский отряд это не волнует. А ведь в нем есть пионеры-отличники! Мне хотелось бы задать им только один вопрос: «Если вы, ребята, живете только для себя, то кому же нужны ваши пятерки?»

Скажу больше. Отстающие учащиеся в некоторых пионерских отрядах стали не предметом заботы, а обузой! Есть даже отряды — спутники семилетки, которые делают все возможное, чтобы избавиться от отстающего пионера. И это делается для того, чтобы сохранить почетное звание! Как же это назвать?

А в пионерские газеты и журналы, в Министерство идет поток писем от таких отстающих. Ребята жалуются, делятся своим горем. Один мальчик пишет: «Я хочу хорошо учиться, а они не хотят мне помочь». Другой рассказывает, как он занимался с одним, другим, третьим, четвертым пионером... Ребятам становилось скучно — они бросали его.

А между тем, если бы не ваше отношение к судьбам товарищей, у нас не было бы около одного миллиона второгодников. Не было бы безнадзорных малолетних правонарушителей.

Можно, конечно, говорить много громких красивых фраз о дружбе, о товариществе, но если ты прошел хоть раз мимо... Важен этот первый раз. С него началось твое равнодушие.

Пионер должен воспитывать свой характер сам. В чем же твой характер, в нем твое я, если ты безразличен к товарищу, безразличен к тому, что твой отец получил рану на фронте, безразличен к жестокости мальчишек, которые подожгли коту хвост?

Будьте отзывчивыми! Будьте внимательными друг к другу! Это очень важно!





ПРАВДА О ДОБРОМ ВОЛШЕБНИКЕ

Лина Глебова

Рисунки И. Харкевича

Дети! Держайте, мечтайте о славных делах. Что-нибудь в жизни да сбудется!

Януш Корчак

I.

Жил-был когда-то...

Так обычно начинаются сказки о волшебниках.

Только нет, наш рассказ начнется по-иному. Потому что это не сказка. Это — правда.

«Ведут Матиуша. Идет он посередине улицы в своих золотых кандалах. Улицы оцеплены войсками. А за кордоном войск — жители столицы.

Матиуш высоко поднял голову, чтобы все видели, что глаза его сухи. Он смотрел на небо, на солнце.

Так прошел он через весь город, так стоял у столба на площади перед выкопанной ямой».

Это Януш Корчак написал о короле Матиуше. А потом...

Они шли посередине улицы — сто ребят и старый их учитель, шли, окруженные эсэсовцами с автоматами. День был хороший. Солнце сияло. И с тротуаров, из окон, из-за дверей смотрели им вслед люди.

А родился он самым обыкновенным мальчиком. И при рождении назвали его Генрик. Генрик Гольдшмидт.

И волшебником он стал далеко не сразу. Семья, где родился Генрик, была обеспеченной семьей. А отец, когда выдавался свободный день, нередко говорил: «Мы с Генриком мужчины!» И на весь день забирал мальчика бродить по лесу, кататься на лодке... Но Генрику не исполнилось и одиннадцати, когда умер отец.

Исчезли из комнат красивые вещи, ушла прислуга. Все чаще болели мама, младшая сестренка... И настал день, когда последние кровати и стулья вынесли из квартиры, и телега захрохотала по булыжной мостовой — от центра к окраинам.

Здесь, на убогой улочке старой Варшавы, узнал Генрик многое, о чем прежде не подозревал. Узнал, что

такое нужна и что такое деньги. Узнал, как трудно заработать деньги, особенно, если ты маленький. И что такое беспризорность, узнал тоже.

Беспризорность — это свобода. Делай — что хочешь! Ходи без шапки, цепляйся к машинам, говори нехорошие слова, а увидишь школьника, можешь спрятать подальше зависть и орать во все горло:

Первоклассник — колбаса,
Купил лошадь без хвоста!

Все можно! Некому запретить.

Но, представьте, Генрик не стал ни курить, ни ругаться, ни обижать малышей. А свободой воспользовался так: начал давать уроки и на заработанные деньги пошел в школу.

В школу? С какой стати? А с такой. Генрик рано изведал горе, болезни, боль утраты... Всем сердцем пожелал мальчик одного: выучиться, вырасти, стать врачом и защищать ребят от горя, болезней, смерти.

Все задуманное сбылось. Генрик вырос, выучился и стал студентом-медиком, а потом — врачом.

Пришло время, и все убедились — лучшего врача для детей в Варшаве не было и нет! Он в самом деле справляется с любой болезнью. Творит чудеса.

Все громче слава доктора. Но, кажется, она не очень радует его. Все чаще доктор задумывается.

Да, он вылечит ребенка от скарлатины, но не спасет от душевного сырого жилья, — и ребенок получит ревматизм.

Да, он избавит ребенка от проглоченного гвоздя, но не сможет предотвратить дурные влияния, тяжелые впечатления — и они испортят ребенку характер.

Он лечит тело ребенка, но не может сделать своих пациентов счастливыми. Способными жить достойно и гордо. Давать счастье тем, кто живет рядом с ними.

— Опомнитесь, доктор, вы хотите уж очень многого!

— А без этого какой же смысл моего лечения?

II.

На Крахмальной улице под номером 92 поднялся новый дом. Совсем такой же, как другие — слева, справа.

Но за стенами его все свое, необыкновенное.

Весь дом — одна большая квартира. На сто человек. Кухня и раздевалка в этой квартире в подвале. На первом этаже — столовая и комната для игр. На втором — классы и мастерские. На третьем — спальни.

И есть в доме еще одна комната. Маленькая. На чердаке. Далеко за полночь не гаснет за ее дверью свет. И зажигается до рассвета. Там щебечут птицы. Там бегают по полу белые мыши. Больные дети падают туда на поправку.

Это комната Генрика Гольдшмидта.

А дом — квартира на сто человек — детский интернат «Дом сирот».

Генрик навсегда оставил славу и практику детского врача и поселился здесь, чтобы стать учителем и воспитателем ста с лишним сирот нового интерната.

Вот так.

Наверное, вы думаете, все дети необыкновенно обрадовались такому решению доктора, поняли, что к ним пришел волшебник, приготовил подарки? Увы, — впрочем, послушайте его самого:

«..Едва ты присел, подходит ребенок с жалобой, что, когда он писал, его подтолкнули, сделалась клякса, и теперь он не знает, так ли оставить, начать ли снова или вырвать лист; второй ребенок хромает: у него гвоздь в ботинке, ходить не может; третий спрашивает, можно ли взять домино; четвертый просит ключ от шкафа... Там, в углу, маленький разиня играет ножницами; насорит, порежется, — кто дал ему ножницы?! Посреди комнаты оживленный спор вот-вот перейдет в драку. Тот, у кого ночью болел зуб, теперь носится, как оглашенный, а ночью, может, опять у него зуб разболится...»

Сто детей — сто разных людей. И у каждого есть свой грех. Сегодня он может показаться мелочью, а завтра — обернется разбитой жизнью. Сто детей — сто людей. Как научить их видеть в себе человека, который сам отвечает за каждый поступок?

Давайте попробуем. Игра в обязательства.

Каждый может добровольно взять обязательства: «Хочу отучиться приставать ко всем и чтобы не врать». Обязательство записывается, оглашается — и теперь уж изволь-ка следить за собой! Сто голов о тебе помнят! Двести глаз смотрят!

— Господин учитель! Господин учитель! Мальчику налили воды в постель.

— Кто это сделал?

В спальне гробовая тишина.

— Кто это сделал?

Молчание.

— Ну что ж, пока не признаетесь, никто не выйдет из спальни.

Приходит час, когда старшие мальчики отправляются на работу. — Молчание.

Приближается время общего завтрака.

— Завтракать будете в спальне.

За окном прошуршал дождь. И снова распогодило. — Молчание.

Прозвенел звонок на урок. Застучали станки в мастерских. Кажется, молчание раскололось. Шепот тайных совещаний струится по спальне. Выделилась группка определенно невинных, другие — более подозрительны.

— Господин учитель...

— Ты это сделал?

— Я.

— Ну, что ж, идите.

Такое больше не повторится. А иное?

«Не хочу вставать, потому что холодно и грустно. Не хочу идти в школу, потому что ночью выпал первый снег, и на свете так весело.

Не извинюсь перед учительницей, потому что она наказала неправильно».

Сколько разных «не хочу», и каждое — крик души. «Не хочу закаляться. И почему начальство такое несправедливое — в комнате холодно, а в печах нет угля».

Как научить ребят разбираться, какое «не хочу» имеет право существовать, а какое — нет? Как научить их видеть в мире не только себя, но и сотни других людей? Слышать не только свой голос, но тысячи звуков?

На Крахмальной улице под номером 92 стоит трехэтажный дом. Такой же, как все другие. Разве чуть любопытней вглядываются в камни мостовой блестящие стекла его окон, да чуть упорней тянется в небо дыхание труб над его крышей. А так — обыкновенные стены.

Но идет за этими стенами совсем своя, совсем необыкновенная жизнь.

Государство детей.

В этом детском государстве все, как в Большой Жизни.

Своя Конституция — права и обязанности.

Свое печатное слово — Газета.

Свой суд. А у суда — свой «Кодекс законов». На тысячу параграфов.

До сотого пункта кодекс гласит: «Суд прощает». А в самом деле, как не простить малыша, если он опоздал к обеду просто потому, что попал в сад и загляделся на цветы. Или разве уж всегда дети виноваты, что взрослые не придумали ничего прочнее стекла?

Зато «Кодекс» ни в какую не прощает — лжи, злобы, хитрой жадности, насилия. И тысячный пункт «Кодекса» утверждает: «Подсудимый опасен для окружающих и подлежит исключению». Это самое большое наказание.

А еще есть в государстве детей Большая Сказка. Она лечит и воспитывает лучше самых дорогих лекарей, лучше самого умного воспитателя.

Сказка учредила праздник первого снега. Неожиданный праздник, когда все вокруг вдруг становится белым и можно не ходить в школу, а лепить снеговика и играть в снежки.

Сказка разрешила драку, с условием, что драчуны сами заносят свои имена в особую тетрадь с подробным объяснением причин драки.

И это, конечно, Сказка придумала такие замечательные награды: набор фантиков, магнит, разноцветный стеклянный шарик...

...Весь интернат собрался у камина. Вечерний разговор. Это разговор, когда каждый обдумывает, что он сделал за день и как сделал. А «старый доктор» — добрый волшебник — сидит у камина, слушает и объясняет, что сделано правильно, а что неверно.

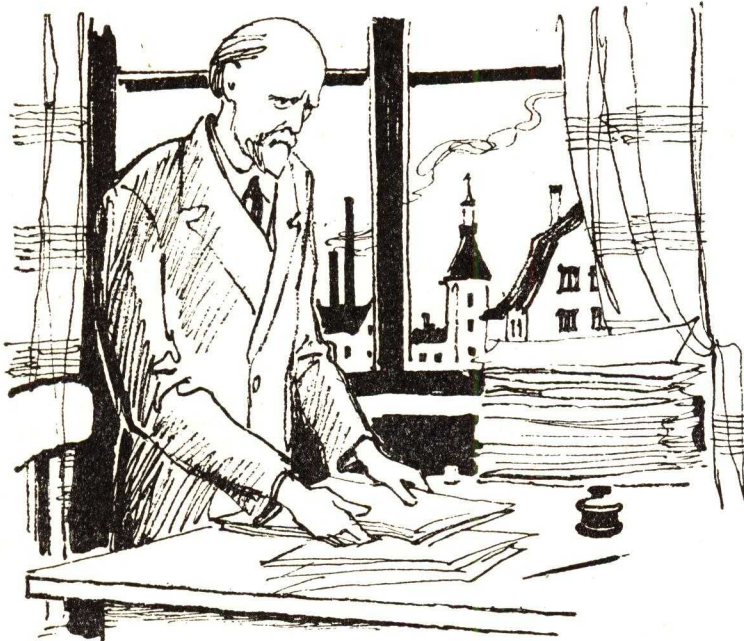
Но вот и закончен вечерний разговор.

И погашен свет в спальне.

И только легкий шепот еще шелестит над постелями; — Когда наш папа был еще жив, мы жили все вместе...

— Ты постарайся и исправься, тогда он не будет на тебя сердиться...

— Когда я вырасту, я поеду к эскимосам и научу их читать и строить дома...



— А над нашим учителем и посмеяться нельзя, потому что он только иногда смешной...

Этот легкий шелест шепота залетает в приоткрытую дверь комнаты на чердаке. Мягкий свет лампы. Перо. Бумага. Вот наконец-то и пришла та минута, когда так хорошо думать, писать. И доктор Генрик Гольдшмидт становится писателем Янушем Корчаком.

Что возникает сейчас на этом листе бумаги?

Быть может, книга «Когда я снова стану маленьким» — о хорошем и о трудном в жизни детей и в жизни взрослых?

Может быть, повесть «Слава»? Про мальчишек и девочек с одного двора, как они дружили, как мечтали о славе и о том, что из их мечтаний сбывается.

А может, самая знаменитая из всех книжек Корчака — сказка «Король Матиуш Первый»?

Матиуш — самый обыкновенный мальчик, сирота. Но уж так получилось: он стал королем. Мечты и желания Матиуша тоже самые обыкновенные, мальчишеские. Но уж так получилось — раз он король, все его мечты сбываются.

Матиуш воюет с тремя королями сразу и побеждает всех троих. Матиуш отправляется к дикарям-людоедам, и они проникаются к нему симпатией и перестают быть людоедами. В королевстве Матиуша всем детям дарят шоколад и ботинки. Для всех ребят построены дачи и лагеря...

Только стоп — перо остановилось. Негромкий сдавленный плач... Всегда тяжело слышать плач ребенка, но его сдавленное рыдание возбуждает ужас.

— Не плачь. Детей разбудишь.

Затих. Но все всхлипывает в подушку. Корчак гладит его вспотевшую голову, повторяя:

— Ты ведь сам виноват. Стекло разбил не ветер, а ты. Ты мешал детям играть. Не ужинал. Затеял драку в спальне. Но я не сержусь. Ты ведь уже управляешься. Может, ты голоден? Принести тебе булочки?

Последние горловые спазмы. Вместо ответа — закутался с головой в одеяло.

— Ну, спи сыночек, спи. Поцеловать тебя на ночь? Спи.

В другом углу кто-то застонал, наверное, тот, у которого зуб болит.

А рассвет уже обозначил в окне острые гребешки крыш и первые дымы над трубами.

Корчак стоит у окна.

Сколько труда — а каков будет результат? Кем они вырастут?

Они могут стать рабочими и ремесленниками, врачами и учителями, но главное — они должны стать хорошими людьми.

Над острыми гребешками крыш проступают лучи солнца. Рассвет — у окна. Который уже год. Раньше, в молодости, это было труднее — не спать ночь. Теперь — легче.

Вот они спят, такие беспомощные, такие беспечные: сто детей — сто людей. Как защитить их сон?

III.

Окупированная Варшава...

Да. Война была короткой. Блицкриг. Нет больше Польши. Есть генерал-губернаторство — часть Германской империи. И в Варшаве хозяева наводят «новый порядок».

Вновь двинулись по улицам трамваи. Как прежде. Только улицы именуются по-немецки. А на вагоне стрелка-указатель — «Для поляков», остальное — для немцев.

Вновь заработали фабрики, мастерские. Но и фабрики, и заводы, и мастерские — все теперь немецкие.

Раскрылись двери театра, кино. Но всюду — «Полякам вход воспрещен». Да и что в них смотреть, в этих театрах, они теперь фашистские.

Парки, стадионы, кафе... «Полякам вход воспрещен. За нарушение запрета — СМЕРТНАЯ КАЗНЬ».

Смертная казнь — польским врачам, польским учителям.

Польские писатели, ученые, музыканты — смертная казнь и для них.

Итак, Януш Корчак был приговорен к смерти трижды: как польский учитель, как польский врач, как польский писатель.

А умер он как польский еврей.

В октябре 1940 года несколько улиц в юго-восточной части Варшавы на левом берегу Вислы фашисты обнесли высокой стеной с колючей проволокой поверху. Вдоль стен расставили часовых с автоматами и специально натренированных собак. И дали этому имя — Варшавское гетто.

К тому времени фашисты уже отобрали у тех, которых они поименовали «Jude», — у польских евреев — все, что только можно отобрать: еду и деньги, одежду и вещи. А теперь у людей отбирали остатки свободы, кров, очаг — выгоняли из домов, гнали в гетто.

Вот и опустел трехэтажный дом на Крахмальной улице. Голодные, разбежались по подвалам белые мыши, упорхнули в разбитую форточку певчие птицы. Никто здесь больше не шумит и не спорит, никто не записывает в тетрадь подробных причин драки... Только ветер скрипит дверьми да гонит по комнатам обрывки бумаг.

Нет больше в Варшаве Государства Детей.

В день отправки ребят в гетто Корчака с ними не было. Он погнал в тюрьму. Из фашистской тюрьмы путь был один — на смерть. Но сотни друзей Корчака



собрали много денег — и под большой залог выкупили Корчака на поруки.

— Доктор, мы вас спрячем, вам не надо идти в гетто!

Как мог Корчак последовать их совету?

«Старый доктор» (он и вправду за эти месяцы стал старым) — сутулый седой старик с воспаленным взглядом скрылся в воротах гетто.

Покуда человек остается человеком — он непокорен.

Фашисты хотели уморить ребят голодом, — «старый доктор» доставал продовольствие.

Фашисты хотели лишить ребят знаний, — но невесть откуда появились столы и стулья и замызганная мелом доска. И в страшном гетто зазвенел колокольчик, оповещающая: урок начался!

Фашисты хотели превратить ребят в трусов, заставить жить в страхе. А у ребят все было как прежде: цветы на подоконниках, дружба, вечерние разговоры, и песни, и сказки.

Только песни и сказки звучали теперь совсем по-иному. Потому что, как никогда прежде, умели теперь ребята любить жизнь.

Но уже начиналось лето 1942 года.

То самое лето, когда фашисты стали хозяевами почти всей Европы. Когда фашистские танки кольцом обложили Ленинград, рвались к Москве, докатились до Волги....

«All raus!» — «Выходить всем!» — рокошующие голоса вызывали варшавян из домов. Люди не выходили. Тогда их выгоняли плетью, прикладами — из дворов и квартир, из подвалов и с чердаков, — всех без разбора в одну толпу — гнали на Ушлангплац, где уже дожидались вагоны и гулко дышал паровоз.

«Отправка на Восток» — так называлось это. «Отправка на Восток»...

На Восток от Варшавы вдоль Западного Буга места пустынные и унылые. Сосны, песок и снова сосны,

вереск, сухой кустарник, пересечения путей, унылые станционные постройки. Среди них затерялась маленькая захудалая станция с неприметным названием — Треблинка.

Ветка от Треблинки вела в лес к большому пустырю. Летом 1942 года здесь выросло странное сооружение.

Замаскированы ветками стены, а на стенах тянутся пулеметы.

Вокзал — он совсем не вокзал — просто декорация. И ресторан — не ресторан.

И хорошо одетые музыканты — уже давно не музыканты.

И песенка — назойливая песенка о коротком-коротком счастье, что мелькнет на короткий миг, — все одна и та же, все одна и та же...

И стрелки-указатели — багаж, пересадка, баня, парикмахерская — все здесь, все было ложью.

День за днем, состав за составом шли в Треблинку поезда.

Из Франции, из Голландии, из Чехии, из Германии... но больше всего из Варшавы.

Шли составы — вагон за вагоном — и на каждом вагоне пометка: сто человек, сто пятьдесят человек, двести человек...

А назад вагоны шли пустые. Совсем пустые. Или разве груженные песком.

Ни один из тех, кого привозили в Треблинку, не возвращался обратно.

Да никто и не должен был вернуться.

Потому что это была Треблинка.

Поезд останавливается. Слышите, слышите, кажется, отворяют двери вагонов... Ах, до чего затекли ноги! И хотя бы один глоток воды! И хотя бы один глоток свежего воздуха!

А двери и впрямь отворяются. Навстречу и вправду — свет, солнце, сосны... И репродуктор оповещает: «Сейчас вы направитесь в парикмахерскую, затем в баню...»

И люди верят. Они почти счастливы: ведь нужно так немного — глоток воды! Что с того, что вокруг охранники, что вон там, замаскированная ветками, видна стена, что вокзал какой-то странный... Потом, потом во всем разберемся, да и некогда разбираться, охранники торопят, подталкивают...

И люди идут.

И уже сомкнулись за ними — одна стена в три человеческих роста и другая, и противотанковый ров, и надолбы, и снова — проволока, проволока, проволока...

Так проходили они парикмахерскую, где с людей снимали волосы.

Так проходили предбанник, где у них отбирали одежду.

Больше грабителям взять было нечего.

И оставалось одно — «дорога без возвращения».

Аллея — сто двадцать метров длиной и два метра шириной.

Обсаженная цветами и елками.

Посыпанная белым-белым песочком.

А вдоль нее — плечом к плечу — вахтманы в черном и эсэсовцы в сером — и автоматы, плети, собаки...

Под прицелом эсэсовцев, нагие, с поднятыми вверх руками, по узкой «дороге без возвращения» — так шли люди в газовые камеры Трелинки.

Шли дети и матери.

Шли рабочие, писатели, солдаты, учителя...

Шли молодые и старые.

Шли добрые и злые.

Шли...

Каждому человеку обязательно надо хотя бы однажды в жизни встретить доброго волшебника.

Сколько, сколько прошло их по «дороге без возвращения» — людей с особенно пристальным взглядом, с особенно чутким, жарким сердцем! Сколько, сколько ушло их — добрых волшебников — по фашистским дорогам без возвращения?!

Дом сирот был назначен к выселению в первых числах августа. С утра эсэсовцы окружили здание.

Когда-то Корчак учил ребят вырасти счастливыми.

Потом он учил их — жить непокоренными.

Теперь оставалось одно — помочь умереть мужественно.

В это утро Корчак сам проводил ребят на завтрак. И сам следил, чтобы свой последний завтрак ребята съели спокойно.

Он помог малышам одеться и спуститься по лестнице.

Построил ребят в пары. Сказал, что повезут их за город, в деревню.

А за стенами гетто друзья Корчака напряженно искали, как спасти его, вызвать. И сказались ли то их старания, или так просто, случай, но немецкий офицер подошел к Корчаку:

— Доктор Гольдшмидт, как государственный служащий вы можете остаться.

Такой воспаленный, такой всепонимающий взгляд оглядел улицу, эсэсовца: бляха — «мертвая голова», сапоги, автомат, плеть...

— Как же я могу отпустить с вами моих сирот?

И они пошли все вместе в последний раз по улицам Варшавы — «старый доктор» и сто его учеников. Они шли посередине улицы, окруженные конвоем. День был хороший. Солнце сияло. Одного из малышей Корчак посадил себе на плечи...

Из окон, с готуаров, из-за дверей смотрели им вслед люди, смотрели вслед человеку, который лечил и воспитывал когда-то их, потом их сыновей, дочерей... Смотрели... Только что они могли поделать?

И они шли, шли к Ушлангплацу — старик учитель и сто его учеников, шли высоко подняв голову, смотрели на небо, на солнце. И глаза их были сухи.

И когда уже согнали всех в тесноту и вонь душных вагонов — человек к человеку, не шелохнуться, — и когда уже начали закрывать двери, к вагону подбежал комендант поезда.

— Выходите, выходите, вы еще можете остаться, — торопливо кинул комендант Корчаку в глубину вагона.

— А дети?

— Да торопитесь же, — комендант с досадой пожал плечами. — Дети поедут.

И дверь затворилась, и железный засов обрушился, и паровоз не сломался, и колеса не застопорили, не развалились... Покатили по рельсам...

И все было, ребята, все было — и придуманный вокзал с его лживой песенкой, и бутафорские стрелки-указатели, и стены в три человеческих роста, рвы, пулеметы, «дорога без возвращения».

Газовые камеры Трелинки.

Страшные ее костры...

И пепел костров вывезли на дороги Польши, развевали по полям, по холмам.

И они не стали — ни один из ста учеников Корчака — не стали ни рабочими, ни музыкантами, ни врачами, ни математиками, они не стали физиками, и космонавтами не стали.

Они стали землей Польши, ее травой и теплом ее вереска, хвоей ее сосен, тонким пенем ее осоки...

Фашисты торжествовали.

Исполнено все, что задумано.

Они убили польского еврея Генрика Гольдшмидта, Польского писателя Януша Корчака, Польского учителя и врача — «старого доктора»,

И всех его учеников, — они все уничтожили без следа!

Но, слепцы и невежды, они не знали самого главного, что Януш Корчак был еще и волшебник. А добрые волшебники, — это давным-давно известно каждому, кто любит сказку — добрые волшебники не умирают.

И когда 2-го августа 1943 года в той самой Трелинке раздался сигнал — револьверный выстрел и в небо рванулось пламя — не черное пламя горящих мертвых тел, а яркое, знойное: огонь пожара, огонь восстания.

И когда восстание охватило уже всю Варшаву, и вся Варшава поднялась против оккупантов,

И когда, наконец, на улицы города вместе с русскими танками ворвались бойцы польских бригад, —

Он шел рядом с ними — худой, высокий старик с воспаленным, сощуренным, пристальным взглядом — а вокруг, взявшись за руки, шли все его ученики —

Солдаты и мастеровые, музыканты и поэты, и физики, и математики, и космонавты, и строители, —

Они шли, взявшись за руки, по улицам свободной Варшавы, и шел среди них — совсем такой, как они — только алая мантия развевалась, как алое пламя, — шел вместе с ними простоволосый мальчуган, бессмертный и вечный король матиуш первый.





МАРТ *Володя Долгодворов, 14 лет. Вологодская обл.*



МОЯ БАБУШКА
*Аня Панасюк, 13 лет.
Брестская область*



МАША В ЛЕСУ *Таня Зарецкая, 11 лет. Новая Ладога*

Клуб юнкоров „Костра“



Незадолго до конца учебного года в редакцию пришли трое ребят.

— Мы из 6-б 183-ей школы. Редколлегия стенной газеты. У нас в отряде есть пионер Гриша Асатурян. Всех лупит, просто сладу с ним нет. Не знаем, что делать...

Еду на место происшествия. Узнаю следующее.

Редколлегия готовилась выпустить газету. И, между прочим, решила поместить в ней карикатуру на драчуна Асатуряна.

Гриша крепок, Гриша плечист, он на голову выше остальных ребят. Узнав о стенгазете, он поднес кулак к носу редактора.

— Видал?

К чести редколлегии надо сказать: она не струсилась, карикатура в газете появилась.

Гнев охватил Асатуряна — он сорвал карикатуру.

Гнев охватил редколлегию — она вернула карикатуру на место.

Тогда Гриша принялся за работу: по очереди, одного за другим, отколотил всех трех членов редколлегии.

Я не был на экстренном собрании отряда, последовавшем за этим событием, но точно знаю, что Грише пришлось там объясняться не с помощью зуботычин, а посредством нормальной человеческой речи.

А дальше произошло вот что. Редколлегия вышла со сбора и на улице кинулась с кулаками на Онуфриева, приятеля Асатуряна...

— Мы рассердились, — оправдывалась потом редколлегия, — Онуфриев дразниться стал: Асатурян, мол, вам еще покажет... Ну, мы и не стерпели, дали ему по разу кулаком...

Кулак... Он молчалив и никогда никому ничего не расскажет. Но есть что порассказать за него.

...Несколько лет назад пятнадцатилетний боксер Ленинградского Дворца пионеров увидел, как вечером в глухом переулке грабитель отнимает у женщины часы. В два прыжка парень очутился рядом. Прямой в челюсть — и бандит повалился с ног.

...Летом 1943 года взвод наших пехотинцев, израсходовав все патроны, прикладами и кулаками сокрушал набегавших эсесовцев. Атака фашистов захлебнулась.

...Старый питерский слесарь вспоминал однажды у лагерного костра, как в далеком девятьсот пятом году снес он с коня жандармского вахмистра, который командовал разгоном рабочей демонстрации. Вспоминая, рабочий с уважением глядел на свои кулаки — славное дело они когда-то сделали...

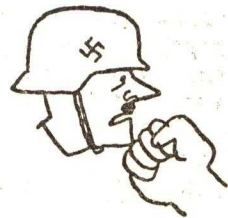
Но позвольте, ради какого славного дела подняли свои кулаки мальчишки из 6-б? Асатурян поколотил редколлегию за справедливую критику. Редколлегия поколотила — да не обидчика, а его приятеля, тот послабее! Вот так славное дело!

Не кажется ли тебе, дорогой читатель, что мы порой без достаточного уважения относимся к своему кулаку? Дескать, для того он нам и дан, чтоб размахивать им направо и налево.

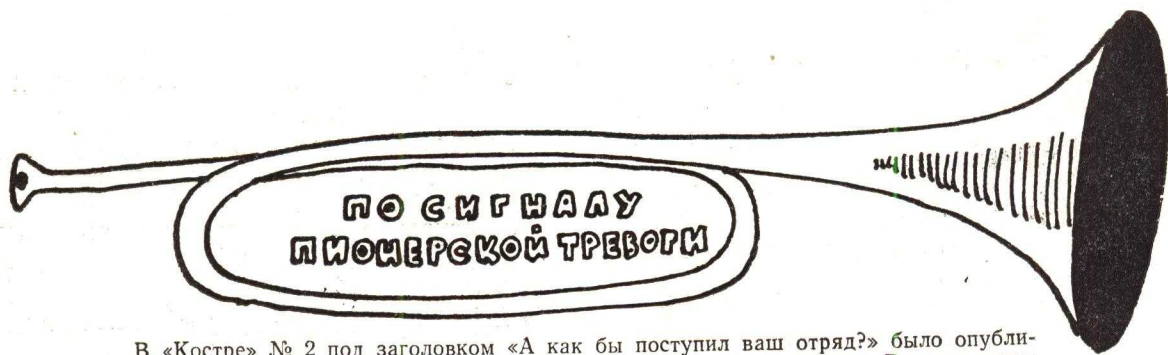
Посмотрим же внимательно на свой кулак. Уважительно посмотрим. Что говорить, он совсем не такой замечательный, как у Валерия Попенченко, олимпийского чемпиона по боксу. Но ведь может статься, и к нему придет когда-нибудь настоящее испытание. Вот тогда голова и сердце, которые всегда должны управлять кулаком, и прикажут ему:

— Бей! Да крепче!

И ударим. Со всего плеча. Как и полагается настоящим мужчинам.



Журналист Г. Князев



В «Костре» № 2 под заголовком «А как бы поступил ваш отряд?» было опубликовано письмо Ларисы Ш. из Киева. Напомним содержание письма. В пионерском лагере Ларисе поручили выпустить стенгазету. Когда газета была вывешена, Ларису вызвала воспитательница и стала ругать за то, что она поместила в газету критическую заметку о своем отряде. В лагере праздник, придут гости из райкома, в праздник надо писать о хорошем — так говорила воспитательница. И просила Ларису переписать заметку. Лариса отказалась. Тогда заметку переписал другой пионер. Отряд отнесся к этой истории равнодушно.

В редакцию поступило много откликов на письмо Ларисы Ш. Сегодня мы печатаем некоторые из них.

**СТАДО
ТРУСЛИВЫХ
ОВЕЧЕК**

Здравствуй, КЮК! Я прочитала письмо Ларисы Ш. Оно меня очень взволновало. Я думаю, что Лариса поступила правильно. И я думаю: чтобы писать в газету по праздникам только хорошее, чтоб никому не портить настроение, надо и перед праздником вести себя хорошо.

А пионерский отряд? Как он смел остаться в стороне! Почему не поддержал Ларису? Можно подумать, что этот отряд — стадо трусливых овечек!

В нашей школе часто бывает конкурс на лучшую стенгазету. Но у нас так не поступают. Критические заметки никто не снимает и не переписывает. Стенгазета чище — значит отряд лучше? Я с этим не согласна!

Клара Цигина, г. Камышин

**У НАС
НАОБОРОТ**

Вот мы выпускали газету. Наша учительница наоборот говорила, чтоб мы писали не только о хорошем, но и о плохом.

Валя Беляева, г. Жданов

**КРИТИКА
ПОМОГАЕТ**

В этом году я был в пионерском лагере. Один мальчик из третьего отряда не мыл руки перед едой. Про него написали в стенгазете, и через несколько дней он исправился.

Правильно, что Лариса написала эту заметку в стенгазету. Но, конечно, стенгазета выходит не только для того, чтобы критиковать.

**Игорь Мещанинов,
Волгоградская область**

У нас в отряде был такой случай. Школа готовила выставку ученических работ. У нас их набралось мало. Тогда В. Е. (классный руководитель) предложила девочкам принести мамыны вышивки. «Напишем, что ваши, — сказала она, — никто проверять не будет. Да и все так делают».

Поднялся невообразимый шум. Кричали каждый свое. Но все сходилось в одном: так делать нельзя. Выставка работ наша, а не мамина. В. Е. рассердилась: «Ну и будьте последними!»

Первого места мы не заняли. Первое место — это победа. А если бы победа была липовой, какая от нее радость! Лучше уж быть последними.

Тамара Панченко, г. Челябинск

**ЛУЧШЕ
БЫТЬ
ПОСЛЕДНИМ**

Дорогая редакция, я живу в Уфе. Мы, то есть весь наш класс, читали письмо Ларисы Ш. Мы обсудили и решили, что Лариса права.

Юра Маврин

**ВСЕ
НАШ
КЛАСС**

Я думаю, что Лариса и права и не права. Почему она написала в заметке только плохое о своем отряде? Неужели у них мальчишки только баловались? Неужели ни одного хорошего дела не сделали?

**Надя Косицына,
Хабаровский край**

**ТАК, ДА
НЕ ТАК**

Почта Кости Теркина

Дорогие друзья! В прошлом номере я пообещал напечатать интересные заметки моих друзей-юнкоров. Выполняю обещание.

Гюльнара Гаджинская и Сережа Беляев прислали свои фельетоны. Фельетоны мне понравились, а то, что в них описано — очень не понравилось. Думаю, что вы со мной согласитесь.

КОСтя ТЕРкин

Я, мама и папа переехали в новый дом. До нас тут работали маляры, строители. Приехали люди в новый дом — взрослые и дети. Мальчишки сразу подружились. Потом двое из них поссорились.

ПЕТЬКА ДУРАК

— нацарапал один из них на стене.

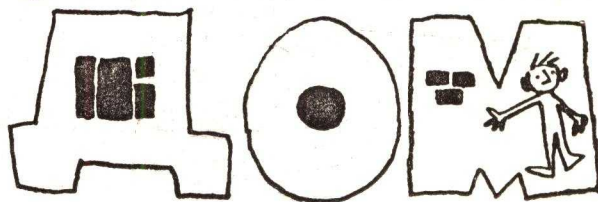
МОЛЬКА ИШАК

— написал рядом другой.

Так испортили ребята новую чистую стену. Испортили настроение всем, кто живет в новом доме. Лена сказала: «Вечно эти мальчишки все обезобразят».

Лена любила рисовать. Она взяла кусок мела и на другой, чистой стене нарисовала красавицу с модной прической.

КАК СОСТАРИЛСЯ



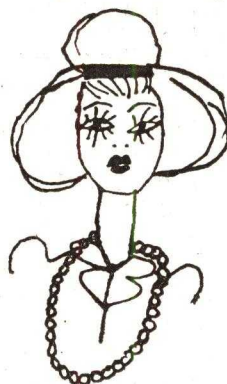
И опять огорчились люди, живущие в новом доме.

На следующий день один юный лыжник, возвращаясь с прогулки, протерев острой палкой на дверях дома длинную царапину. Кто-то мокрым грязным мячом шлепнул в потолок так, что осталось круглое серое пятно.

— Что ты делаешь? — упрекнули его.

— Подумаешь, — ответил тот, — все равно дом уже не новый.

А дом и вправду уже не новый. Быстро старятся дома.



Гюльнара Гаджинская, г. Баку

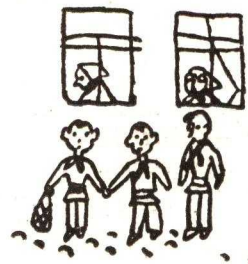
Однажды к нам в класс пришла вожатая и сказала, что надо организовать зону пионерского действия. Нам дали улицу Жуковского. Где она находится, никто из нас не знал. После уроков пошли ее искать. Наконец нашли. Она оказалась маленькой узенькой улочкой. Там нас ждал сюрприз. На улице Жуковского работали ребята из другой школы. Не долго думая, мы разделили улицу пополам.

На следующий день мы узнали, что

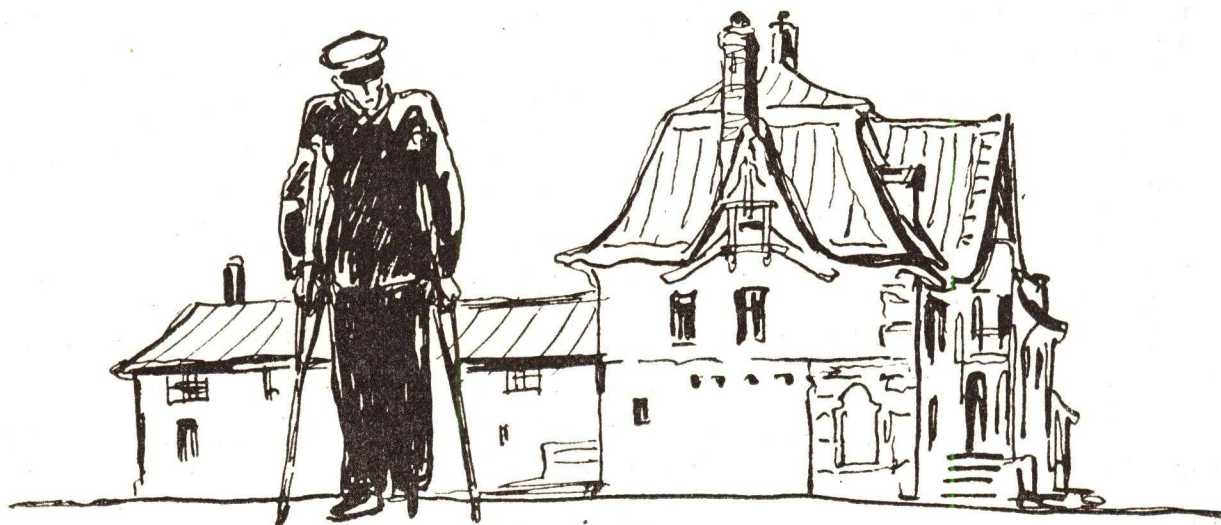
у них три старушки, а у нас одна. Как мы ни просили уступить одну нам, они не соглашались. Тогда мы решили белить деревья. Принесли известь и принялись за работу. Подходят те ребята и предлагают поменяться: мы им ведро извести, а они нам одну старушку. Мы конечно, согласились.

Вот уже целый год прошел, как мы работаем на улице Жуковского и все думаем: зачем нам дали эту улицу, когда рядом с ней другая школа?

Сережа Беляев,
г. Воронеж



мы разделили ее пополам



ТРЕТЬЯ ДОРОГА

ПОВЕСТЬ

Борис Никольский

Рисунки Н. Кустова

Глава первая

Сразу после обеда Таня взяла чистую тетрадь, аккуратно обернутый учебник немецкого языка, словарь, ручку и пошла к Генке.

Дом, в котором жил Гена Федосеенко, был красный, кирпичный, двухэтажный. Это был очень старый дом — внизу кирпичи давно позеленели, а над парадной дверью еще виднелись следы от старых букв: «Братья Масловы и К°». Чем занимались эти братья Масловы, теперь никто не помнил, но зато каждый раз, когда в городе снимались кинокартины из до-революционной жизни, операторы облюбовывали именно Генкин дом. Возле него вырастали старинные фонари, прохаживались дамы в длинных платьях и смешных шляпах, останавливались извозчицы пролетки... А потом Генка и все мальчишки из их класса бегали в кино и радостно вопили, когда узнавали «свой» дом.

Таня не любила этот дом. Раньше она боялась его, а теперь просто не любила.

Когда она была совсем маленькой, няня пугала ее на ночь:

— Вот не будешь спать, придет горбун, заберет тебя... А вон уже идет хромой дядька с мешком, собирает в мешок непослушных детей. Слышишь — скрипит под его деревянной ногой лестница: скрип, скрип, кто здесь не спит? Скрип, скрип... Кто здесь балуется?

Таня пугалась, пряталась под одеяло, за-тихала.

Однажды нянины присказки услышала мама.

— Зачем же вы пугаете ребенка? — сказала она. — Хро-мой или горбатый человек мо-жет быть ничуть не хуже нас с вами. Зачем же девочке его бояться? Пожалуйста, больше не делайте этого, я вас прошу...

С тех пор няня перестала рассказывать по вечерам свои поучительные истории, но все равно у Тани надолго остался страх перед ин-валидами. И когда, гуляя, она проходила по улице мимо красного кирпичного дома, всегда отворачивалась. В доме жил человек с одной ногой. Однажды, как раз когда Таня с нянь-кой шли мимо, он вдруг точно выпрыгнул из парадной, стукнув костылями о каменные плиты тротуара, и остановился, осматриваясь по сторонам. Одна его щека была порезана — наверно, он только что брился, но тогда эта свежая царапина на его лице почему-то пока-залась Тане особенно страшной. Да и то, что он не пошел сразу ни направо, ни налево, а стал осматриваться, словно искал кого, и то, что он появился именно в этот момент, будто подсторожил их, так напугало Таню, что она прижалась к няньке и долго боялась огля-нуться: ей казалось, что одноногий скачет за ними на своих костылях...

Страх ее перед этим человеком и перед этим домом стал еще больше, когда однажды случайно она подслушала разговор взрослых. В тот вечер к Таниному отцу пришли гости, и Таню рано отправили спать. Спать ей не хо-

телось, она лежала в темноте с открытыми глазами и прислушивалась к разговору в столовой. Сначала взрослые говорили тихо, приглушенно, но потом, видно, решили, что она уже заснула, и голоса стали громче.

— Нет, вы подумайте, вот так, ни с того ни с сего наброситься на человека... Видите ли, раз он инвалид, так ему все простится...

— Да вы знаете, инвалиды тоже разные бывают. Другому ногу в пьяном виде трамваем отрезало, а он кричит громче всех, что на войне пострадал...

— Нет, Федосеенко был на фронте с первого дня, я точно знаю, — это папин голос.

— На фронте-то на фронте, но надо все-таки сдерживаться.

— Я так ему и сказал, — это опять папа, — а он, представляете, буквально с кулаками кинулся... Побагровел весь, я уж испугался, думал, его удар хватит. И, главное, ведь я же хорошего ему хотел, не понимаю, чего он...

— Так он, наверно, пьяный был.

— Не знаю, не могу сказать, тут уж не до того было, чтобы разбираться.

— Подождите, а какой это Федосеенко, что-то не представляю.

— Ну как же, рядом здесь живет, в красном доме. У него еще четверо детей.

— Беда детям с такими родителями, одно несчастье...

— Ну что ж делать, дети здесь ни при чем...

Голоса снова стали тише, но теперь Таня уже не решилась закрыть глаза — она была уверена: стбит только заснуть — и ей моментально приснится одноногий Федосеенко.

С тех пор, если ей приходилось одной появляться на улице, она всегда обходила этот дом стороной. Одноногого человека она больше не встречала. Потом ей сказали, что он умер.

Тогда она еще не знала, что этот человек был Генкиным отцом. Тогда она и самого Генку не знала, потому что еще не училась в школе.

А теперь она училась уже в седьмом классе, и Генка тоже в седьмом, и она шла к нему домой, потому что он получил двойку по немецкому и ей поручили взять над ним шефство.

Это было ее первое поручение, и в дом к незнакомым людям она тоже шла впервые: раньше она ходила только к своим подругам, да вместе с мамой к маминым друзьям, в гости.

Она не решилась сразу переступить порог этого дома и сначала несколько раз прошлась по улице туда и обратно, словно просто гуляла, словно у нее не было никакого дела. Но ходить так бесконечно было нельзя, к тому

же она сообразила, что Генка может увидеть ее из окна.

Наконец она набралась храбрости и вошла в этот дом. На лестнице пахло сыростью, погребом, перила были скрипучие, шаткие. «Скрип, скрип»... — неожиданно вспомнилось ей.

Таня поднялась на второй этаж и позвонила.

Дверь открыл Генка.

— А-а! — сказал он. — Явилась? Ну, проходи.

Таня заранее решила не обращать внимания, если он будет грубить или дразниться. Мама всегда говорила, что это самое лучшее средство — «не обращать внимания».

Она вошла в переднюю и робко осмотрелась. Хотя она знала, что того человека давно уже нет здесь, все-таки ей было не по себе — казалось, все в этом доме непременно должно напоминать о нем. Ей казалось, что вот-вот в каком-нибудь углу она увидит костыли или какую-нибудь коляску для безногих, какое-нибудь кресло на колесиках. Но в передней стояли самые обычные вещи: лыжи с палками, бамбуковое удилище, банка из-под краски...

Таня стала вытирать ноги о резиновый коврик, и тут над дверью в комнату вдруг вспыхнула световая табличка: «Вытирайте ноги!»

— Ой! Что это? — сказала она.

— А это мы с братом делали такую штуку, — торопливо пояснил Генка, — только немного недоделали. Пока зажигается не тогда, когда нужно. Понимаешь, надо, чтобы она загоралась, когда человек проходит мимо коврика, а сейчас получается наоборот. Можно, конечно, сделать, чтоб она все время горела, а как ступишь на коврик, сразу бы гасла... Только батареек жалко, они тогда быстро выдохнутся. Да не бойся, больше ничего не будет.

— А я и не боюсь, откуда ты взял?

Вслед за Генкой Таня вошла в комнату. Комната была большая, даже очень большая, почти как зал, с огромными окнами, с разными завитушками на стенах у потолка. Посреди комнаты стол, покрытый клеенкой, у стены буфет, диван, еще один небольшой столик. Обстановка как обстановка, самая обычная обстановка.

Таня положила на стол свой учебник, и тетрадь, и словарь, и ручку — она проделала это неторопливо и обстоятельно, совсем как учительница немецкого языка Анна Леопольдовна, когда входит в класс. Но Генке, видно, не очень-то хотелось заниматься — он побродил вокруг стола, потом сказал:

— Хочешь, я тебе аквариум покажу?

Знаешь, какие у меня рыбы есть, ни у кого таких нет...

— Гена!

— А хочешь приемник покажу, какой я делаю? Карманный!

— Гена, перестань, пожалуйста!

— Ну ладно, вот ответь мне на два вопроса, и тогда будем заниматься. А не ответишь — не будем. Идет? Вот, слушай.

— Ничего я не буду слушать!

— Нет, ты скажи, ты вот скажи, зачем человеку учить немецкий, если он, может, за всю свою жизнь ни одного немца не встретит и ни одной немецкой книжки не прочтет? А? Или вот еще — зачем человеку учить, например, ботанику, если он станет физиком? Выходит, человек только зря тратит время, так?

— Зачем, зачем... Получишь еще одну двойку, тогда сразу узнаешь, зачем.

— Нет, ты правда ответь. Что? Не можешь? Ага — не можешь! Не можешь!

— Перестань сейчас же. Или завтра я все расскажу Анне Леопольдовне. Понятно? Итак, начнем с повторения. Was ist das? — она, совсем как Анна Леопольдовна, вытягивая указательный палец, показала на окно.

— Das Fenster.

— Хорошо. Пошли дальше.

— А если хочешь знать, — сказал Генка, — я могу сам весь немецкий за месяц выучить. Стоит только захотеть.

— Ну и захоти.

— Ну и захочу.

— Ну и захоти.

— Не веришь? А вот давай будем соревноваться. Будто мы две команды. Я — «Спартак», ты — «Динамо». Вопросы задаем по очереди. За правильный ответ — очко. И кто победит. Спрашивать можно обо всем, что в этой комнате. Идет? — и пока Таня думала, соглашаться или нет, Генка быстро показал на клеенку:

— Was ist das?

Таня не знала.

— Ага! 1:0 в мою пользу! 1:0! 1:0! — орал Генка.

— Таня не удержалась и показала на диван:

— Was ist das?

Теперь промолчал Генка.

Was ist das? 2:1! Was ist das? 2:2! 3:2! 4:2!

— Внимание! Внимание! Вперед вырывается команда «Динамо»! Болельщики на трибунах неистовствуют! Счет становится 4:3! Еще немного — и «Спартак» сравняет счет!

— Was ist das?

— Der Funter.

— Какой такой «Funter»?

— Funter, обыкновенный, — невинным голосом повторил Генка.

Таня принялась торопливо листать словарь. — Да такого и слова нет, жулик несчастный!

— А что? Мог же я ошибиться?

Оба, и Генка, и Таня, уже увлеклись, оба торопливо оглядывались вокруг, выискивая в комнате оставшиеся еще не названными предметы.

— «Динамо» все больше и больше вырывается вперед! «Спартак» отчаянно обороняется! До конца встречи остаются считанные минуты. По-видимому, «Спартаку» уже не удастся отыграться! Трибуны ревут!

— Was ist das? — Таня показала на фотографию, висящую на стене. На фотографии нахмуренный молодой человек в кожаной куртке стоит возле мотоцикла.

— Das ist... Das ist... Это мой отец, — негромко сказал Генка, — это довоенное фото. Мотоциклист на фотографии был очень молод и совсем не был похож на того одного человека, который остался в Таниной памяти.

Таня подождала, ей казалось, что Генка сейчас еще что-то скажет, что-то объяснит.

— 22:10 в пользу «Динамо», — объявил он. — Матч закончен.

Большие настенные часы — die Uhr — пробили шесть. Как незаметно прошло время. Хлопнула входная дверь — это вернулась с работы Генкина мать.

Она торопливо прошла через комнату, кивнула Тане:

— О! У нас гости?

Потом появилась Генкина сестра:

— Ген, ко мне никто не приходил?

Сразу вслед за ней прибежала ее подруга.

Квартира, только что такая тихая, сразу ожила, вся наполнилась звуками: хлопаньем дверей, шумом воды в умывальнике, звяканьем посуды...

Таню приглашали остаться ужинать, но она застеснялась, смутилась, заторопилась домой.

* * *

Вечером Таня, как всегда, готовит уроки, потом садится за пианино — она занимается музыкой в Доме пионеров. Мама говорит, что вовсе не стремится сделать из своей дочери великую пианистку, но все-таки каждый культурный человек должен уметь играть на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Потом Таня ужинает, пьет кефир, еще полчасика читает книгу и отправляется спать. Забирается под одеяло и лежит, согреваясь,

свернувшись калачиком. Она слышит, как в соседней комнате папа шуршит газетой, как позванивают чайные ложечки — мама убирает со стола.

Это самые любимые Танины минуты. Сейчас войдет мама... Вот она уже входит, присаживается рядом с Таней на край кровати. В такие минуты с мамой можно говорить обо всем-обо всем, и мама тоже всегда советуется с ней совсем как со взрослой, по-серьезному...

— Танечка, — говорит она, — ты знаешь, мы с папой думаем купить новую мебель. Помнишь, такую, как у тети Сони.

— Ой, мамочка! Как хорошо!

— Но тогда тебе не придется покупать сейчас новое пальто, и с часами тоже придется немножко подождать... Ты не против?

— Ну, конечно, нет, мамочка...

— Девочки, что вы там шепчетесь? — кричит из соседней комнаты папа. — Раз, два, три — я иду подслушивать!

Хотя это повторяется почти каждый вечер, всякий раз Тане становится ужасно весело — она смеется, прямо-таки изнемогает от смеха и тоже кричит в ответ:

— Не надо, папа! Не надо! У нас секреты!

Напрасно Таня так ждала пятницы и так волновалась — в пятницу урок немецкого не состоялся. Вместо урока директор разрешил провести пионерский сбор. Вообще-то сбор на тему «Борющаяся Африка» был назначен после уроков, но в последний момент выяснилось, что африканец, приглашенный на этот сбор, может приехать только к началу пятого урока. И ввиду таких чрезвычайных обстоятельств директор отменил немецкий.

Приглашала африканца в школу председатель совета отряда Зина Котова — она специально ездила к нему в гостиницу — и теперь так гордилась, так поглядывала на всех, словно он должен был приехать лично к ней.

Встречать гостя в вестибюле поручили Тане, Зине и еще Вере Капустиной — трем отличникам, но когда он появился, Зина все-таки умудрилась выскочить вперед и взяла его за руку и повела по лестнице.

Негр был высок и худощав. У него было усталое лицо с обострившимися скулами. И руки совсем худые, с тонкими пальцами, с острыми локтями.

Он был одет по-африкански — в голубую тогу, в легкие бесшумные сандалии на босу ногу, и когда он шел по лестнице, тихий и сосредоточенный, длинный конец одежды, переброшенный через плечо, чуть развевался.

— Мама, — немного отдохнув от смеха, спрашивает она, — а вот скажи мне, пожалуйста, зачем человеку учить ботанику, если человек, например, хочет стать физиком, и ботаника ему никогда не пригодится? Выходит, он зря тратит время?

Минуто, другую мама молчит, думает.

— Видишь ли, девочка, — наконец, говорит она, — во-первых, в вашем возрасте человеку еще трудно определить, что ему пригодится, а что нет. Может быть, он мечтает стать физиком, а станет как раз ботаником. Или наоборот... А во-вторых, даже взрослые люди, даже ученые не всегда знают, что им понадобится завтра. Вот подумай сама — еще недавно медицина прекрасно обходилась без математики. А теперь хороший врач обязательно должен знать и математику и физику. И, наконец, чем разностороннее знания, чем образованнее человек, тем легче ему работать, тем скорее он может сделать какое-нибудь открытие... Теперь понятно тебе?

— Понятно, — уже сквозь сон отзывается Таня, — очень, очень понятно. Спасибо, мамочка.

— Ну, тогда спи. Спокойной ночи. Спи.

Глава вторая

И потом, уже в классе, пока Вера Капустина читала по тетрадке доклад о борьбе народов Африки за свободу, и пока Витя Гордиенко показывал ребятам флаги свободных стран Африки, и пока Миша Уткин осторожно, с помощью пинцета, демонстрировал африканские марки из отцовского альбома, негр сидел неподвижно, напряженно сцепив тонкие пальцы, задумчиво глядя на ребят. Анна Леопольдовна изредка наклонялась к нему и хриловатым от волнения голосом коротко переводила гостю, о чем говорят ребята. Правда, переводчик, молодой веселый парнишка, студент университета, сидел тут же, рядом, но ей, видно, очень хотелось самой поговорить с африканцем. И негр быстро кивал в ответ, но лицо его по-прежнему оставалось усталым и печальным.

Только когда ребята начали просить гостя рассказать что-нибудь, какую-нибудь историю, самый интересный случай из своей жизни, он улыбнулся и что-то быстро сказал переводчику.

— Пьер спрашивает вас, любите ли вы играть в футбол?

— Любим!

— Еще как!

— Еще бы! — заорали мальчишки. — Каждый день играем!



— Ну вот и я очень любил играть в футбол, — сказал негр. — Правда, сначала мяча у нас не было, мы играли чем придется. А потом, когда я уже стал постарше, то не расставался с мячом, меня даже взяли в сборную команду города. Однажды у нас был очень важный матч. Мы, африканцы, играли с командой британской армии. На трибунах были почти одни белые. Нам угрожали, свистели. «Смотрите, — кричали с трибун, — эти черные ублюдки хотят выиграть, а еще не научились надевать бутсы!» Дело в том, что мы играли босиком, просто у нас не было денег на ботинки. И все-таки мы старались изо всех сил. Когда счет стал 2:1 в нашу пользу, на трибунах творилось что-то невероятное — нас грозили убить, если только мы посмеем выиграть.

Но мы не могли проиграть, мы должны были выиграть — вы понимаете почему...

Негр говорил все быстрее и быстрее, переводчик едва успевал за ним. Но глаза негра по-прежнему оставались грустными и спокойными...

— И мы выиграли. Я никогда себя не чувствовал таким счастливым, как в тот день. И нам удалось уйти целыми со стадиона. Но потом... Потом одного из моих товарищей убили прямо на улице только за то, что он участвовал в этом матче.

— У, гады! — выкрикнул Миша Уткин. — Я бы их!

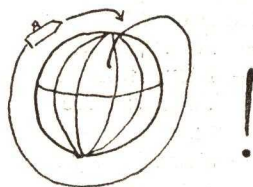
— Ты бы, ты бы, — толкнула его Зина Котова. — Помолчи лучше.

В классе наступила тишина. Негр начал прощаться. Ребята сразу повскакали с мест, окружили его, трогали голубую непривычную одежду... Те, кому не удалось пробиться к негру, обступили переводчика и не отпускали, расспрашивали его...

Тане и Генке повезло — они стояли возле самого гостя, только вот жаль: они не могли ни о чем спросить его, потому что не знали английского, просто ни слова не знали по-английски. Эх, если бы они на уроках изучали английский!

Негр видел, что они изо всех сил стараются понять его, что они буквально страдают оттого, что не знают ни слова по-английски, — они что-то показывали жестами и кивали головами, но все равно ничего не получалось. Негр обернулся, поискал глазами переводчика, тот был тоже окружен ребятами.

Тогда вдруг гость вынул маленький блокнот и старательно вывел карандашом на странице такой рисунок:

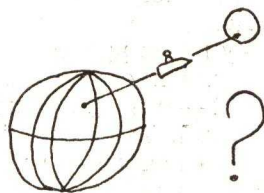


И поставил восклицательный знак.

Ребята обрадованно зашумели и засмеялись.

Тогда он перевернул страницу и снова взял карандаш. Теперь появился новый рисунок.

И рядом знак вопроса.



В воскресенье Таня хотела отправиться к Генке, но мама сказала, что сегодня они пойдут в гости к тете Соне. Ходить в гости для Тани — сплошное удовольствие. Ее радует все, начиная с самого приготовления к «гостям», с той легкой праздничной суматохи, которая всегда предшествует выходу из дома. Ей нравится наблюдать, как перебирает мама свои платья, раздумывая, какое надеть, как прикидывает она сначала одно, потом другое, как стоит затем в нерешительности перед зеркалом, как подкрашивает губы, чуть касаясь рта губной помадой, нравится легкий запах духов, плывущий по комнатам... А папа тем временем бреется, потом завязывает перед зеркалом галстук и одновременно торопит маму...

И когда, наконец, они выходят из дома, и все вместе, нарядные, идут по улице, Таню

— А?

— Скоро! Скоро! — весело закричали ребята.

— Скоро! Скоро! — закричали Таня и Генка. Они отлично поняли его.

И негр тоже обрадовался, и лицо его стало совсем-совсем детским.

Но переводчик показывал знаками, что пора идти, что уже поздно. И негр виновато улыбнулся и двинулся к двери...

Все вместе, и ребята и африканец, спустились вниз в вестибюль, и здесь Вера Капустина вдруг робко дотронулась до его худой руки.

— Послушайте, — сказала она, — вот вы вернетесь к себе, там же могут узнать, что вы были в Советском Союзе. Вы не боитесь?

Негр внимательно слушал переводчика.

И вдруг лицо его изменилось — оно точно вспыхнуло — исчезла вдруг усталость.

Он заговорил горячо и резко.

И все ребята, и Генка, и Таня вдруг услышали, как на английском языке прозвучало слово «Революция».

И когда переводчик начал переводить, все уже знали, все уже догадывались, что он скажет:

— Нет, я не боюсь. Это борьба. И в борьбу не вступает тот, кто боится. Мы — революционеры. И мы будем бороться до конца.

А потом все вышли на улицу и долго махали руками, когда машина уже тронулась, и кричали:

— Приезжайте! Приезжайте к нам еще! Обязательно приезжайте!

И он улыбался и прижимал руки к груди и что-то говорил, но что, уже не было слышно...

Глава третья

распирает какое-то радостное чувство оттого, что все видят, какая красивая и молодая у нее мама, какой веселый отец...

— Вот семья так семья, — говорит тетя Соня, — такой семье можно только позавидовать... Теперь не так часто встретишь дружную семью...

Детей у тети Сони нет, и потому Таня все время со взрослыми. Она слушает их разговоры, смотрит телевизор, или разглядывает старинные пухлые фотоальбомы и яркие глянцевиные открытки, доставшиеся тете Соне еще от ее матери, или роется в шкатулке, где хранятся старинные диковинные пуговицы, бусы, сломанные брошки и разноцветные камешки, собранные самой тетей Соней на берегу Черного моря.

Потом все вместе обедают. После обеда муж

тети Сони, извинившись, уходит отдохнуть.

— Привычка, — говорит он, вздыхая, — ничего не поделаешь... Мы ведь по-свойски...

А мама, папа и Таня начинают собираться домой. Мама никак не может расстаться с тетей Соней, и они еще долго разговаривают, сначала стоя в коридоре, потом в передней, и, наконец, на лестничной площадке...

Домой они уже не идут пешком, а едут на трамвае, и мама всю дорогу говорит о том, какие все-таки милые люди тетя Соня и ее муж.

Но в этот раз все настроение Тане портят мысли о Генке.

«Нехорошо все же получилось, надо было хоть предупредить, что не приду. А то он, наверное, сидел весь день и ждал, а может быть, и сейчас ждет...»

И когда они возвращаются домой, Таня не выдерживает и ластится к матери:

— Мамочка, можно я к Генке сбегать? Ну, на минутку... Я же обещала...

Мама пристально смотрит на нее и качает головой:

— Что это, свет клином сошелся на твоём Генке? Дня без него не можешь прожить. Ну ладно, беги. Только на минутку...

Таня чмокает ее в щеку и сначала не спеша идет в коридор, потом хлопает дверью и — вниз! вниз! — быстро бежит по лестнице.

Она уверена, что Генка ждет ее. Ждет и удивляется — ведь это первый раз так получилось — пообещала и не пришла.

«Entschuldigen Sie... — придумывает она на ходу немецкую фразу, — извините меня, я немного опоздала». — Так всегда говорит Анна Леопольдовна, если входит в класс чуть позже звонка.

Вот и старый кирпичный дом, старая скрипучая лестница... Запыхавшись, Таня останавливается на втором этаже и, нажав кнопку звонка, ждет. За дверью раздается легкий шорох, и Генкин голос произносит:

— Никого нет дома.

— Генка, это я, Таня!

Но за дверью стоит тишина, словно человек там, в квартире, затаился и прислушивается.

— Генка, открывай! — говорит Таня. — Хватит баловаться!

Она уверена, что это шутка, что сейчас дверь распахнется и появится улыбающийся белобрысый Генка.

Но в квартире по-прежнему тихо.

Тогда Таня поворачивается и, поминутно оглядываясь, начинает медленно спускаться по скрипучей лестнице.

— Ты уже? Вот молодец! — говорит мама.

Она стоит спиной, убирает в шкаф платье и потому не видит, какое у Тани лицо. И хорошо, что не видит. А то бы, наверно, сразу стала спрашивать, что произошло. А Таня и сама не знает, что произошло.

* * *

Утром, собираясь в школу, Таня решила больше не разговаривать с Генкой. Ни за что. Никогда. Пусть он хоть сто двоек получит по немецкому... Пусть с кем хочет потом устраивает свои дурацкие шутки...

Первые три урока она даже не смотрела в Генкину сторону. Но когда на перемене Генка подошел к ней и спросил:

— Чего ты дуешься? Почему вчера не приходила? — она не удержалась и вместо того, чтобы отвернуться и промолчать, пожалала плечами и сказала:

— А что, я обязана?

— Или, может, ты заходила?

— Тебе лучше знать, — сказала Таня возмущенно.

— Это почему же?

— А потому, что «потому» кончается на «у». Понял?

Он вдруг засмеялся:

— Ладно, не злись, после уроков я тебе кое-что покажу.

Конечно, она вовсе не собиралась идти к нему после уроков. Но Генка был упорный человек. Он схватил ее за руку и потянул за собой — она даже не думала, что он такой сильный. Таня никак не могла вырвать свою руку. Сначала она упиралась всерьез, а потом уже только для вида, потому что ей действительно стало интересно, что же он хочет ей показать.

Дома в передней он опустился на колени возле какого-то ящика, присоединил провода.

— Ну-ка, позвони теперь...

— Вот еще! — Таня нерешительно стояла в дверях, она ждала от Генки какого-нибудь подвоха.

— Да позвони, будь человеком, не бойся...

Таня осторожно нажала кнопку звонка.

И сразу вслед за звонком в передней раздался шорох, потрескивание и Генкин голос произнес:

— Никого нет дома.

И стало тихо.

Генка смотрел на нее, и его большой рот постепенно растягивался в улыбку.

— Ну, что, поняла теперь? Это мы с Люской, с моей сестрой, придумали.

Таня вздохнула. Права Генкина мать, когда говорит, что в этом доме можно ожидать все-

го, чего угодно. «Можно ожидать, — говорит она, — что в один прекрасный день все двери начнут открываться сами собой, можно ожидать, что трамвай въедет в коридор, только нельзя дожидаться, чтобы кто-нибудь починил мясорубку или сменил электропроводку. Наверно, мне, старой женщине, придется принести лестницу и самой лезть к потолку менять шнур...»

— Это будет очень интересный акробатический номер, — тут же отзывается Люся.

Первое время, когда Таня слышала такие разговоры, она вся сжималась и испуганно смотрела на Генкину мать: ей казалось, что вот-вот вспыхнет ссора. Но мать не обижалась, и все подобные разговоры в доме Федосеенко обычно заканчивались всеобщим авралом. Генка отправлялся на кухню чинить мясорубку, а Люсины товарищи-студенты притаскивали стремянку и принимались менять электропроводку...

Больше всего, конечно, доставалось Генке. Если взрослые, придя домой, обнаруживали, что дома нет хлеба, Люся говорила своим подругам:

— Нет, вы только подумайте, я до сих пор была уверена, что у меня заботливый брат, а оказывается... Нет, товарищи, вы только взгляните на его лицо — обратите внимание на то выражение злорадства, с которым он наблюдает, как его сестра умирает с голоду...

И все сразу начинали качать головами и рассматривать Генку так, словно видели его впервые, словно он был редким экспонатом из зоопарка.

Генка ворчал и тоже пытался острить, но у него это получалось плохо — он начинал злиться, и преимущество всегда оказывалось на Люсиной стороне. Генке не оставалось ничего другого, как послушно идти в булочную.

Дома у Тани все происходит по-другому. Дома у Тани мама говорит:

— Танечка, если ты ничем не занята, будь добра, сходи за хлебом.

И Таня отвечает:

— Хорошо, мамочка, сейчас.

Пока Таня думала обо всем этом, Генка уже притащил какую-то картонную коробочку.

— Угадай, что это?

У него на ладони — хрупкое переплетение тонких проводков, соединенных с черными шляпками на проволочных ножках, с крошечными, меньше копейки, оранжевыми кружками, с красными и зелеными деталями, похожими на цветные камешки.

— Карманный приемник — вот что.

У Таниного отца тоже есть маленький транзисторный приемник, но по сравнению с ним, купленным в магазине, упрятанным в блестящую коробку, этот, Генкин, выглядит таким хрупким, таким легким, почти невесомым, таким беззащитным, кажется, только дунь — и он разрушится, исчезнет; даже не верится, что здесь, в этих тонких проволочках, в этих крошечных деталях может родиться звук. Но Генка присоединяет маленький динамик, что-то вертит, скрепляет какие-то провода, и схема вдруг оживает, в динамике сначала раздается шуршание, а потом слышится музыка, не громкая, но самая настоящая музыка. Бывает же так: лежит у тебя на ладони обыкновенная сухая веточка, и вдруг дунул ветер, шевельнул ее, и ты видишь, что это вовсе не сучок, не веточка, а живое существо — какой-нибудь богомол кивает тебе головой и перебирает своими тонкими ногами. И сейчас в руках у Генки произошло точно такое же превращение: только что все эти проволочки были неживыми, холодными, и вдруг началась в них какая-то своя жизнь, началась невидимая глазу работа, и вот из ничего возникла музыка.

— Это я для брата подарок делаю, — говорит Генка, осторожно пряча свое сооружение в картонную коробку, — у него скоро день рождения. А что? Вот достану футляр, еще получше будет, чем в магазине.

Старшего Генкиного брата Таня еще ни разу не видела. Он работает в каком-то научно-исследовательском институте, «страшно секретном», говорит Генка, оттуда даже никакие книги и записи выносить не разрешают, вот потому он так мало бывает дома, все занимается... Но слышит она о нем по сто раз в день. В углу комнаты лежат гантели — это брата. В передней стоят лыжи — брата. Почтальонша принесла бандероль — брату. Люся купила толстый англо-русский словарь — для брата. Совсем как в сказке про кота в сапогах. Сломается телевизор — «придет брат, починит», «надо спросить брата», «надо рассказать брату», «брат говорит»... Даже удивительно, что это за человек такой — все умеет, все может, если верить Генке. Взглянуть бы на него хоть одним глазком. Иногда Тане становится даже обидно оттого, что у нее нет ни сестер, ни братьев...

Раздается звонок. Это пришли за Генкой одноклассники, братья Сазоновы, Борис и Глеб. Они взволнованы. Перебивая друг друга, они сообщают, что поле уже почти просохло после вчерашнего дождя, что пацаны из соседнего двора уже собрались, что мяч уже надут — вот, потрогай, какой! Но Генку

не надо уговаривать. Он торопливо натягивает пальто.

— Танька! Айда с нами, будешь болеть!

И что-то странное происходит с Таней. Она вдруг забывает, что еще не была дома, что ее ждет мама, что ей надо разучивать вальс Штрауса — сейчас она совсем не думает об этом. Она бежит вместе с мальчишками вниз по лестнице в распахнутом пальто, бежит на пустырь, где уже идут последние приготовления к матчу: сваливаются в кучи, вместо штанг, портфели и пальто, засыпается песком огромная лужа посреди поля, двое счастливых обладателей формы с непроницаемыми лицами зашнуровывают бутсы.

Наконец игра начинается. Мокрый мяч тяжело катится по непросохшей земле, мальчишки толпой, отталкивая друг друга, несутся за ним. «Пас! Пас!» — надсаживается кто-то слева. Прыгает вратарь между двумя грудами пальто. Свистят и орут болельщики.

— Бей! — кричит Таня вместе со всеми. — Бей! — когда Генка прорывается к воротам.

Двое мальчишек рядом с ней курят, не скрываясь. У мальчишек самые что ни на есть хулиганские физиономии, но Тане почему-то вовсе не страшно — азартный восторг, ощущение самостоятельности захватывает ее.

— Давай! — кричит она. — Давай, Генка!

Глеб, взмокший, краснолицый, уходит, прихрамывая, с поля.

— Судья — жила, — говорит он, — у них был явный офсайд.

И хотя Таня не знает, что такое «офсайд», она кивает, она соглашается. Ей весело и жарко, она хочет сбросить пальто, но в этот момент кто-то берет ее за плечо.

— Так вот ты где, — слышит она мамин

голос. — А я тебя везде ищу. Ты знаешь, сколько сейчас времени?

И тут Таня все вспоминает. Вспоминает, что не была дома. Вспоминает, что еще не обедала. Вспоминает, что надо разучивать вальс Штрауса.

— Мамоchка, — говорит она, — я...

Глеб Сазонов с интересом смотрит на нее — что-то будет?

— Мама, — неожиданно говорит Таня, — это Глеб. Познакомься.

— Очень приятно, — сухо, как взрослому, говорит мама. Но по ее лицу Таня видит, что ей нисколько не приятно, что она очень рассержена.

— Идем, — говорит мама.

Таня берет портфель, и они уходят с пустыря, где по-прежнему, разбрызгивая лужи, носятся мальчишки.

— Ты, конечно, уже взрослая девочка, — говорит мама ровным голосом, — и можешь поступать, как тебе вздумается и приходить домой когда угодно. Только давай договоримся так: я больше ни переживать, ни волноваться за тебя не буду... Мы будем просто как чужие люди...

— Мамоchка! — говорит Таня. Только теперь она понимает, что наделала.

— Я уже бог знает что передумала, я так переволновалась, — говорит мама, — даже в школу звонила. Машины, трамваи... Мало ли что может случиться. Мне уж всякие мысли в голову приходили...

Мама вдруг замолкает и отворачивается.

— Мамоchка! Я никогда больше так не буду! — в отчаянии говорит Таня. — Вот увидишь, я больше никогда-никогда так не буду!..

Несколько дней Таня не ходила к Федосеенко. Она чувствовала себя виноватой перед матерью и знала, что если попросит разрешения сходить к Генке, мама пожмет плечами и скажет: «Ну что ж, иди», но будет недовольна. Генке Таня сказала, что у нее ужасно много дел, ну, ни минутки нет свободной. И это была правда. Она готовилась выступать на концерте 7 ноября, до концерта оставались считанные дни. Тане казалось, что она ни за что не успеет подготовиться и обязательно согреет, возьмет не ту ноту, будет такой позор! А тут еще привезли новую мебель, и Таня вместе с мамой несколько раз переставляла все вещи. Стол, торшер, диван, сервант, кресла, журнальный столик, шкаф — все это передвигалось, переезжало из комнаты в комнату, от

Глава четвертая

стены к стене, из угла в угол, словно происходила игра в гигантские шашки. Только пианино каждый раз неизменно оставалось на своем месте, потому что вдвоем его было не сдвинуть... Сначала мебель ставили «по-Таниному», потом «по-маминому», потом, когда пришел с работы папа, ему показали сначала Танин, а потом мамин вариант, и папа, конечно, предложил свой, и все началось заново.

Так что времени у Тани действительно не было. Да и особой необходимости идти к Федосеенко — тоже. Двоем по немецкому Генка больше не получал — Анна Леопольдовна была им довольна.

Но однажды Генка не пришел в школу. Случилось это в среду, как раз в день кон-

трольной по немецкому, и Анна Леопольдовна, подозрительно посмотрев на пустое место за предпоследней партой, спросила:

— Товарищи, кто знает, почему нет Федосеенко?

— Заболел, наверно! — выкрикнул Глеб Саонов.

— Вот и неправда, — тут же сунулась Зина Котова. — Можно мне сказать, Анна Леопольдовна? Я его сегодня утром видела, он по улице шел.

— Ну и что ж? — проворчал Глеб. — Может, он сначала шел, а потом заболел.

— Хорошо. Не будем зря тратить драгоценное время, — сказала Анна Леопольдовна. — А ты, Таня, сходи сегодня, пожалуйста, к Федосеенко, узнай, что с ним произошло... И передай ему: если он надеется, что избавился от контрольной, то глубоко ошибается.

Так Тане снова пришлось отправиться к Генке.

Она была уверена, что Гена, как обычно в это время, сидит дома один, и очень удивилась, когда дверь ей открыла Ольга Ивановна, Генкина мать. У нее было озабоченное и в то же время какое-то отсутствующее, рассеянное выражение лица, она посмотрела на Таню так, словно не сразу узнала.

— А, Танюша... Проходи.

— Я на минуточку, — смущаясь, проговорила Таня. Она хотела тут же спросить, что с Геной, но в этот момент в коридоре появился он сам, здоровый и невредимый.

— Ты что это прогуливаешь?

— У меня брат уезжает.

— Ну и что же? Значит, надо контрольную пропускать, да? Анна Леопольдовна сказала...

— Да он не просто уезжает... Он в такое место уезжает, — быстро заговорил Генка, — откуда даже письма не идут.

— Так я и поверила! Где ж это такое место, интересно знать?

— А это секрет, тайна. Понимаешь, он даже маме ничего не говорит. Только сказал: «Возможно, писем от меня месяца два не будет, так вы не волнуйтесь». Да ты сама его спроси, если не веришь... За ним сейчас на машине должны приехать, на «Волге», наверно, — быстро шептал Гена, поглядывая на дверь комнаты.

И, словно в подтверждение его слов, снизу с улицы раздался автомобильный гудок. И еще один.

Генка, совсем забыв о Тане, бросился в комнату, но в ту же минуту дверь открылась и Таня увидела Генкиного брата. По коридору шел самый обыкновенный человек, просто даже удивительно, до чего обыкновенный —

невысокого роста, в плаще и кепке, с небольшим чемоданом в руке.

— Мама, — говорил он, — ты только, пожалуйста, не волнуйся, прошу тебя... Я даю тебе слово, ничего страшного...

Тут он взглянул на Таню. Он улыбнулся и сказал:

— А, так это та самая Таня... — но видно было, что думает он совсем о другом, что весь он уже во власти каких-то неизвестных Тане забот.

Он прошел мимо, и ей вдруг ужасно захотелось сделать сейчас, немедленно, что-то такое, чтобы этот человек обратил на нее внимание, чтобы он заметил ее по-настоящему. Она не привыкла, чтобы взрослые не замечали ее.

Но что сделать — она не знала, она ничего не могла придумать, а тем временем Генка уже схватил ее за руку и потащил за собой. Все вместе они спустились по лестнице и вышли на улицу. У подъезда стояла черная блестящая «Волга».

Генкин брат поцеловал мать и Генку и пожал руку Тане.

И в те недолгие минуты, пока он прощался, пока садился в машину, и мать, и Генка, и Таня — все улыбались ему, как улыбаются люди на вокзальных платформах, когда толстое оконное стекло уже разделяет людей и делает все слова неслышными и незначительными. И он тоже улыбался в ответ.

Потом машина дрогнула и, шаркнув шинами по асфальту, укатила.

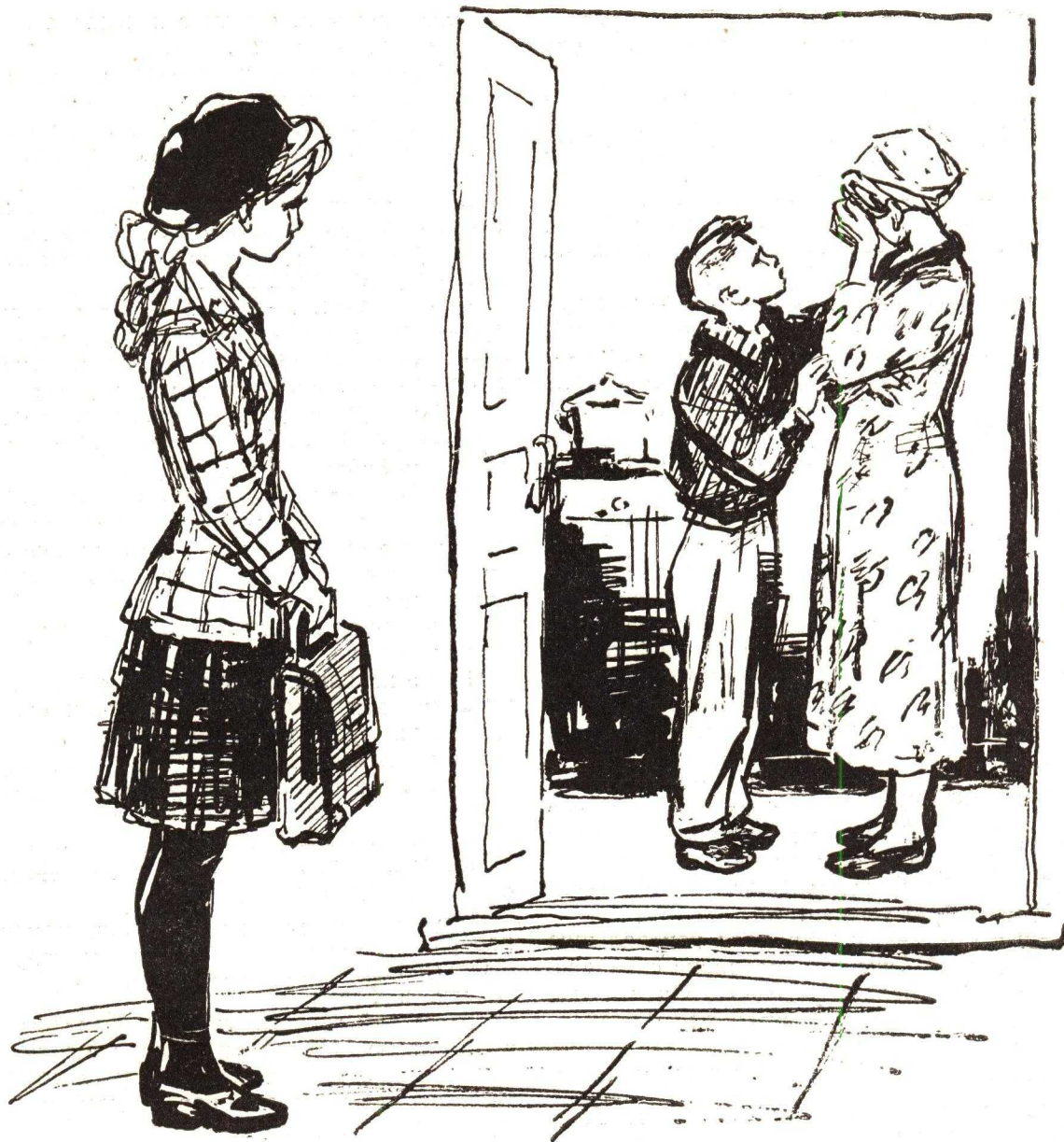
И тогда все перестали улыбаться и пошли наверх.

Ольга Ивановна сразу ушла в кухню мыть посуду, и Генка, тихий и послушный, понес вслед за ней грязные тарелки. Таня осталась в комнате одна. Но Гена не возвращался слишком долго, и Таня с беспокойством поглядывала на часы — давно пора домой. Наконец она не выдержала, взяла свой портфель и пошла на кухню проститься. Она прошла по темному коридору и остановилась в дверях кухни.

Ольга Ивановна плакала. Наклонив голову, она вытирала посуду, и слезы бесшумно падали на сухие чистые тарелки. Генка стоял возле нее, спиной к двери и растерянно повторял:

— Мам, не надо... Ну, не надо, мам... Он же сказал, что не надо волноваться... Мам, слышишь?

— И что это за семья такая, — говорила Ольга Ивановна. — Вечно все куда-то торопятся. Подумать только — родной брат уезжает, а у сестры даже нет времени его проводить...



У нее тоже дела... И так все время — один приезжает, другой уезжает... Хоть бы год пожить вместе... Вот и отец так же сказал тогда: «Не волнуйся» и уехал... Я устала, просто устала.

— Мам, — говорил Генка — ну, не надо, слышишь?

Тане стало неловко, даже стыдно, словно она подсмотрела что-то такое, чего ей не полагалось видеть, о чем даже не полагалось знать. Она не решилась окликнуть Генку, а вернулась назад в комнату и там терпеливо ждала

его. А когда он пришел, быстро продиктовала ему домашнее задание, попрощалась и побежала домой.

* * *

Дома были гости, папин приятель, дядя Гриша с женой Викторией Ивановной. Они восхищались новой мебелью и говорили, что даже не могут решиться сесть на такие великолепные стулья, что просто прикасаться страшно к таким изумительным вещам. А мама, очень довольная, смеялась и говорила,

что ничего страшного, что, в конце концов, мебель для человека, а не человек для мебели...

— Танюша совсем взрослая стала, как незаметно растут дети, — сказала Виктория Ивановна, — кстати, вы не видели последний итальянский фильм, подождите, как же он называется, выпало из головы... Так там играет артистка, ну прямо вылитая Таня, особенно линия рта, разрез глаз... как две капли воды...

Таня не удержалась и будто случайно взглянула на себя в зеркало. Артистка... Самая обыкновенная худая, длиннорукая девочка смотрела на нее из зеркала. И волосы не поймешь какие, ни светлые и ни темные, каштановые, говорит мама, а на самом деле, пожалуй, и не каштановые. И глаза не то серые, не то зеленые, не поймешь...

— Таня, перестань смотреться в зеркало, — сказала мама, — Виктория Ивановна, вы портите мне дочку, теперь ее от зеркала не оторвешь...

Потом дядя Гриша расспрашивал Таню, как она учится и много ли нахвatala двоек. Он всегда так и говорил «нахвatala», хотя прекрасно знал, что у Тани не то что двоек, даже четверок почти никогда не бывает. Потом Тане, как всегда, пришлось сесть за пианино и сыграть для гостей, но играла она плохо, рассеянно, потому что все думала о Генкином брате и все видела перед собой два лица Ольги Ивановны, Генкиной матери — одно спокойное, улыбающееся, когда она стояла возле машины, и другое — усталое, заплаканное, на кухне... И какое-то тревожное, неясное чувство охватывало Таню. Наконец, Танина мама не выдержала и сказала, что она больше слушать не может такой игры, что если Таня так будет играть, то наверняка провалится на концерте, лучше уж тогда сразу отказаться и не выступать, не позориться. А дядя Гриша сказал, что, конечно, он не специалист в музыке, но, по его мнению, Таня играла совсем не плохо, даже хорошо. И все пошли за стол пить чай.

А на следующий день, после урока химии, случилось неприятное происшествие.

Если бы Таня ушла из химического кабинета вместе со всеми, если бы не задержалась, складывая книги в портфель, может быть, ничего бы и не произошло, все было бы хорошо и спокойно. Но она задержалась, и как раз в этот момент братья Сазоновы, Борис и Глеб, разбили колбу. Конечно, они разбили ее слу-

Пили чай и говорили о литературе.

— Папа, — спросила Таня, — а откуда человек может не писать целых два месяца?

— Как это «откуда»?

— Ну, вот человек уезжает и говорит: два месяца писем от меня не будет, не ждите...

— Да не может быть сейчас такого. Сейчас везде есть почтовые отделения. Ну, разве что в какой-нибудь геологической экспедиции... Да и то вряд ли... Другое дело во время войны... А почему ты спрашиваешь?

— Так просто, — сказала Таня. Она по-прежнему думала о Генкином брате. Ей представлялось, что летит он сейчас на большом самолете, над ним звездное небо, под ним — снежная пустыня, а на крыльях самолета вспыхивают и гаснут зеленый и красный огоньки, вспыхивают и гаснут.

И потом, уже лежа в постели, она думала, что все-таки есть, наверно, такое место, где нет ни почтового отделения, ни магазинов, ни домов, ничего нет... Какой-нибудь исчезающий остров, вроде Земли Санникова... Может же быть такой остров, раз пишут об этом в книгах...

По обыкновению заглянула к ней на минутку мама, поправила одеяло, поцеловала.

— Спи.

— Мамочка, — спросила Таня, — а почему наш папа никогда не ездит в командировки?

— Что за странные вопросы ты задаешь сегодня, Таня? Просто у него такая работа. Ты же знаешь. Спи.

Дверь в столовую осталась чуть приоткрытой, узкая полоска света падала на пол, и доносились негромкие голоса взрослых.

— А вы знаете, я недавно встретила одну приятельницу, — говорила Виктория Ивановна, — так муж ее знакомой был в прошлом году во Франции... И он рассказывает, будто бы там...

Тане очень хотелось узнать, что же делается во Франции, но тут кто-то притворил дверь, полоска света погасла, и голоса затихли...

Глава пятая

чайно, просто Борис толкнул Глеба, а Глеб толкнул стол, а на столе стояла колба. Она упала со стола и разбилась. Сазоновы сразу бросились в коридор и побежали, и когда учительница химии Зинаида Марковна торопливо вышла из комнатки за кабинетом, где хранились всякие химические реактивы, в кабинете оставалась только одна Таня. Наверно, разбитая колба была очень ценная, может быть,

даже совершенно незаменимая колба, потому что Зинаида Марковна даже изменилась в лице, когда увидела на полу осколки.

— Соловьева, кто это сделал?

— Я не знаю, я не видела, — быстро ответила Таня, краснея.

— Как же это не видела? А кто же тогда видел?

— Я не знаю, Зинаида Марковна. Я стояла спиной, а они разбили и сразу убежали.

— Кто «они»?

— Я не знаю.

— Соловьева, я до сих пор была уверена, что ты честная девочка. А ты прямо в лицо говоришь мне неправду. Я вижу по твоим глазам, Соловьева, что ты говоришь неправду.

Таня покраснела еще больше и молчала.

— Ну как, Соловьева, долго я еще буду ждать?

— Я не видела... — Таня говорила совсем тихо, опустив голову, чувствуя, как глаза уже наполняются слезами.

— Ты же пионерка, Соловьева, а пионеры всегда должны говорить правду. Выходит, ты плохая пионерка... — Зинаида Марковна старалась заглянуть ей в глаза, но Таня все ниже и ниже опускала голову.

— Ну что ж, — осколки колбы хрустнули у Зинаиды Марковны под ногой, — оказывается, ты еще и упрямая. Видно, придется вызвать твою мать и поговорить с ней.

Таня испуганно взглянула на Зинаиду Марковну. Этого она не ожидала. Ее маму ни разу, никогда не вызывали в школу... Таня даже представить себе не могла, чтобы ее маму вызвали в школу, как вызывают родителей второгодника Иванова. А мама, что скажет маме!

— Я жду, Соловьева. Или ты скажешь, кто разбил колбу, или придешь завтра с матерью. Ну, кто же?

— Сазоновы. — Таня сказала это почти беззвучно, одними губами, и даже подумала, что, наверно, Зинаида Марковна не расслышала, и тогда она уже ни за что не повторит эту фамилию.

Но у Зинаиды Марковны был хороший слух.

— Вот это дело другое. Теперь я вижу, что ты действительно честная девочка. Можешь идти.

И Таня пошла в класс.

Братья Сазоновы, и Борис, и Глеб, ничего не подозревали. Они как ни в чем не бывало носились по коридору.

Но прошла перемена, прошел урок, и другая перемена, а все было спокойно, и Таня, еще не веря себе, начала думать, что, может быть, все так и обойдется, что, может быть,

Зинаида Марковна забудет об этой несчастной колбе, как забыли о ней братья Сазоновы. Тем более, что их классный руководитель Семен Борисович был болен, и скорее всего Зинаида Марковна оставит это дело до его выздоровления, а там оно уже наверняка забудется...

Никогда еще Таня с таким нетерпением и беспокойством не ждала звонка — чем меньше времени оставалось до конца последнего урока, тем чаще она поглядывала на дверь.

«Хоть бы Зинаида Марковна забыла, хоть бы забыла, хоть бы забыла», — повторяла она про себя.

Только один раз до сих пор испытывала она примерно такое же ощущение. Это было недавно, когда им объявили, что после уроков будут делать уколы. Таня очень боялась уколов, и все уроки, до самого конца, до самого последнего звонка, она все надеялась на какое-то чудо и все повторяла про себя: «Хоть бы отменили, хоть бы отменили, хоть бы отменили». Но чуда не случилось и уколы не отменили.

Наконец, раздался звонок, и Таня облегченно вздохнула.

Но звонок еще не успел вызвониться, как дверь распахнулась и в класс вошли Зинаида Марковна и старшая пионервожатая Алла.

Таня вся сжалась, притаилась за партой, а братья Сазоновы, увидев Зинаиду Марковну, моментально прекратили играть в морской бой и напустили на себя рассеянно-безразличное выражение.

Первой говорила Зинаида Марковна.

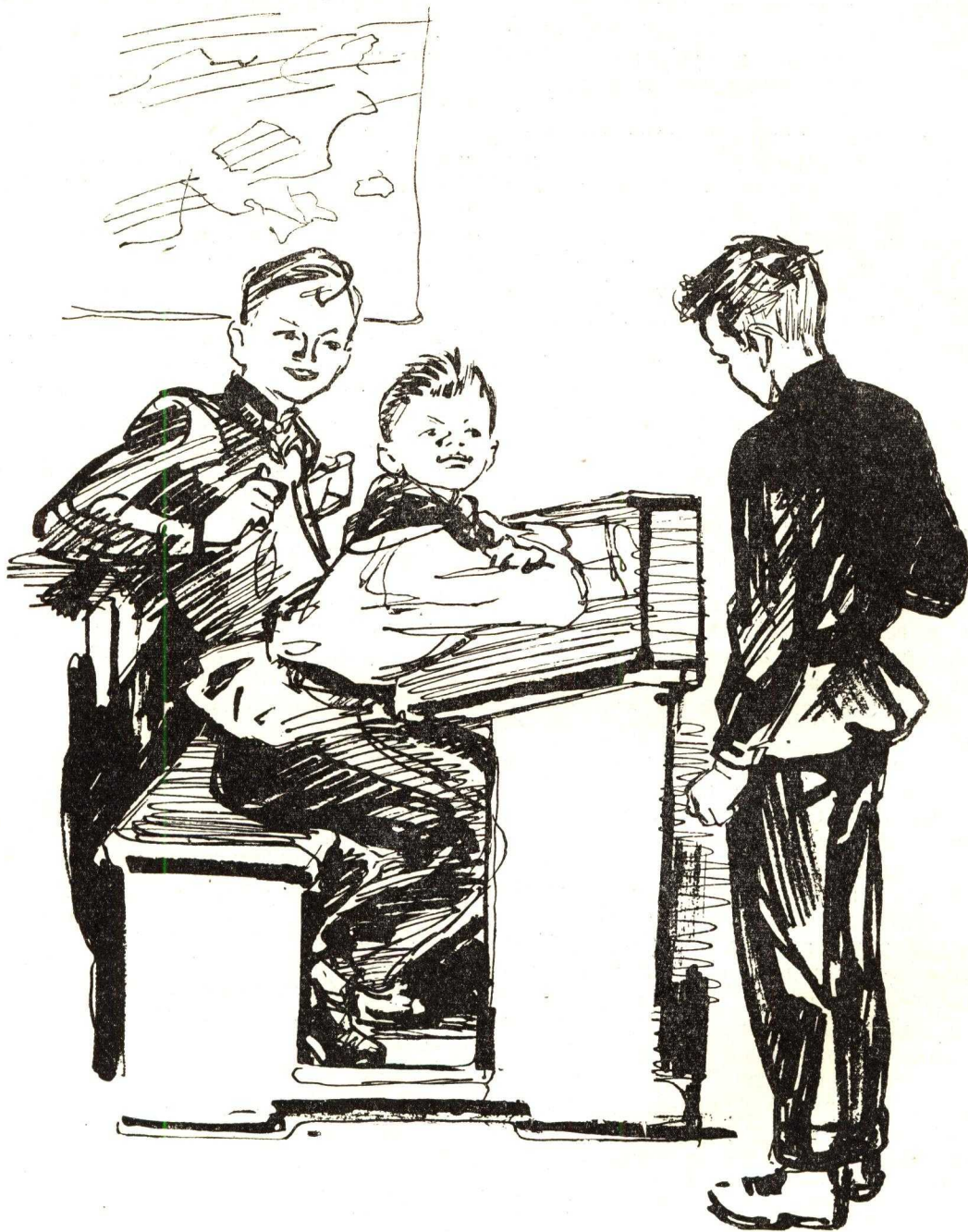
Она рассказала, как два пионера — вот они сидят сейчас на последней парте и делают вид, что им ничего неизвестно — разбили колбу, очень ценную химическую посуду, и вместо того чтобы честно признаться, трусливо скрылись. А вот Таня Соловьева — тут весь класс, все ребята разом повернулись и стали смотреть на Таню — не испугалась и назвала их фамилию.

— Таня поступила как настоящая пионерка, — сказала Алла, едва только замолчала Зинаида Марковна. — Я думаю, что мы должны сегодня обсудить поведение братьев Сазоновых, а заодно поговорить о смелости подлинной и смелости ложной. Кто хочет выступить?

Выступать никто не хотел.

Молчание затягивалось. Алла по очереди смотрела на каждого. Ребята ерзали за партами и отводили глаза. Только Зинаида Котова не выдержала. Когда Алла остановила свой взгляд на ней, Котова быстро подняла руку.

— Я думаю, что Таня поступила честно и



смело. Она не испугалась, что ее будут дразнить. Я думаю, мы все должны брать пример с таких пионеров, как Соловьева.

Больше говорить никто не хотел.

— Может быть, Сазоновы что-нибудь скажут? — спросила Зинаида Марковна.

— А что говорить? — пробурчал Борис Са-

зонов. — Ну, разбили, ну, велика важность... Ну, не будем больше...

— А если без «ну»?

— Не будем больше.

— Вот дело другое.

А Таня сидела за своей партой, не глядя на ребят, и думала: за что же ее хвалят? Ведь

на самом деле она просто испугалась, что Зинаида Марковна вызовет ее мать, только и всего, и сама Зинаида Марковна это прекрасно знает, так почему же она говорит: «смелая», «честная»?

Из школы она возвращалась одна, никто не пошел с ней, только Зина Котова подскочила: «Хочешь, будем дружить?», но домой идти им все равно было не по пути. Даже Генка не подождал ее, как обычно... Ушел.

Дома Таня ничего не рассказала, сначала хотела рассказать, а потом раздумала, почему-то стыдно ей было, словно сделала она что-то нехорошее.

А на другой день в школьной стенгазете появилась заметка о собрании в их классе и опять в этой заметке хвалили Таню и называли настоящей пионеркой. А на Сазоновых была нарисована карикатура.

И постепенно — Таня даже сама не заметила, как это произошло, — ей вдруг стало казаться, что, может быть, действительно она честная и смелая, а ребята злятся просто оттого, что завидуют. Не будут же зря говорить и писать в газете... Но почему тогда даже Генка смотрит на нее как на предательницу? И почему все молчали на собрании — могли бы сказать... Все время Таня думала только об этом.

А из школы опять возвращалась одна. Она пересекла школьный двор и вдруг увидела Бориса Сазонова. Он стоял возле калитки, прислонившись спиной к ограде, и помахивал портфелем. Легонько так помахивал — вправо, влево — и даже не смотрел в ее сторону, но Таня сразу поняла, что он видит ее и ждет. Она хотела вернуться назад в школу, но было уже поздно. Борис шагнул ей навстречу и поманил пальцем:

— Иди, иди, ты же смелая...

Он улыбался, показывая ровные зубы.

Таня попятилась, и тогда Борис быстро подскочил к ней и, размахнувшись, ударил по щеке.

Таня выронила портфель и закрыла лицо руками.

Сазонов ударил ее еще раз и еще — по рукам, по лицу, но тут из дверей школы выскочила нянечка и закричала:

— Ах, ты, хулиган этакий, балбес здоровый, чего к девочке привязался! А ну-ка убирайся отсюда, пока к директору не свела!

Сазонов убежал, а Таня, плача, всхлипывая, размазывая слезы, пошла домой.

Так она появилась перед матерью, заплаканная, с распухшим носом и багровой щекой.

— Господи! — сказала мама. — Что это с тобой? Кто это тебя? Да говори же, — закричала она, — что с тобой?

И Таня, продолжая всхлипывать, рассказала о вчерашнем происшествии в химическом кабинете, и о разговоре с Зинаидой Марковной, и о собрании, и о Сазонове...

— Ну вот видишь, я же тебе говорила, никогда не связывайся с хулиганами. Им же ничего не стоит искалечить человека. Они не посмотрят, что перед ними девочка. Я тебе сколько раз говорила — не связывайся...

— Да-а... Не связывайся...

— И учителя тоже хороши. Сами не могут справиться с хулиганами, так детей используют. Куда это годится? Я сейчас же пойду в школу к директору. Я потребую...

И мама, даже мама, говорила совсем не то. Все словно сговорились, словно нарочно делают вид, что ничего не понимают...

— Нет, мама, не надо. Только не ходи в школу. Я не хочу...

— Нет, я пойду. Это нельзя так оставлять.

Она уже стояла в коридоре, такая решительная, уже надевала пальто.

— Мама, — сказала Таня, перестав всхлипывать, — если ты сейчас пойдешь, я... я... не знаю, что сделаю... Я больше никогда не приду в школу...

— Таня, как ты разговариваешь с матерью?

— Да, да, не приду! Слышишь?

Мама покачала головой и сняла пальто.

— Ладно, — сказала она уже спокойно, — я вижу, ты сегодня нанервничалась. Отдохни. Успокойся. Ну, хорошо, хорошо, никуда я не пойду.

...Неизвестно откуда, может быть, от нянечки, а может быть, еще от кого, но в классе узнали, что Сазонов избил Таню. На следующий день, на первой перемене, Федосеев подошел к парте, за которой сидели братья Сазоновы, и сказал:

— Слышите, вы! Если кто-нибудь из вас еще тронет Соловьева, будет иметь дело со мной!

Он стоял перед братьями вполоборота, худенький, угловатый, вздернув правое плечо, словно уже приготовившись к драке.

— Силач бамбула — поднимает два стула! — сказали братья. — Когда злой бываю — семерых убиваю! Ха-ха-ха!

— Ладно. Посмотрим, — сказал Генка. И, проходя мимо Тани, буркнул:

— А ты тоже не воображай много, ябеда.

— Больно нужно! — фыркнула Таня.

Конечно, братья Сазоновы могли тут же побить Генку, если бы захотели. Генка это понимал, наверно, оттого и злился.

Прошло еще два дня, и вся история с разбитой колбой стала забываться. Только еще раз напомнил о ней классный руководитель, учитель географии Семен Борисович Лондон, по прозвищу «Берлин», когда вернулся в школу после болезни.

Придя в класс, он недовольно пошевелил мохнатыми седыми бровями и сказал:

— Так, так... Значит, уже успели без меня

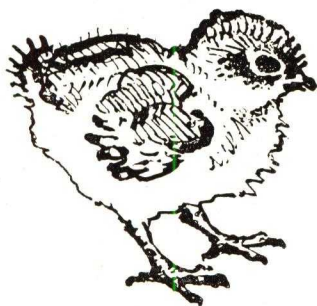
прославиться? Ну что ж, если вас интересует мое мнение, то я считаю, что Сазоновы в данном случае вели себя просто возмутительно. Но и Соловьевой, по-моему, медаль за отвагу выдавать еще рано. Согласны со мной?

— Согласны! — закричали ребята.

— А ты, Соловьева, согласна?

Таня молча кивнула.

(Окончание следует)



КАК МУРАВЬИ КУР СПАСЛИ



Антонин Чистяков

Веселым колхозный курятник никогда не называли. А тут шофер Алексей Николаевич остановил машину на улице между своим крыльцом и птицефермой и говорит вышедшей навстречу жене:

— Ну, хозяйка, веселая жизнь настает. Принимай на ферму пять тысяч цыплят.

Елена Павловна только ахнула.

— Ничего, справимся, — успокаивал он птичницу. — Не одна. Я тебе помогу на ферме, Геннадий, Таня, да вон и Сашутке шестой год.

И, глядя уже только на стриженного сынишку, добавил:

— Скоро День победы. Кто больше всех отличится, тому вручу мою медаль «За отвагу»... На целый день...

Не успели цыплята опериться — полетел с них пух, как с одуванчиков. Жмутся к теплой беленой печке, оставляя на ней желтые пушинки. В две недели от роду — у них самый аппетит. А иные даже измельченное яйцо не клюют. Таких набралась целая сотня. Слабые, а горластые. Все уши птичнице пропищали. Плохо дело.

Пришла домой. Говорит Алексею Николаевичу:

— Заводи машину.

— Куда?

— Надо птицу спасать.

Рисунок А. Кора

Отъехали километров десять. Приказывает ему в лес свернуть. Недоумевает шофер. Если хвоя нужна, так зачем так далеко ехать. У муравейника велела остановиться.

— Держи мешок, да шире.

Алексей Николаевич стал возражать:

— Зачем разорять. Муравьи в лесу пользу приносят: вредные гусеницы уничтожают.

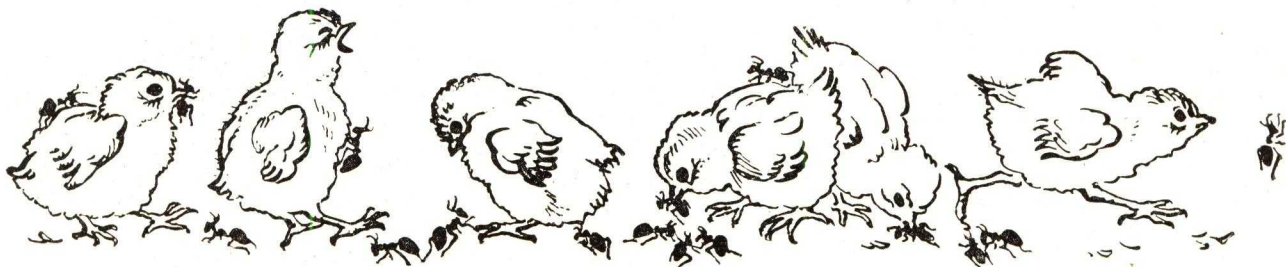
— Ничего, — ответила птичница. — Муравейников здесь много, целый город. С гусеницами здесь и без этих муравьев справятся, а эти нам цыплят спасут. Курица дорожке муравья.

Лопатой поддела муравейник — и в мешок. Муравьи ей руки и ноги жгут. По спине — огненные мурашки. Пришлось вытряхивать их из одежды.

Привезли муравейник. Высypали цыплятам. Застучали клювики, как дождь по крыше: тук-тук-тук. Танцуют от укусов, а клюют. Самый маленький цыпленок так распетушился, что за удиравшим по стенке последним муравьишкой выше подоконника подпрыгнул, и хоть больно шлепнулся, не упустил беглеца...

Выправились цыплята. Крылья отрастать стали. Повеселились с целебной муравьиной кислоты.

И Сашутке представилась мама — нарядная, веселая, с отцовской серебряной медалью.



ОПЕРАЦИЯ „ВЫДВИЖНОЙ КИЛЬ“

В. Тенер

1945 год, июль, пригород Берлина Потсдам. Над чудом уцелевшим знаменитым дворцом Сансуси — там, где раньше пировали да веселились спесивые прусские короли, — развеваются флаги трех великих держав: Советского Союза, Англии и Соединенных Штатов Америки.

Только что советская делегация сделала важное заявление: «Верные нашему союзническому долгу, мы выступим против Японии точно в обещанный срок».

— Ровно через три месяца после окончания войны в Европе?

— Да. Восьмого августа.

...И в тот же вечер из Потсдама в Вашингтон полетела шифрованная радиোগрамма:

— К операции «выдвижной киль» приступить!

Радиোগрамма легла на стол военного министра США мистера Стимсона. Мистер Стимсон немедленно дал соответствующие указания. Последние указания, потому что почти все было уже сделано раньше.

Еще 14 июля специальные грузовики в сопровождении усиленной охраны отправились на тихоокеанское побережье.

Бомб было две. Одну остряки из военно-воздушных сил окрестили «Малышом». Другую называли «Толстяк». По прибытии в порт «Толстяк» и «Малыш» были тотчас препровождены на борт крейсера «Индианополис».

16 июля крейсер с бомбами отплыл в направлении острова Тиниан. На Тиниане находилась база, с которой предполагалось нанести удар. Здесь же дислоцировалось особое авиасоединение «509», которому было поручено этот удар нанести.

Ждали только директивы президента. И вот, наконец, директива поступила.

...Тиниан, 6 августа. Недавно произошло полночь. У самолетов возятся механики, подозрительно озираются агенты секретной службы. Не обходится и без священников — святые отцы благословляют пилотов.

В 1 час 37 минут взрели моторы первого самолета. Его пилотирует один из лучших американских летчиков, двадцатилетний майор Клод Изерли.

Операция «выдвижной киль» вступила в решающий этап...

Когда самолет Клода Изерли приблизился к обреченному городу, там завывали сирены. Однако Изерли ле-

тел на высоте, недосягаемой для истребителей и зениток. Задание у него было несложное: разведать обстановку, атмосферные условия. На всякий случай имелаась другая, запасная цель — город Кокура. Но замены не потребовалось. Погода была отличной. Покружив немного над Хиросимой, летчик послал радиограмму: «бомбардировка возможна». И лег на обратный курс.

Спустя сорок пять минут после Изерли над Хиросимой появился другой самолет — сверхтяжелый бомбардировщик «Б-29» полковника Тиббетса. Выйдя на цель, летчик, не мешкая, нажал на спусковое приспособление. «Малыш» — для Хиросимы — была предназначена именно эта бомба — стремительно пошел вниз...

Было это 6 августа в 8 часов 15 минут 30 секунд утра.

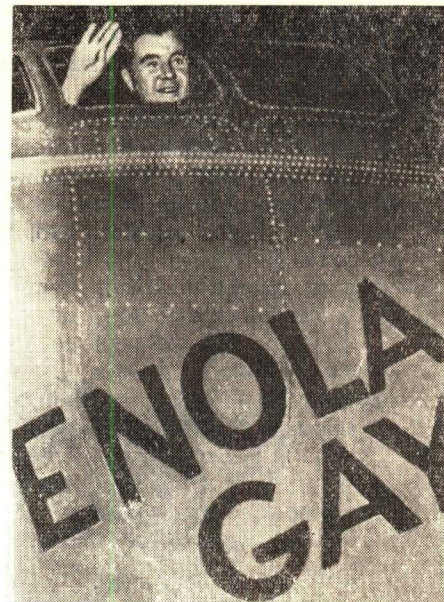
9 августа подобная же страшная участь постигла другой японский город — Нагасаки

Зачем это было сделано?!

Зачем американцы обрушили этот крошечный ад на японскую землю?

Может быть, Хиросима и Нагасаки были важными стратегическими целями? Может быть, там были расположены особо важные военные объекты?

Нет. Выбор пал на Хиросиму и Нагасаки лишь потому, что это были «нетронутые города» (еще не бом-



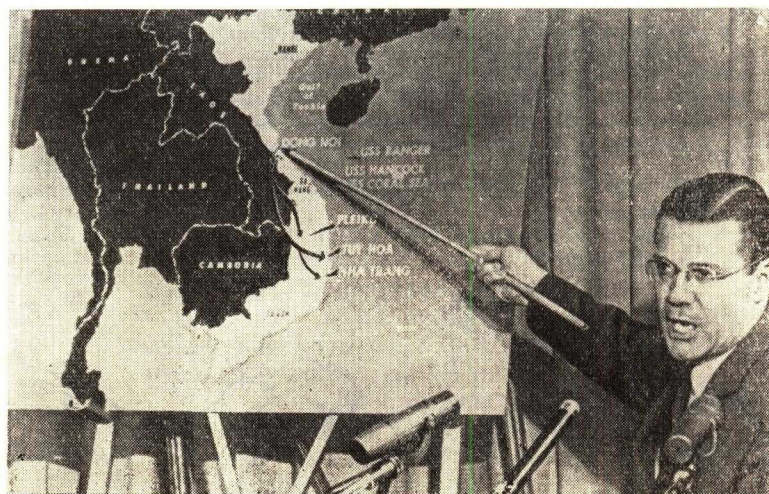
ЗАЧЕМ! На борту самолета полковника Тиббетса атомная бомба.

бардировавшиеся), с легко воспламеняющимися строениями, и поэтому удобные для намеченного «эксперимента».

Может быть, атомный удар был единственным средством закончить войну, склонить врага к капитуляции?

Тоже нет.

Японскую военщину атомные взрывы не испугали и не остановили. Самураи собирались продолжать боевые действия.



ЗАЧЕМ! Министр обороны США Макнамара «завоевывает» Народный Вьетнам.

А вот мощь советского удара в Маньчжурии, разгром Квантунской армии действительно в корне изменили обстановку, и 2 сентября 1945 года война на Дальнем Востоке кончилась.

Генерал-майор авиации США Клэр Уеннолит так выразился тогда по этому поводу:

— Вступление России в войну явилось решающим завершением войны и было бы таковым даже в том случае, если бы не было атомной бомбы.

Но — повторяем — зачем же тогда? ЗАЧЕМ?

...О том, что взрыв над Хиросимой состоялся, Трумен узнал, возвращаясь домой из Потсдама, посреди Атлантического океана, на борту крейсера «Огаста». Президент тотчас же приказал подать шампанское. Он прямо-таки сиял от радости. Сбылось! Сбылось! «Если только она взорвется, а я уверен, что это будет так, — совсем еще недавно доверительно говорил он своим приближенным, — то я, конечно, получу дубину, чтобы иметь дело с этими парнями».

Кого он при этом имел в виду, стало ясно позже.

Прошло время, и основная цель операции «выдвижной киль» из тайной стала явной.

Завесу приоткрыли, в первую очередь, сами американские генералы. Например, генерал Гровс, с первых же дней возглавивший «Манхэттенский проект» (так именовали тогда в США работы по изготовлению атомного оружия), писал: «Я уже в 1944 г. не питал иллюзий относительно того, что Россия является врагом и что проект готовится на этой основе».

Не один генерал Гровс позволил себе быть откровенным. Недвусмысленно высказался и тогдашний государственный секретарь (министр иностранных дел) США Джеймс Бирнс:



ЗАЧЕМ! Этот парень послан убивать с вертолета мирных вьетнамцев.

«Бомба позволит нам продиктовать наши собственные условия России».

Значительно позднее — 5 января 1965 года — престарелый Бирнс скажет в своем интервью по телевидению: «Бомбардировка Хиросимы имела целью оказать давление на Советский Союз и опередить наступление русских в Маньчжурии».

Точнее же всех определяют случившееся японские историки: «Хиросима, — справедливо пишут они, — была скорее не последним ударом США во Второй мировой войне, а первым серьезным сражением в «холодной войне» против России».

Вот вам и ответ.

Атомными бомбардировками японских островов американские правители жаждали... утешить Советский Союз.

Весь мир знает, как позорно провалились эти планы.

Наша страна не испугалась, не уступила провокациям. Советские ученые, инженеры и рабочие в короткие сроки овладели секретом производства ядерного оружия. Давно уже есть у нас и атомные, и водородные боеголовки. Не для нападения — для обуздания агрессора.

Весь мир знает сейчас судьбу Клода Изерли. Когда он демобилизовался в 1947 году, его ждали слава, богатство, блестящая карьера.

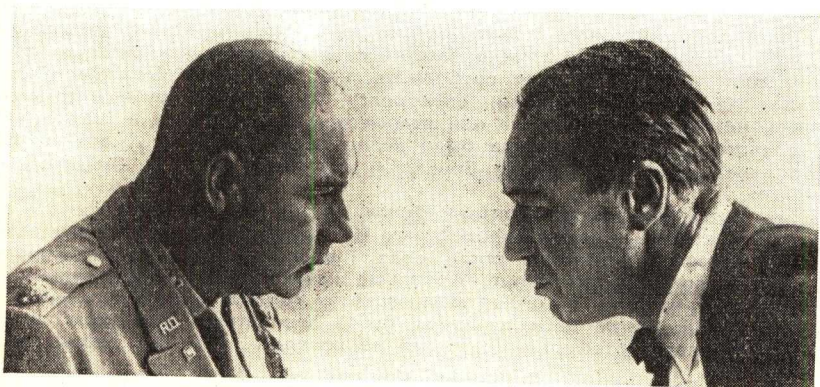
Но Изерли не давала покоя раненая совесть. Пусть не он бомбил Хиросиму, но он открыл бомбометателю путь. Разве не на его совести содеянное? Да, он выполнял приказ, — но ведь так же оправдываются и те, кто сжигал людей в Освенциме и Майданеке!

— Мне кажется, что погребенные под пеплом Хиросимы, рыдая, взывают к миру, — писал Изерли, преследуемый кошмарами. Он покушался на самоубийство. Он пытался действовать в защиту мира. Тогда его упрятали в психиатрическую лечебницу, несмотря на то, что сами же врачи утверждают, что он психически совершенно здоров!

* * *

«Спите спокойно. Больше это не повторится».

Такие слова высечены на памятнике жертвам Хиросимы. Они звучат клятвой. Дело чести, дело жизни всех людей на земле — делать все, чтобы эта клятва никогда не была нарушена.



ЗАЧЕМ! Главарь доминиканских реакционеров прибыл к американскому советнику за инструкциями.

РЕБЯТА С УЛИЦЫ СЕСТРОРЕЦКОЙ



Уже несколько лет на Сестрорецкой улице Ленинграда живет и работает детский клуб «Луч». Он объединяет больше трехсот ребят. В клубе различные кружки, спортивные секции, свои обычаи и традиции. Ребята выступают с концертами перед жильцами дома, на предприятиях района, ставят спектакли, делают много других общественно полезных дел.

Клуб «Луч» участвовал в конкурсе юнкоров «Костра» и награжден почетным вымпелом журнала. Наш корреспондент Т. Скоблкова недавно побывала в этом клубе. Прочтите ее репортаж.

КОНЕЦ КОРОЛЯ

«Вход по предъявлению улыбки»... Вовка Песков прочитал объявление и скорчил рожу: чего-чего? Какой еще такой улыбки?

Вовку зло разобрало. Недолго думая, он поднялся на цыпочки и из всех сил дернул бумагу. Потом скомкал ее и засунул в карман.

Насвистывая, Вовка прохаживался по двору. Домой идти не хотелось. Ребята все в клубе. С тех пор, как организовали этот клуб «Луч», Вовка почти всегда один. Раньше отбою не было. Мама сердилась: то звонят, то стучат, то под окном кричат.

Вовка шумно вздохнул. Вспомнил, как поколотили мальчишек из дома восемь. Все лето ходили в победителях. Его тогда прозвали «Королем». А теперь этот клуб. И что там особенного? Девчонки с ума посходили: шьют какие-то платья, маскарады устраивают... Ну, это девчонки. А мальчишек Вовка совсем не понимал. То ли дело устроить засаду на чердаке или кошачий концерт. Да мало ли стоящих дел!

— Вовка! — окликнули его сзади.

Вовка обернулся. В двух шагах от него стоял Виталька с громадным свертком под мышкой.

— Я сегодня фокусы буду показывать, — сказал Виталька, — пойдем...

— Очень надо. Тоже мне, фокусник!

— А что? — обиделся Виталька.

— Топай, топай. Нечего ко мне приставать.

— Да я и не пристаю, — стушевался Виталька. — Я думал, может, тебе интересно.

Виталька побежал в клуб.

Тут Вовка загрустил окончательно. Смешно, Виталька — и вдруг фокусник. Даже драться-то как следует не умеет. Говорят, Виталька — талант. А может, и он, Вовка, тоже талант? Учительница по пению говорила, что у него хороший голос. Только ему на это наплевать. Он не девчонка.

В эту минуту Вовке ужасно захотелось посмотреть, как Виталька показывает фокусы. Он стал соображать, как бы это сделать. Вернулся туда, где висело объявление, осмотрелся. Водосточная труба у самого окна, невысоко. «Повишу на ней немного», — решил Вовка.

Устроился он удачно. Все было видно как на ладони. А его никто не видел. На сцену вышла Зойка, и зал мгновенно стих. Зойка объявила:

— Выступает фокусник Виталий Чижов!

«Посмотрим», — ухмыльнулся Вовка. И вдруг обалдел: на сцену вышел человек вителькиного роста, одетый в шикарный халат. На голове чалмой накручено полотенце. А дальше началось самое удивительное: Виталька попросил у какого-то мальчишки из первого ряда рубль и поджег его. Зал ахнул. Вовка свистнул. Рубль превратился в пепел. Потом Виталька взял картофелину, разрезал ее пополам... Там был рубль. Целехонкий!

Зал аплодировал. Вовка не удержался — тоже захлопал. И в ту же секунду с грохотом свалился вниз.

Когда на шум выбежали ребята, Вовка стоял и смущенно улыбался.

— Предъявил улыбку, предъявил улыбку, заходи! — зашебетала Зойка.



ОБЩЕСТВО „СТЫД И ПОЗОР“

Васька Ковш топтался у дверей. Беспокоился. Он опять пришел в клуб без дневника.

— Ковш! — окликнула его Женя Елисеева, — принес дневник?

Женя Елисеева — председатель совета клуба. Строгий человек.

— Забыл, — буркнул Васька. А про себя подумал: «Что он, дурак, что ли, восемь двоек притащить...»

— Отчитаешься на линейке, — сказала Женя.

Через минуту раздалась команда:

— Отряд, стройсь!..

Ваське нравилось в клубе. Он неожиданно обнаружил в себе разнообразные интересы: ему нравилось петь, танцевать, участвовать в пьесах, мастерить в кружке «Умелые руки»... Вот только двойки мешали. И совет клуба, который решил: на линейку приносить дневники.

Васька пришел без дневника уже в третий раз. Но врать больше не хотелось. Когда дошла очередь до него, он буркнул:

— Нет дневника, а двойки есть...

Что тут началось!

— Мало, что двоечник, еще и трус!

— Наоборот не трус, сознался!

— Сознался, потому что испугался!

В этот день Васька стал пятым членом общества «Стыд и позор». Виталька Чижов нарисовал на него карикатуру и прилепил на стенд. В обществе «Стыд и позор» были не только двоечники, но и грубияны, вроде Кольки Боботина. Только совет клуба мог решить, когда перевести члена общества в нормальные люди.

К счастью, общество «Стыд и позор» просуществовало недолго. Оно быстро распалось. Потому что Колька Боботин давно не грубит, а Васька Ковш не получает двоек.



ЗЕЛЕНЫЙ СЮРПРИЗ

Саша то и дело прислушивался к шагам на лестнице и шумно вздыхал. В комнате плакала сестренка. Ее не с кем было оставить, а Сашке позарез надо было уйти. Как назло, все остальные сестры и братья куда-то разбежались. Сашка понимал: какой с них спрос? А он старший. Раздался звонок. В дверях стояли Зойка, Люба и еще девчонки из клуба.

— Вы чего?

— Пришли тебе помогать. Хочешь, полы помоем?

— Еще не хватало! Я сам.

— Ничего не сам. Мы на совете решили тебе помогать.

Сашку осенило.

— Побудьте с сестренкой. Я быстро!

Женька ждал его у ворот. Он недовольно пробурчал:

— Жду тебя, жду...

Сашка только рукой махнул.

Приятелями направились к районному парку. По дороге они в который раз репетировали разговор, который предстоял им с директором.

Сашка: Разрешите нам, пожалуйста, вырыть одно дерево из вашего парка. Маленькое. Нам для спектакля нужно.

Директор: Нельзя. Это запрещено.

Женька: Не беспокойтесь, оно не пропадет! Мы потом посадим его в нашем дворе и всем клубом ухаживать будем!

Директор: (???)

— Не позволит, — вздохнул Женька.

Однако получилось как нельзя лучше. Директор все понял, сам нашел ровное веселое деревце, сам аккуратно подкопал его и пообещал прийти на спектакль.

Приятелями ликовали: вот будет сюрприз! Вчера из-за дерева чуть не сорвалась репетиция сказки «Иван да Марья». Поставили на сцене какую-то жалкую веточку — смех да и только!

Сашка с Женькой — оформители. Им велели срочно сделать дерево из картона. Зачем из картона, — решили они, — будет настоящее!

...Медленно пополз занавес, и перед глазами удивленных зрителей предстало живое дерево. Оно шевелило своими живыми листьями и, казалось, даже пахло.

Сашка и Женька получили коллективную благодарность за свою выдумку. А после спектакля дерево посадили во дворе. Оно прижилось.



Рисунки Н. Кутузова

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Болеет друг уже неделю:
Несчастный случай, как назло,
Нежданно приковал к постели,
И время медленно пошло.

Он видел, как заметно вырос
Соседний строящийся дом,
И потому сместился вырез
Стального неба за окном.

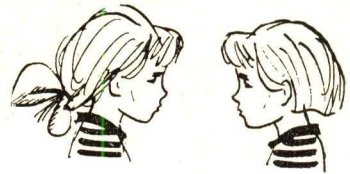
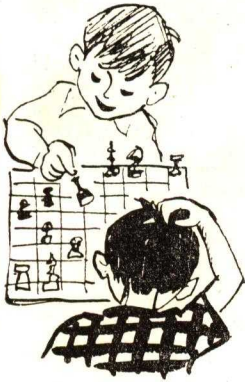
А другу встретиться со мною,
Сразиться в шахматы разок
Хотелось очень. Но игрою
Своей похвастать он не мог.

Я выиграл коня вначале
И вскоре сдаться предложил,
Но он, хотя и был печален,
Упрямо просьбу отклонил.

Тогда я пешку съел. И странно
Взглянул товарищ мне в глаза,
И тут я понял, что нежданно
Лишился своего ферзя.

— Сдаюсь! — сказал я. — Вот досада!
Но был доволен. Почему?
Ведь я сейчас доставил радость
Больному другу своему.

Толя Мошковский, 9 кл.
г. Ленинград



СЕСТРЕНКА

Мы с сестрой смеемся вместе,
Вместе плачем и поем.
Даже книжку интересней
С нею нам читать вдвоем.
Вместе гриппом мы болели
И лежали мы в постели.
А теперь опять здоровы,
Ходим в школу вместе снова.
Даже платья, даже косы
Одинаковые носим.
Нас учительница наша
Различить не может даже.
Если нас к доске зовет,
Та, кто знает, та идет.
А сегодня мы с сестренкой
Обе хмуримся в сторонке —
Ведь обрезали сестричке
В парикмахерской косички!

Наташа Хвастушкина, 4 кл.
Ленинград

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

*Индейцы вынуждены в Америке
зарабатывать кусок хлеба смертель-
ными номерами (Из газет).*

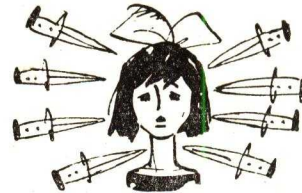
Девочка стоит на барабане.
Девочка прижалась к щиту.
Платье разукрашено цветами,
волосы сияют на свету.

Выскочил, как черт из табакерки,
Толстый пижон из-за кулис.
Объявляет: «Чемпион Америки!
Самый меткий!» ...Крики — браво! бис!

Убежал неугомонный франтик.
В зале — ругань, гогот громовой.
Легкий свист... И нож, как серый бантик,
Задрожал над детской головой.

И мужчина выбежал на сцену.
Нож... другой... еще один... еще...
Из дрожащей смерти постепенно
Набирает контуры ее.

Зал затих. Сигары позабыты, —
Чуть дымятся в стиснутых руках.



Девочка стоит. Глаза открыты,
Ни слезинки на сухих глазах.

Все. Заполнен контур до отказа.
В зале гробовая тишина.
И, как бомба, зал взорвался сразу
Криком: браво! бис! вот это да!

Кончили уже. Ты слышишь, Мери?
Кончили. Пошли. Ты слышишь? Все.
Девочка идет, шатаясь, к двери,
Чуть дрожат колени у нее.

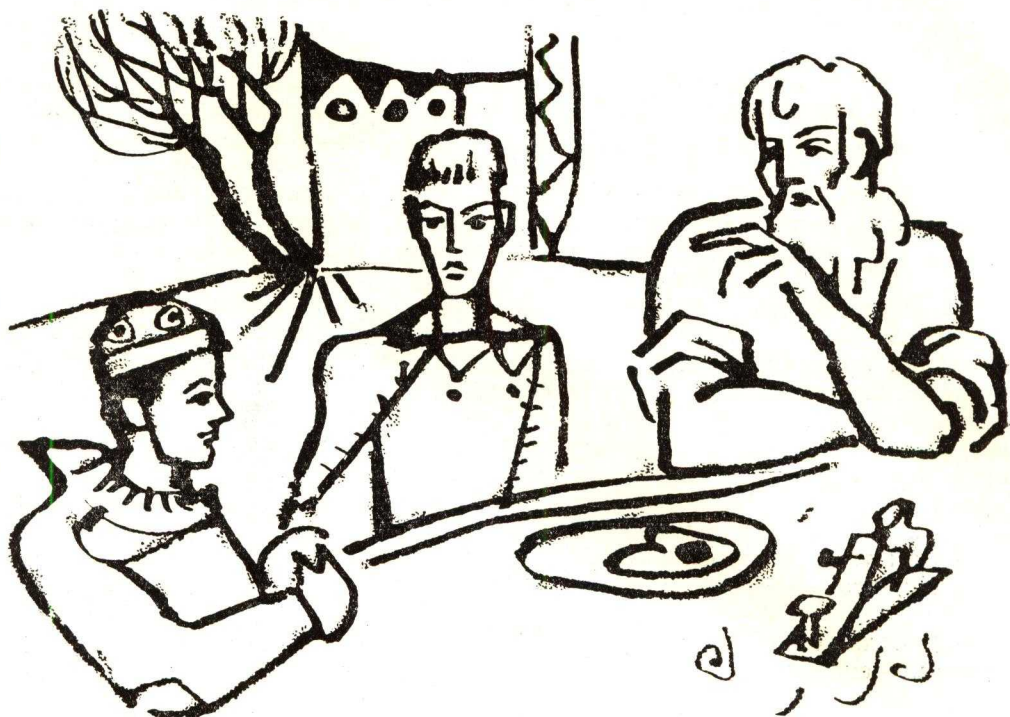
Алексеев Саша, 9 кл.
Лен. обл., Кузьмолowo

В ТОМ-ТО И ДЕЛО

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Эмиль Оффин

Рисунок
Эдди Мосева



— Что это вы несете?

— Рубанок.

Мальчики перестали играть с мячом. Тот, что был повыше, большеголовый, с умными печальными глазами, спросил:

— Что такое рубанок?

— Как бы тебе объяснить?.. Я достал его в музее материальной культуры. Это инструмент для обработки досок.

— Досок? — Мальчики переглянулись. — Про доски я, кажется, где-то что-то читал, — сказал второй — бледный толстяк — и легонько подтолкнул в бок своего товарища. — А ты уж, наверное, знаешь, Арт?

Пока шел этот разговор, движущаяся дорожка потихоньку вынесла старика и мальчиков из сквера на широкий проспект. Справа и слева потянулись корпуса Большого Автоматического Комплекса, их белые пластиковые стены просвечивали меж стволами гигантских платанов и стройных пихт.

— Ага, вспомнил! — сказал бледный мальчик. — Когда-то очень давно распиливали деревья и получались доски.

— Совершенно верно. В мое время было так, — сказал старик и с нетерпением посмотрел на рубанок. — Мне удалось раздобыть несколько досок. Хочу попробовать их обработать.

— Зачем? — спросили оба мальчика.

— Ну... как вам это объяснить? Просто хочу построгать доски. Может, скамейку сделаю или стол.

— А сколько это займет времени?

— Не знаю, забыл я что-то... Должно быть, два-три вечера.

— Так долго! Зачем это вам, когда завод сделает стол за несколько минут? Красивый, пластмассовый, любого цвета, какой запрограммируешь. А тут надо самому строгать!

— Вот в том-то и дело... — Старик улыбнулся. — Не только строгать, но и отмерить, и распилить надо. И шипы придется выпиливать, чтобы скрепить доски.

— Зачем же шипы, — рассудительно сказал Арт, — когда есть универсальный молекулярный клей? Только приложишь — и намертво. Никакой возни.

— Вот в том-то и дело, — задумчиво повторил старик и вдруг спросил: — Покажите-ка мне, как вы играете в мяч.

— Пожалуйста, — сказал Арт. — А ну давай, Берт, становись.

Мальчики отошли друг от друга на десяток шагов, надели на указательные пальцы маленькие черные колпачки. Вот мяч с руки Берта поднялся в воздух и сам, словно птица, плавно и точно опустился на палец Арта. Потом все повторилось в обратном порядке. И так — несколько раз.

— Вот, пожалуйста, — сказал Арт. — Очень просто.

— Конечно, просто, — сказал старик. — Стоите себе на месте и попеременно включаете гравимагниты — никакой возни. А вы пропововали играть без колпачков?

— Нет.

— Ну, так попробуйте.

Мальчики сняли колпачки с пальцев. Арт бросил мяч, но толстяк Берт не смог его поймать.

— Пошевеливаться надо, — сказал старик.

Сначала игра не клеилась. Но постепенно мальчики приноровились. Они начали бегать, скакать, бледные щеки Берта порозовели, в печальных глазах Арта появились веселые искорки. Каждый старался успеть к мячу, отбить его посильнее. Слышались задорные крики:

— Эх ты, неповоротливый!

— Сам ты неповоротливый. Лови! Ага...

— Ну, что? — спросил старик. — Как интереснее?

— Я больше никогда не буду играть с колпачком, — сказал Арт.

А Берт спросил:

— Вы нам дадите немножко построгать? Можно, мы поедem с вами?

— Хорошо, — сказал старик. — Только пойдем, а то у меня ноги устали не ходить.

Все трое сошли с движущейся дорожки и свернули в тенистую кленовую аллею. По сторонам в высокой траве щелкали кузнечики, пестрели огромные колокольчики и ромашки.

— Сколько цветов, — вздохнул старик. — Никто их не собирает.

— А зачем? — удивился толстяк Берт. — Проще добавить в воду биологический стимулятор-закрепитель. У мамы в комнате букет стоит уже второй год.

— Да, конечно, так проще, — сказал старик. — Но в мое время было иначе.

— В какое это ваше время?

— Очень давно... Ну, когда профессор Глум впервые синтезировал этот нуклеиновый гормон продления жизни. Я работал в его институте столяром...

— Что это такое — столяр? — спросил Берт. — Это, наверное, кто столы делает, да?

— Вроде того, — сказал старик. — Вот мы и пришли.

На открытой терраске коттеджа было устроено нечто вроде верстака. Это был обыкновенный счетнорешающий электронный шахматный столик, придвинутый к широким пластиковым перилам. На этом верстаке лежала толстая доска.

Мальчики с любопытством осмотрели доску. Берт осторожно провел ладонью по шероховатой поверхности.

— Вы, наверное, проголодались, ребята? — спросил старик. — Сейчас я вам приготовлю яичницу.

— Что вы, не беспокойтесь, — сказал Арт. — У меня есть концентрированные питательные облатки. — Он вынул из кармана плоскую коробочку. — Берт, тебе закусочную дать или обеденную?

Мальчики проглотили по облатке. Старик от угощения отказался. Он нетерпеливо подошел к верстаку, ширкнул рубанком по доске. Тонкая стружка завилась спиралью и с шелестом упала на пол.

Арт поднял ее, раскрутил, понюхал.

— Пахнет лесом и солнцем, — удивленно сказал он. — Вот здорово! Понюхай-ка, Берт.

Старик между тем продолжал строгать. С каждым новым взмахом рук движения его становились увереннее, сильнее, ритмичнее, а лицо вдруг чудесно изменилось, щеки напряглись, мужественно сомкнутые губы чуть улыбались. Золотистая стружка так и разлеталась из-под рубанка, устилая пол пушистым ковром.

Мальчики стояли рядом, переминаясь с ноги на ногу.

— А мы? Мы тоже хотим...

— Вы обещали.

Старик не сразу и с сожалением отдал рубанок Арту.

— На, попробуй.

Арт попробовал. Потом попробовал Берт. А потом старик опять взял рубанок.

Так они попеременно строгали, пока доска из толстой и шершавой не превратилась в гладкую и тонкую.

Все трое, усталые, довольные, дружелюбно поглядывали друг на друга. Умные глаза Арта оживились, повеселели.

— Я ужасно голоден, — сказал он и вынул из кармана плоскую коробочку.

Но Берт замотал головой.

— Не хочется что-то облаток. Я бы яичницу съел.

Старик приготовил ужин. Они втроем съели яичницу из двенадцати яиц.

Стало прохладно. Над высокими платанами засветились первые звезды.

— Я и не заметил, как день прошел, — сказал Арт.

— Можно мы завтра опять к вам придем? — спросил Берт.

— Никогда не думал, что так интересно самому строгать доску, — сказал Арт.

— В том-то и дело, — сказал старик.



СТОЛ ЗАГАДОК

СЛУЧАЙ В ЗООПАРКЕ

Пришло время обеда. Сторож Лева Лось приготовился разносить еду — глядь, а кормить некого!

Это звери решили немножко погулять сообща.

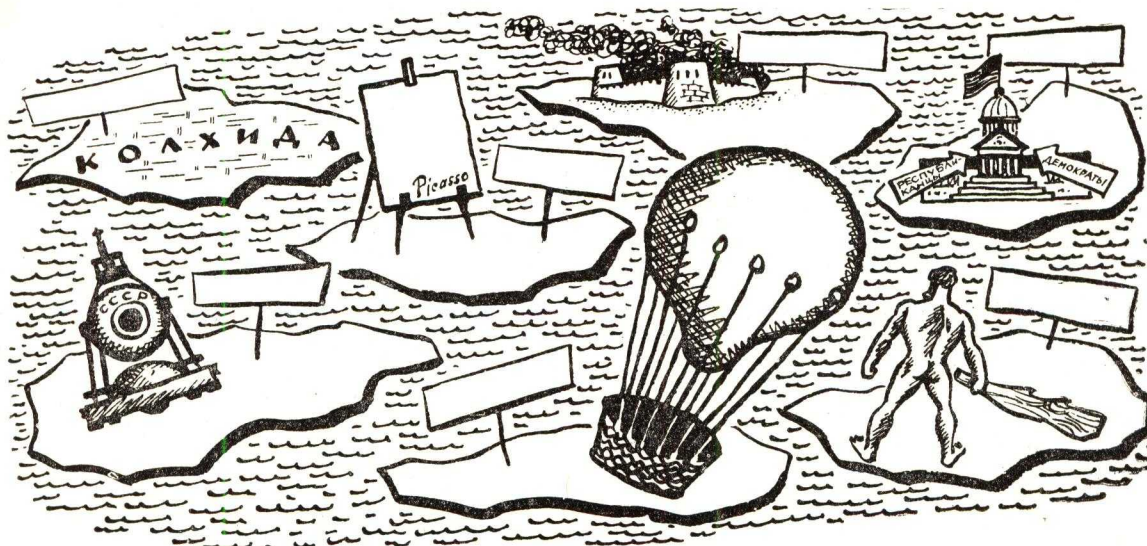
Вот они гуляют вверх страницы: и тот, кого когда-то победил могучий Геракл, и те, кто, если верить легенде, Рим спасли, и кто раньше всех полетал на воз-

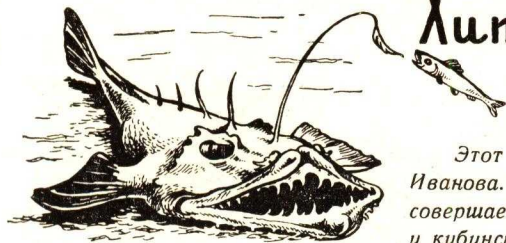
душном шаре, и кто первым взлетел в космос, и кого нарисовал французский художник Пикассо, и кто отнес в Колхиду Фрикса и Геллу, и о ком простой народ Америки мог бы сказать: «Хрен редьки не слаще».

Вот вам и очередные семь вопросов.

Что это за животные?

Директор зоопарка Б. Борейко
Рисунки В. Травина





Хитрости морского черта

Ю. Иванов

Этот рассказ — отрывок из книги моряка и журналиста Юрия Иванова. Герой книги — Вовка Шербаков — вместе со своим отцом совершает плавание по мексиканскому заливу, знакомится с нашими и кубинскими учеными-ихтиологами.

Утром поймали рыбу-черта. Небольшого такого, с ладонь, чертика. Но до чего противного на вид! Скользкого какого-то, лохматого, головастого и с большущей, зубастой пастью. А Профессор сказал, что рыба не противная, что наоборот — чертик очень даже приятный и симпатичный. И сказал, что вечером объяснит, почему эта рыба ему нравится.

Вечером, перед ужином Вовка отправился в лабораторию. Там ярко горел свет. Он мешал вахтенному штурману, поэтому дверь лаборатории приходилось плотно задраивать. И в помещении было очень жарко.

Там уже сидели, каждый за своим столом, Профессор и Рафаэль. Рафаэль листал толстую испанскую книгу, в которой было множество картинок, изображающих всевозможных раков, крабов, моллюсков. Это был определитель. С помощью таких книг ученые в море определяют, что за животное попало в их руки. Ведь ни один человек не запомнит всех раков, всех крабов, всех моллюсков.

Профессор задумался о чем-то, уставившись в большой аквариум. В аквариуме была вода, грунт и какие-то растения, как на дне залива. И всё — никаких рыб, никаких раков или моллюсков — только бугорчатый, серый, в желтых пятнах поломанных раковин грунт. Вовка сел рядом и тоже стал смотреть. Но скоро ему стало скучно, ну что так без толку сидеть?

— А где же черт? — спросил Вовка, осторожно зевая в кулак.

— Да вон, в аквариуме, — засмеялся Профессор и постучал ногтями по стеклу. — На тебя смотрит...

— Что? — Вовка приплюснул нос к банке. — Да пусто же там...

В этот момент один из серых, в светлых пятнышках и полосках бугорок шевельнулся и словно пополз по грунту. И теперь можно было совершенно четко увидеть рыбу. Это она так здорово замаскировалась: словно шапку-невидимку надела. Ах, хитрец! Ну, конечно же, вот он, чертенок. Вот он чуть приоткрыл свой большой ухмыляющийся рот и снова закрыл. По краешку нижней челюсти у него словно борода росла: такая серая, растрепанная бахрома. И такая же бахрома покрывала его спину, бока. Она чуть заметно трепетала в воде и производила впечатление каких-то водорослей, поселившихся на осклизлом гряз-

ном камне. А глаза у чертенка были ярко-зелеными, блестящими. Вовка внимательно рассматривал чертенка, а тот внимательно, в упор рассматривал Вовку.

— Ну как, — спросил Профессор, — что скажешь?

— Хитрец, — сказал Вовка, — замаскировался. Молодчина!..

— Это еще не все. Подождем немного.

Они еще полчаса наблюдали за рыбой. У Вовки даже глаза устали. И вдруг чертенок поднял над своей головой такой небольшой гибкий «прутик» и приоткрыл рот. Чего это он? На конце «прутика» извивался маленький червячок. Чертенок наклонил «прутик» над открытым ртом и теперь червячок извивался быстро-быстро.

— Ну, — сказал Профессор, — что мы видим?

— Мы видим притаившегося чертенка и живого червячка на кончике гибкого хлыстика.

— Правильно, Вова. Представь себе, что этот хлыстик с червячком не что иное, как живая удочка. Да, да! Рыба играет «червячком» перед самым своим носом и подманивает рыбок. Как только кто соблазнится приманкой и подплывет ближе, черт ее — рраз! И нет глупой рыбки! Ну что ты теперь скажешь об этой противной лохматой рыбине?

— Она умница, — сказал Вовка с почтением, — подводный удильщик.

— Точно, Вова, — это самый настоящий подводный удильщик. Рыба умная, если так можно вообще сказать о рыбе, и очень выдержанная, долгие часы неподвижно лежит на дне и без устали забрасывает перед открытым ртом свою живую удочку. Ждет. Терпеливо, настойчиво ждет нужного момента. Как видишь, внешний вид обманчив. Не так ли?

— Так, — согласился Вовка, — теперь мне этот лохматый чертенок очень симпатичен.

— Вот и хорошо. Вова. Привыкай в жизни всегда глядеть вглубь, как говорится, в корень. Выпусти рыбу за борт. Этот чертенок неплохо поработал. Между прочим, в холодных северных водах морские чертенята вырастают в громадных, до полутора метров, чертей.

— Команде ужинать!.. — раздалось из радиодинамика.

Вовка выпустил рыбу в черную вечернюю воду, и все троем они отправились в салон.

— Небо залатаю, —
говорит с усмешкою
сень золотая,
щелкая орешками.
Небо залатала
облаком-заплатою,
небо стало ало,
а потом заплакало.

М. Еремин

ПО ГРИБЫ

За грибами три подружки
По дорожке в лес идут.
И волнуются волнушки:
„Нас возьмут иль не возьмут!“

С. Скаченков

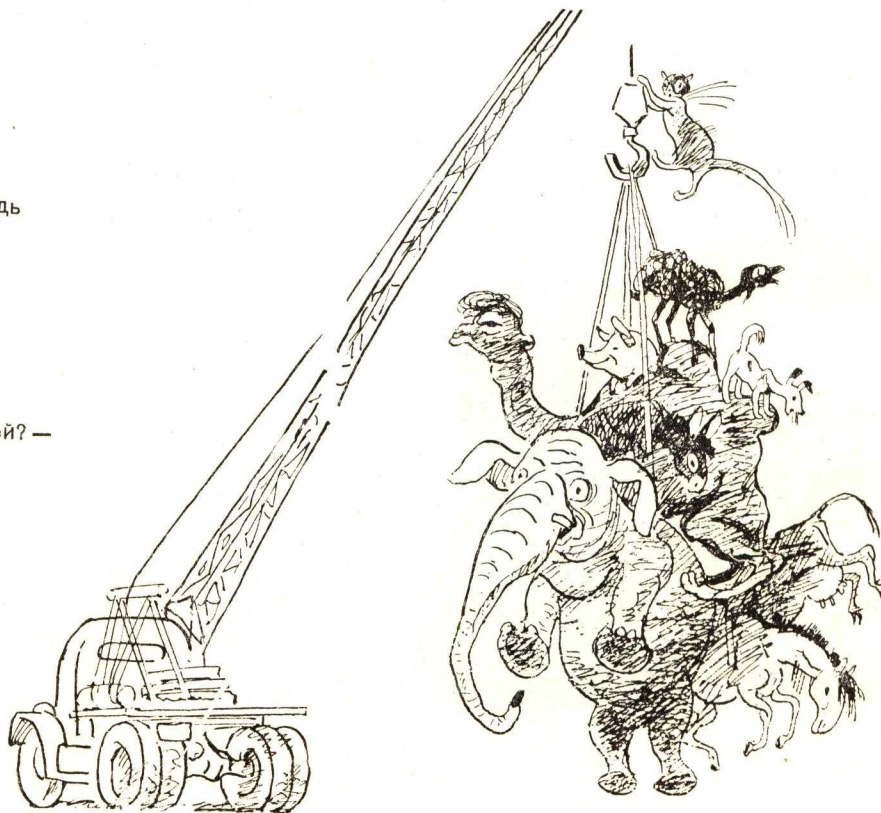


Рисунок И. Ризнича

Одна в сентябре ягода —
и та горькая рябина

Услышал
все это
строительный
кран.
На нем
машинистом
мой дядя Иван.
Спокойно и просто
он въехал на площадь
и тросами поднял
Верблюда
и Лошадь,
Осла
и Корову,
Овцу
и Свинью,
Собаку отцову
и Кошку мою.
— Так кто же сильнее? —
он спросил
у Слона.
И поднял
в придачу
Слона-хвастуна!

Вольный перевод
с казахского
Г. Семенова





МОХНАТАЯ ШАПКА

(РАССКАЗ ГЕОЛОГА)

Виктор Голявкин

Рисунок Н. Муратова

Был у нас в партии один рабочий. Очень недисциплинированный человек. Ходил он всегда в мохнатой, неуклюжей шапке. Он и летом ее таскал. Не то волчий, не то собачий мех. Он эту шапку откуда-то с севера привез и не хотел с ней расставаться.

Иду я как-то на буровую через тайгу. И в распадке набрел на малинник. Подхожу я к этому малиннику и вдруг вижу в кустах верхушку этой шапки. Опять, думаю, от работы отлынивает. Я ему покажу, как в рабо-

2



6

ГЛУБОКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

А. Лосев

Рисунок И. Ризнича

Я плыл под водой, через трубку дыша. В пути повстречал я моржа и ерша. Хотя ершик попался мне тонкий, как ножик, но с виду он был точно вылитый ежик, наш ежик колючий, по имени Вася, за шкафом у нас проживающий в классе. А морж, хоть он сроду без ног и без рук, был вылитый Петр Петрович, физрук. И я под водой подумал: „О боже! Как все же глубины на сушу похожи! Быть может, в две тыщи каком-то году я внуков в подводную школу сведу. Пусть плавают в школе, ногами болтая, зато на уроках отнюдь не болтая (ведь там, под водой, какие уж звуки! — крепитесь, мои молчаливые внуки). А всем педагогам придется привыкнуть, что здесь невозможно сердито прикрикнуть, что дети раздеты и даже порой подходят к учителю вниз головой“

7

чее время в малиннике отсиживаться. И я осторожно подбираюсь к этой шапке.

Подкрался я к ней совсем близко.

Раздвигаю ветви и что есть мочи кричу по-медвежьи.

И вдруг вижу морду медведя.

Он как заорет мне в ответ

Я как припустил что есть духу!

А медведь от меня.

Вот ведь какая история!

Кто сильнее?

Ермек Утетлеулов

Рисунок Н. Муратова

Явился
однажды
откуда-то
Слон.
Сказал,
что на свете
сильнее всех —
он.

Трубя горделиво,
он вышел на площадь
и на спину поднял
Верблюда и
Лошадь,

Осла,
и Корову,
Овцу
и Свинью,
Собаку отцову
и Кошку мою.
— Ура! —
протрубил он. —
Мне груз нипочем.
Недаром
я первым
слышу
силачом!

3

НОЧЬ

ИЗ РАССКАЗОВ О ДЕТСТВЕ ЦИОЛКОВСКОГО

К. Алтайский

Рисунки А. Овсянникова

Ночь. Все в доме спит. Серо-дымчатая кошка словно растворилась во тьме. Костя лежит с закрытыми глазами. Не слышно даже тиканья часов. Темнота и тишина действуют угнетающе. В голову лезут несуразные, неприличные мысли.

Мальчуган поворачивается на правый бок, кладет руку под щеку и начинает шептать заклинания против бессонницы: «Один баран идет, другой баран идет, третий баран идет...»

Костя умеет считать до тысячи. Сколько же придется назвать черных, белых, рыжевато-серых баранов, пока уснешь!

Вдруг в тишине раздался стук. Кто-то не решительно стукнул в дверь. И снова ни звука!

«Показалось!» — решил Костя. Но стук повторился. Мальчуган наострил уши. Снова стук — громче, настойчивее.

Костя сел на кровати и свесил голые ноги на тряпичный коврик. В дверь бесцеремонно барабанили. Надо будить взрослых. Но едва он подумал об этом, проснулась тетя Катя. Наскоро зажгла ночник, подошла к двери и сонным, встревоженным голосом спросила:

— Кто там?

— Что вы там, все умерли, что ли? Открывайте немедленно!

— А кто вы? Может, разбойники какие...

За дверью затихло. Потом послышался знакомый гнусавый голос соседа:

— Отомкните, Катерина Ивановна. Эдуарду Игнатьевичу срочный пакет с сургучной печатью. Нарочный прискакал.

Костя прыгнул с кровати и неслышно подошел к двери детской: происходило что-то необычайное. Из темноты показался отец. Без очков, со спутанной бородой, в длинном халате он выглядел огромным.

— Знаем мы эти срочные пакеты...

Отцовский голос звучал спокойно, даже насмешливо. Эдуард Игнатьевич взял из рук свояченицы ночник и сказал:

— Открывайте. Им ничего не стоит и взломать дверь.

К немалому удивлению Кости, в дом ввалились два жандарма, городской, гнусавый старик-сосед и другой сосед, долговязый и худой, как жердь. Жандарм постарше назвал соседей понятными. Словечко это Костя услышал впервые. «Понятой?» Это что же? Люди с понятием, что ли? Зато слово «обыск» было понятно, — его Костя слышал не раз.

Тетя Катя принесла зажженную лампу. Отец на глазах переменялся: надел очки, поднял голову, распрямил плечи. И тон у него появился надменный, каким он никогда при Косте не говорил, и слова у него нашлись книжные, вычурные:

— Я потомственный дворянин. Обжалую ночное вторжение. Ваше усердие не по разуму, чего доброго, может повлиять на карьеру самым пагубным образом...

Костя притаился за портьерой. В дверях появилась разгневанная, видимо, все понявшая мать; на ней было наспех надето нарядное платье, в каком она обычно ходила в гости:

— Я требую, господа, тишины. Дети спят. Только в России возможно подобное варварство. Неужели нельзя это сделать днем?

Ее не слушали. Начался обыск. Понятые стояли, потупив головы, не зная, куда деть глаза.

Костю несказанно удивлял отец. Он говорил изысканно-вежливым издевательским тоном:

— Не исключено, господа, что оружие и боеприпасы спрятаны под картофелем, — его вы обнаружите в подвале. Считаю своим долгом предупредить — там мыши...



Жандармы отмалчивались. Вся Рязань знала острый язык Циолковского, — случалось, он дерзил самому губернатору. Мать несколько раз порывалась что-то сказать, но отец всякий раз останавливал ее спокойным жестом.

Теперь Костя понял все и втайне ликовал: обыск производится из-за беглого ссыльного Запольского, который жил у Циолковских трое суток; только вчера Запольский уехал в Петербург — ищи ветра в поле! Вот если бы явились вчера-позавчера...

Жандармы пошли в кабинет отца. Мать заметила Костю:

— А ты чего тут? Да еще и босиком. Марш в постель!

Мальчик насупился, вернулся в детскую и лег. Но не пролежал и минуты. До сна ли, когда отец продолжает издеваться над незваными гостями:

— Комплекты газеты «Колокол», вероятнее всего, под периной моей свояченицы. Она запоем читает стихи Огарева. Там же хранится шрифт подпольной типографии.

Жандармы молчали. Это подзадоривало отца, он не унимался:

— Беглые каторжники расположились на чердаке. Когда полезете туда, будьте осторожны, господа. Мне было бы прискорбно видеть вас искалеченными обломками кандалов.

Наконец жандарм постарше не выдержал.
— Оставьте неуместные шутки, господин Циолковский. Вы бы лучше переоделись. Вам придется следовать за нами.

— Арест? — нисколько не удивился отец. — Это вполне соответствует правам любезного отечества: ворваться ночью в семейный дом, все перерыть, не найти ничего предосудительного и арестовать ни в чем неповинного человека. Российская идиллия!

Мать заплакала:

— Они тебя уведут, Эдуард?

Отец обнял ее за плечи:

— Нет, мое золотко. Это выше их возможностей. Я сам пойду с ними и поговорю с господином полковником. Пусть он из уст пострадавшего узнает, как распустились его подчиненные. Они забыли, что Рязань не в Турции, а все-таки в России...

Эдуард Игнатьевич вышел из кабинета и быстро переоделся. Бледная, растерянная Мария Ивановна не сводила с него глаз. Муж белоснежным платком вытер ее слезы и сказал:

— Перестань, Маша, своими слезами доставлять удовольствие этим...

Он не договорил. Рыжеватый жандарм оглядел углы, стены и заметил, ни к кому в отдельности не обращаясь:

— Ни икон, ни портретов его императорского величества...

— По какой же статье свода законов за это привлекаются бедные россияне?

Жандарм с досадой бросил на стол оказавшуюся у него в руке книгу:

— Вы готовы, господин Циолковский? Скоро начнет светать...

— Вы, кажется, боитесь дневного света? У меня светобоязни нет, но я согласен идти и в потемках.

Марья Ивановна, не обращая внимания на жандармов, бросилась мужу на шею. Он гладил ее волосы и вполголоса успокаивал:

— Не тревожься, золотко. К утру вернусь. Я уже давно собираюсь сказать господину полковнику несколько слов...

Костя стоял за портьерой и провожал глазами отца, выходящего из дома с гордо поднятой головой. Казалось, не жандармы его уведут, а он ведет провинившихся в чем-то. Умеет держать себя отец!

Хлопнула дверь. Мать опустилась на кушетку и дала волю слезам. Костя, как был босиком, подбежал к ней и уткнулся головой в колени.

— Куда они увели папу? — спросил он, чувствуя, что сейчас разревется.

— Он скоро придет домой, — пообещала мать, но в ее голосе явно недоставало уверенности.

А к утреннему чаю вернулся оживленный, торжествующий Эдуард Игнатьевич. На безмолвный вопрос жены он ответил:

— Полковник извинился за досадное недоразумение, но дал понять, что за мной следит не одна пара глаз.

И, понизив голос, добавил:

— А Запольский, я думаю, уже шагает по Невскому проспекту.



НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СУДА

Я. Крымов

Мы привыкли считать, что судно или корабль плавает на воде. Чаще всего это так, но не всегда. Есть суда, которые летают, суда, умеющие плавать, суда, умеющие ползать, а скоро можно будет увидеть судно, едущее на колесах.

Большое океанское судно нельзя поднять из воды на крыльях: оно развалилось бы от собственного веса. Но инженеры нашли выход из положения: если нельзя поднять судно в воздух, надо «положить» воздух под судно.

Представьте себе, что в днище судна проделаны тысячи маленьких дырочек — как в разбрызгивателе душа. Только из них «вытекает» не вода, а воздух. Его гонит по трубам специальный мощный насос. Отдельные пузырьки, сливаясь вместе, образуют сплошную воздушную оболочку, или «чехол», как бы надетый на корпус судна. На ходу такое судно трется о воду не жестким шероховатым корпусом, а податливым и

гладким «воздушным чехлом». Благодаря воздушной смазке, судно оказывается гораздо более «скользящим», чем обычное, а значит, и скорость у него получается выше.

Но не всегда скорость — главное. У нас в стране много мелководных рек, да еще с перекатами, где судну приходится буквально «проползати» по дну. Обычное судно здесь обязательно сломало бы винт, а вот специальному, «ползающему» — ничего. У такого судна винта нет. Вместо винта на судне стоит мощный насос, который через специальную трубу — сопло выбрасывает, «мечет» за корму струю воды. Он так и называется — водомет.

Этой струей судно как бы отталкивается от воды. Таким способом плавают многие обитатели океанов, например, кальмары, ближайшие родственники осьминогов.

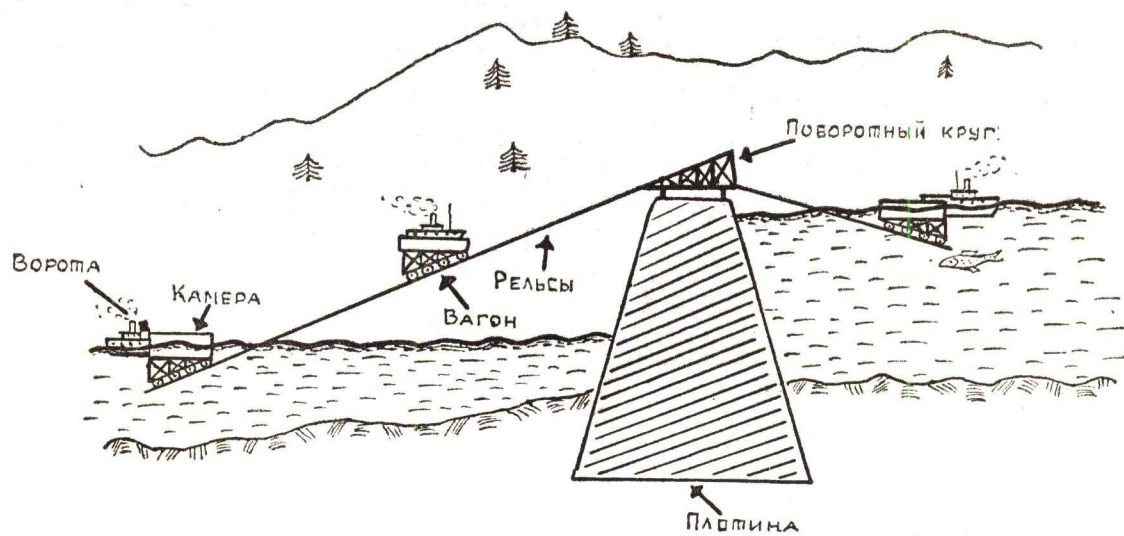
Если надо повернуть судно, то струю водомета немного отклоняют вправо или влево. Для этого за кор-

мой есть специальные заслонки. Водометное судно может само проложить себе дорогу там, где даже для него слишком мелко. Оно поворачивается кормой вперед и струей водомета размывает перекат.

Летающие и ползающие суда уже есть, а вот судно на колесах можно будет увидеть только года через два. Для этого придется поехать в Сибирь.

Вы слышали, конечно, о Красноярской ГЭС на Енисее. Люди перегородили могучий Енисей плотиной стометровой высоты и заставили работать. Но ведь Енисей — это очень важная для Сибири «большая водяная дорога», а плотина его загородила путь судам. Как быть?

Строить шлюзы здесь невыгодно. Каждый шлюз может поднять судно только метров на 15-20. Значит, нужна целая «лестница» шлюзов. К тому же берега Енисея в этом месте — сплошная скала. Инженеры подсчитали, что гораздо выгоднее



перевозить суда через плотину... по железной дороге, на колесах. Конечно, и сама железная дорога, и «вагон» здесь не обычные.

Посмотрите на рисунок.

По берегу проложены рельсы, которые уходят в воду выше и ниже плотины. По рельсам может ездить специальный «вагон» на нескольких десятках колес. Главная часть этого вагона — судовозная камера, огромное корыто с воротами, такими же, как у шлюза.

Если, например, нужно переправить судно через плотину снизу вверх, то делается это так. Вагон съезжает вниз, входит в воду, и ворота камеры открываются. Судно всплывает в камеру, его там закрепляют, и ворота снова закрываются. Потом включаются мощные моторы — «вагон» медленно трогается с места. Он постепенно поднимается по рельсам и поднимает судно, которое плавает в его камере. Когда вагон добирается до верха плотины,

он въезжает на поворотный круг — такой же, как бывает в железнодорожных депо — и разворачивается задом наперед. Потом он начинает спускаться и опять въезжает в воду, только уже над плотиной. Ворота камеры открываются, судно выходит и идет дальше своим обычным способом: по воде.

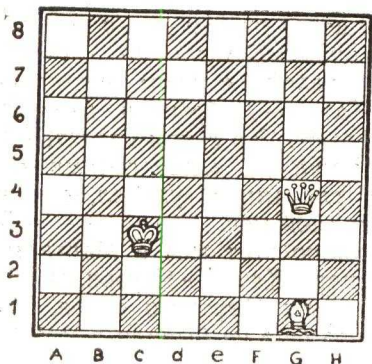
А в камеру может войти другое судно и отправиться в «сухопутное плавание» сверху вниз.

ЧЕРНЫЙ КОРОЛЬ СРЫВАЕТ УРОК

— Чем же мы сегодня займемся? — сказал Карандаш собравшимся около доски фигурам и пешкам. — Пожалуй, повторим, что такое мат и пат. Попрошу к доске Белого Короля, Белого Ферзя и Белого Слона.

Вызванные подошли к доске.

— Белый Король пусть станет сюда, — показал Карандаш на с3, — место Ферзя будет на g4, а Слон займет поле g1. Вот, правильно, — одобрительно закивал он, когда фигуры расположились так.



— А сейчас пусть к доске подойдет Черный Король. Так. Пройдите вон на то поле, — показал Карандаш. Черный Король направился на указанное ему поле, но, дойдя, тут же повернул обратно.

— В чем дело? — спросил Карандаш.

— Я под мат не стану... Надоело, — проворчал Черный Король.

— Ну хорошо, — сказал Карандаш. — Тогда Белые фигуры останутся на месте, а вы пройдите туда, — он показал Черному Королю на другое поле.

— А я не окажусь там под матом?

— Нет, нет.

Черный Король прошел на указанное ему поле.

— А теперь смотрите, как дается мат в один ход, — обратился Карандаш к окружившим доску Фигурам и Пешкам. — Я попрошу Белого...

Но не успел он закончить, как Черный Король с криком выбежал со своего поля:

— Да что такое, в самом деле! Опять мне будут мат объявлять? Не позволяю!

— Но ваше Черное Величество! — обратился к нему со своего места Белый Король. — Это же просто учебный, показательный мат. Мы его даже не включим в наш счет. Ведь нужно...

— А если нужно, ваше Белое Величество, так почему не вам мат объявляют? Почему мне? Да сломайся мой самый верхний шарик, если...

— Ну хорошо, хорошо, Черный Король, успокойтесь... Не будем сегодня про мат повторять. Я вас только попрошу занять вон то поле. Чтобы получился пат. Против пата вы ведь ничего не имеете?

— Не буду я занимать поле по вашей указке! Да что, в самом деле: король я или пешка какая-нибудь?! Не хватало еще, чтобы мною — королем из наилучшей черной пластмассы — помыкал какой-то деревянный карандаш! С королями так не занимаются!

Урок был сорван. Да тут и будильник зазвонил. Я вскочил с постели, а все фигуры и пешки моментально попрятались в ящик. Как будто они и не выходили оттуда... Но я-то хорошо помню, что белые — Король, Ферзь и Слон — по указанию Карандаша предназначались Черному Королю, я не разобрал. Не можете ли мне, ребята?

Итак: куда Карандаш велел стать Черному Королю, чтобы ему был мат?

Куда нужно было стать Черному Королю, чтобы белые дали ему мат в один ход?

Куда должен был стать Черный Король, чтобы на доске получился пат?

МОЛОДЦЫ!

Раньше других правильные ответы на наши шахматные задания за первое полугодие присылали Володя Агафонов (Ленинград), Саша Алаков (Иркутск), Вася и Миша Едовичи (Мезень), Сережа Мелкумян (Ереван), Толя Рычков (Соликамск), Павел Сергиевский (Одесса).



Мно, мой Мно

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

Астрид Линдгрен

Рисунки Илон Векланд

МЕЧА ГРОЗНЕЕ ЕЩЕ НЕ БЫВАЛО В МОЕМ ЗАМКЕ!

Когда-нибудь, верно, я забуду об этом. Когда-нибудь, верно, я больше не стану вспоминать рыцаря Като. Я забуду его страшное лицо, его страшные глаза и его страшный железный коготь. Я мечтаю о том дне, когда я перестану думать о нем. Тогда я забуду и его страшные покои.

Воздух в покоях рыцаря Като был насыщен злобой. Это были те самые покои, в которых рыцарь Като просиживал дни и ночи, обдумывая свои козни. Дни и ночи напролет просиживал он там, обдумывая свои козни, и воздух был так насыщен злобой, что нечем было дышать. Зло потоками изливалось оттуда, убивая вокруг все прекрасное и живое; оно уничтожало зеленые листья, и цветы, и шелковистые травы; мутной завесой оно застилало солнце, так что в этой стране никогда не бывало настоящего дня, а только ночь или сумерки. И ничего удивительного, что окно в замке над водами Мертвого озера светилось, точно злое око. Это злоба рыцаря Като просачивалась сквозь окошко, когда, сидя в своих покоях, обдумывал он свои козни. Дни и ночи напролет просиживал он там, обдумывая свои козни.

Меня привели в его покои. Рыцарь Като схватил меня в тот самый миг, когда я крепко обеими руками вцепился в ступеньку, чтобы не сорваться в пропасть. И я не мог обнажить свой меч. А потом черные стражники набросились на меня и повели в его покои. Там уже находился Юм-Юм. Бледный и печальный, он прошептал мне:

— О Мно! Теперь все пропало!

Вошел рыцарь Като, и мы увидели его во всем его страшном обличье. Мы стояли перед ним, а он молча смотрел на нас своими страшными глазами. Он исходил злобой, его злоба обдавала нас холодом, она обжигала наши ли-

ца и руки жгучим огнем, как дым, выедала глаза, проникала в легкие, не давая дышать. Я чувствовал, как волны его злобы пронизывают меня. Я так устал, что не в силах был бы поднять свой меч, сколько бы ни старался. Стражники протянули рыцарю Като мой меч; он взглянул на него и содрогнулся.

— Меча грознее еще не бывало в моем замке!

Он подошел к окну и долго стоял там, взвешивая на руке мой меч.

— Что сделать с этим мечом? — спросил рыцарь Като. — Добрых и невинных такой меч не возьмет. Что с ним сделать?

Он взглянул на меня своими страшными змеиными глазами и увидел, как я жажду заполучить свой меч.

— Я утоплю этот меч в Мертвом озере! — сказал рыцарь Като. — Я утоплю его в самом глубоком омуте Мертвого озера. Потому что меча грознее еще не бывало в моем замке.

Он поднял меч и швырнул его в окно. Я увидел, как меч сверкнул в воздухе, и отчаяние охватило меня. Многие-многое тысячелетия Кователь Мечей выковывал меч, рассекающий камень. Многие-многое тысячелетия все ждали и надеялись, что я одержу победу над рыцарем Като. А теперь он утопил мой меч в Мертвом озере. Никогда больше я не увижу его, всему конец.

Рыцарь Като подошел и встал перед нами, — его злоба чуть не задушила меня, пока он стоял так близко.

— Что сделать с моими врагами? — спросил сам себя рыцарь Като. — Что сделать с моими врагами, которые пришли издалека, чтобы погубить меня? Об этом стоит подумать! Я мог бы обратить их в птиц и заставить многие-многое тысячелетия с криком носиться над Мертвым озером...

Он говорил так, а взгляд его страшных змеиных глаз обжигал нас.

Окончание. См. «Костер» № 7, 8, 1965 г.

— Да, я мог бы обратить их в птиц, — повторил он. — Или я мог бы вырвать сердца из их груди и вложить сердца из камня. Я мог бы сделать их своими маленькими камердинерами, если бы вложил им сердца из камня.

«О, преврати меня лучше в птицу!» — хотел крикнуть я. Мне казалось, что ничего не может быть хуже каменного сердца. Но я не крикнул. Я понимал, что если попрошу обратить меня в птицу, то рыцарь Като сразу же вложит мне в грудь каменное сердце.

Рыцарь Като сверлил нас своими страшными змеиными глазами.

— А может, посадить их в башню, чтоб они умерли с голоду? — сказал он. — У меня много птиц, у меня много камердинеров! Посажу-ка я своих врагов в Голодную башню, пусть подышают с голоду.

Он прохаживался взад и вперед, погруженный в свои думы, и каждая его мысль все больше и больше насыщала воздух злобой.

— В моем замке умирают от голода за одну ночь, — сказал он. — Ночь в моем замке такая долгая, а голод такой сильный, что умирают за одну ночь...

Остановившись перед нами, он положил свой страшный железный коготь на мое плечо.

— Я знаю тебя, принц Мио! — сказал он. — Стоило мне увидеть твою белую лошадь, и я понял: ты явился. Я сидел здесь и поджидал тебя. Наверное, ты думал, что настала ночь битвы?

Он склонился надо мной и прошипел в самое ухо:

— Ты думал, что настала ночь битвы, но ты просчитался. Кончится ночь, и в башне замка я найду лишь маленькие белые косточки. Больше ничего не останется от принца Мио и его оруженосца.

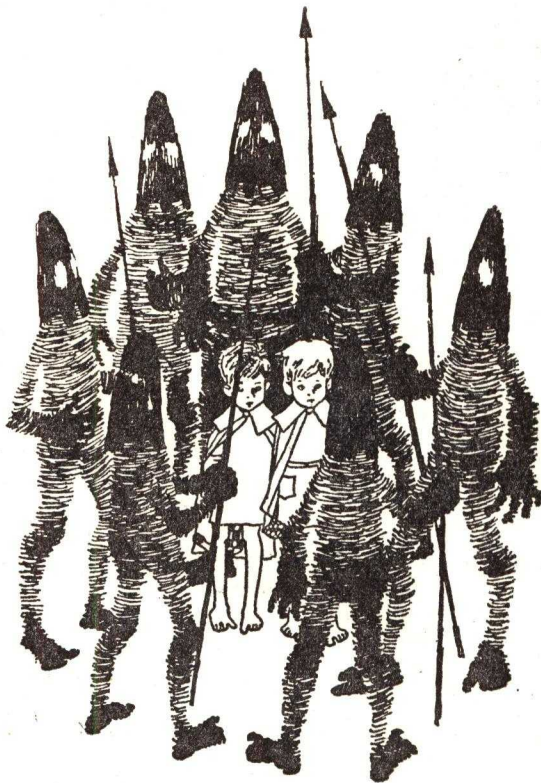
Он постучал железным когтем по каменному столу, и вошел отряд стражников.

— Заточите их в Голодную башню! — приказал рыцарь Като. — Заточите их в башню за семью замками. Пусть семеро стражников несут караул у дверей башни, а семьдесят семь стражников поставьте охранять залы, лестницы и галереи, соединяющие башню с моими покоями.

Он сел за стол.

— Я хочу спокойно сидеть здесь, за моим столом, обдумывая свои козни. Я не хочу, чтобы принц Мио мешал мне. Когда кончится ночь, я не поленюсь пойти в башню взглянуть на ваши маленькие белые косточки. Прощай, принц Мио! Спокойной ночи!

Стражники схватили нас с Юм-Юмом и поволокли через весь замок в башню, где нас ждала гибель. И повсюду — во всех залах,



в галереях и на лестницах уже был выставлен караул. Неужто он, могущественный рыцарь Като, так боится меня, что окружил себя полчищами стражников? Неужто он боится меня, безоружного, брошенного в Голодную башню за семью замками и с семью стражниками у дверей?

Больно скрутив наши руки, стражники тащили нас в темницу. Мы шли и шли по галереям огромного мрачного замка. Прошли и мимо зарешеченного окна, и я увидел внутренний двор замка. Посреди двора стояла лошадь, прикованная к столбу стальной цепью. Черная лошадь с маленьким черным жеребенком. При виде нее у меня екнуло сердце. Я подумал о Мирамис, которой уже больше никогда не увижу. Что они сделали с ней, жива ли она?..

И вот мы в башне, где нам предстоит провести последнюю ночь. Тяжелая железная дверь со скрежетом захлопнулась за нами, и мы услышали, как стражники семь раз повернули ключ. Мы с Юм-Юмом остались одни. Наша темница была в круглой сводчатой башне с толстыми каменными стенами. Маленькое окно забрано железной решеткой. Через окно доносились печальные крики заколдованных птиц, круживших над Мертвым озером.

Мы уселись на пол, чувствуя себя такими маленькими и беззащитными! Мы знали: как только ночь подойдет к концу, мы умрем.

— Эх, была бы смерть не такой тяжелой, — сказал Юм-Юм, — а мы не такими маленькими и беззащитными!

Мы сидели на холодном полу, держась за руки. Нас одолевал голод. Это был не обычный голод. Он душил нас, выворачивал все внутренности, леденил кровь, лишал сил; нам хотелось только забыться, уснуть и никогда не просыпаться. Но мы решили так просто не сдаваться, а бороться со сном что есть сил. Перед смертью мы стали вспоминать Страну Дальнюю.

Я подумал о моем отце короле, и на глазах моих навернулись слезы. Я так ослаб от голода, что не мог громко плакать, и слезы тихо катились по щекам. Юм-Юм тоже плакал втихомолку.

— Эх, была бы Страна Дальняя не так далеко, — прошептал он, — и Остров Зеленых Лугов тоже. И были бы мы не такими маленькими и беззащитными!

— Помнишь, как мы бродили по холмам на Острове Зеленых Лугов, наигрывая на наших флейтах? — спросил я. — Помнишь, Юм-Юм?



— Да, но это было давным-давно, — ответил Юм-Юм.

— Мы можем сыграть на флейтах и здесь, — предложил я. — Мы можем наигрывать старинный напев, пока голод не одолеет нас, пока не умрем.

— Что ж, сыграем еще разок, — прошептал Юм-Юм.

Мы достали флейты. Слабые руки едва удерживали их, но мы заиграли старинный напев. Мы играли, а Юм-Юм плакал, и слезы тихо катились по его щекам. Может, и я тоже плакал, не замечая этого. Старинный напев был так прекрасен, но звучал едва слышно, словно

сознавая, что скоро смолкнет и он. Хотя мы играли тихо, заколдованные птицы услышали нас. Они подлетели к нашему окошку. Сквозь решетку я увидел их грустные блестящие глаза. Потом птицы улетели, а мы не могли уже больше играть.

— Ну, теперь мы сыграли в последний раз, — сказал я и хотел положить флейту в карман.

Но там что-то было! Я шарил рукой, пытаюсь догадаться, что же это? В кармане оказалась чайная ложечка, ложечка сестренки нашего друга Йри!

Мне хотелось, чтобы заколдованные птицы снова подлетели к нам. Я бы показал им ложечку. Может быть, сестренка Йри узнала бы ее. Но заколдованные птицы больше не появлялись.

Рука моя разжалась, и ложечка упала на пол.

— Смотри-ка, Юм-Юм, — сказал я, — я нашел ложечку!

— Что из того! — ответил Юм-Юм. — Зачем нам ложечка, если нет еды?

И, улегшись на пол, Юм-Юм закрыл глаза. Я чувствовал страшную усталость. Все тело светело от голода. Я бы проглотил любую еду, все что угодно. Больше всего мечтал я о хлебе, хлебе насущном. Но я знал, что мне его больше не есть. Я мечтал о ключевой воде, утоляющей жажду. Но я знал, что мне ее больше не пить. Никогда не придется мне больше ни пить, ни есть. Я вспоминал даже кашу размазную, которой тетя Эдла пичкала меня по утрам и которую я так ненавидел. Теперь бы я проглотил даже эту размазную, теперь бы она мне понравилась.

О, хоть бы что-нибудь съесть! Как во сне я поднял с пола ложечку и сунул ее в рот.

Что такое?! Ложечка кормила меня! Я будто поел хлеба насущного и попил ключевой воды, утоляющей жажду. Ложечка кормила меня самым вкусным на свете. И что удивительно: ложечка казалась бездонной, еда в ней не убывала, я наелся досыта.

Юм-Юм лежал на полу, закрыв глаза. Я сунул ложечку ему в рот, и он начал есть прямо во сне. Потом он сказал:

— О Mio, мне приснился чудный сон. Теперь мне и умирать легче. Мне приснился хлеб, хлеб насущный.

— Это не сон, — ответил я.

Юм-Юм открыл глаза и уселся на полу. Он понял наконец, что жив и сыт. Несмотря на нашу беду, мы почти повеселели.

— Что сделает с нами рыцарь Като, раз мы не умерли с голоду? — спросил Юм-Юм.

— Только бы он не вложил нам каменное

сердце! — ответил я. — Я так боюсь каменного сердца!

— Ночь еще не кончилась! — сказал Юм-Юм. — Рыцарь Като еще не появился. Давай поговорим о Стране Дальней. Так и время пройдет. Сядем поближе друг к другу, чтобы немного согреться.



В башне было холодно, мы продрогли до костей. Плащ сполз с моих плеч и свалился на пол. Я поднял его и закутался потеплее. Как хорошо, что добрая ткачиха подбила мой плащ волшебной тканью!

Вдруг раздался отчаянный крик Юм-Юма: — Мио! Мио, где ты?

— Я здесь! — ответил я. — У двери.

Юм-Юм посветил вокруг огарком свечи. Эту жалкую подачку рыцаря Като мы получили на ночь. Вне себя от страха Юм-Юм ползал по темным углам, пытаясь найти меня.

— Где ты? — взмолился он. — Не слепой же я, раз вижу дверь, тяжелый засов и стены нашей темницы.

И тогда я понял, что, надевая плащ, вывернул его наизнанку. Сверкающая волшебная ткань оказалась сверху. Едва я снова скинул плащ, Юм-Юм воскликнул:

— Не пугай меня так! Где ты прятался?

— А сейчас ты видишь меня? — спросил я.

— Еще бы! — ответил Юм-Юм. — А где ты был только что?

— Под своим плащом, — сказал я. — Наверное, ткачиха превратила его в плащ-невидимку!

Мы примерили плащ и так и этак — в самом деле, он становился невидимым, как только его выворачивали наизнанку.

— А теперь давай кричать во весь голос! — предложил Юм-Юм. — Может, стражники прибегут посмотреть, что тут случилось. А ты шмыгнешь мимо них, выберешься из замка рыцаря Като и вернешься в Страну Дальнюю целым и невредимым.

— А как же ты, Юм-Юм? — спросил я.

— Я останусь, — дрогнувшим голосом ответил Юм-Юм. — Ведь плащ-невидимка у нас только один!

— Плащ у меня один-единственный! — сказал я. — И друг тоже! Мы умрем вместе, если не можем спастись оба.

Юм-Юм крепко обнял меня.

— Я хочу, чтобы ты убежал отсюда и вернулся в Страну Дальнюю. Но ты остаешься со мной, и я не могу не радоваться. Мне стыдно, но я ничего не могу поделать.

Тут вдруг случилось чудо! Вернулись заколдованные птицы. Они часто-часто взмахивали крыльями у самой оконной решетки. Они держали в клювах какой-то тяжелый предмет. Все птицы помогали его нести. Это был меч! Мой меч, рассекающий камень!

— Мио! — крикнул Юм-Юм. — Заколдованные птицы достали твой меч со дна Мертвого озера!

Я подбежал к окошку и, протянув руки сквозь решетку, взял меч. Он полыхал огнем, с него стекали капли воды, но и они сверкали огнем.

— Спасибо вам, милые добрые птицы! — сказал я.

Но птицы взглянули на меня своими блестящими грустными глазами и, горестно крича, снова взмыли над Мертвым озером.

— Здорово, что мы догадались сыграть на наших флейтах! — сказал Юм-Юм, — иначе бы птицам не найти дорогу к этой башне.

Я почти не слушал. Я стоял в темнице, сжимая в руке меч. Мой меч, мой огненный меч! Никогда прежде не был я таким сильным! Я думал об отце и знал: он тоже думает сейчас обо мне.

— Ну, Юм-Юм! — сказал я. — Для рыцаря Като настал час его последней битвы.

Юм-Юм побледнел, а глаза его радостно заблестели.

— Как ты справишься с семьей замками? — спросил он. — Как проскользнешь мимо семидесяти семи стражников?

— Семь замков уничтожит мой меч, — ответил я, — а плащ укроет меня от семидесяти семи стражников.

Я набросил плащ на плечи. Волшебная ткань засверкала в темноте, она сверкала так,



будто могла осветить весь замок рыцаря Като. Но Юм-Юм сказал:

— Я не вижу тебя, Мио, хоть и знаю, что ты здесь. Я буду ждать, когда ты вернешься назад.

— А если я не вернусь никогда? — спросил я. Разве мог я знать, кто победит в этой битве с рыцарем Като!

Мы замолчали, мы долго молчали. А потом Юм-Юм сказал:

— Если ты никогда не вернешься, Мио, мы будем думать друг о друге. Мы будем думать друг о друге, пока хватит сил.

— Верно, Юм-Юм! — ответил я. — Я буду думать о тебе и об отце в мой последний час.

Я поднял меч, и он рассек железную дверь, словно она была из теста. Ведь для меча, который рассекает камень, железная дверь все равно что тесто. И беззвучно, словно тесто, мой меч рассек железо.

Я отворил дверь, она чуть слышно заскрипела. Семеро стражников стояли на страже за дверью. Услышав скрип, они обернулись. Они смотрели прямо на меня. А я стоял в своем сверкающем волшебном плаще и думал: «Как ярко светится плащ, они видят меня!» Но они меня не видели.

— Я слышал скрип в ночи! — сказал один из стражников.

— Да, что-то скрипнуло в ночи! — сказал другой.

Они стали рыскать по сторонам, — меня они не видели.

— Верно, злобная мысль рыцаря Като со скрипом пронеслась мимо! — сказал третий.

Но я был уже далеко.

Пряча свой меч под плащом, я бежал со всех ног к покоям рыцаря Като.

Повсюду, во всех залах, галереях и на лестницах стоял караул. Огромный черный замок был полон черных стражников. Но меня они не видели. Меня они не слышали. И я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Я не испытывал больше страха. Я был бесстрашен как никогда. Я уже не тот Мио, что строил шалаши в саду на Острове Зеленых Лугов. Я — рыцарь, готовый к битве!

Я бежал со всех ног. Мой волшебный плащ полыхал за плечами, он сверкал и полыхал в темном замке. И я бежал все дальше и дальше, к покоям рыцаря Като.

Меч огнем полыхал в моей руке, он блестел и пламенел. Я крепко сжимал рукоять.

Я думал о моем отце короле. Я знал, что и он думает обо мне. Наконец-то! Близок час битвы! Битва меня не пугала. Я рыцарь без страха и упрека, и в руке моей меч.

И вот я у покоев рыцаря Като.

Я распахнул двери. Рыцарь Като сидел спиной ко мне за своим каменным столом. Он исходил злобой.

— Обернись, рыцарь Като! — сказал я. — Настал час твоей последней битвы!

Он обернулся. Я сорвал с себя плащ и предстал перед ним с мечом в руке. Его страшное лицо посинело и сморщилось, в его страшных глазах мелькнули ненависть и ужас.

Миг, и он схватился за меч, лежавший рядом с ним на столе. Началась его последняя битва.

Грозен был меч рыцаря Като, но где ему сравниться с моим мечом! Мой меч сверкал, блестел и пламенел, он молнией рассекал воздух, безжалостно скрещиваясь с мечом рыцаря Като.

Целый час длилась эта битва, битва, которую ждали многие-многие тысячелетия. Молчаливая, страшная битва! Мой меч, точно молния, рассекал воздух, скрещиваясь с мечом рыцаря Като. Наконец я выбил меч из его руки. Безоружный стоял передо мной рыцарь Като. Он знал: битва проиграна.

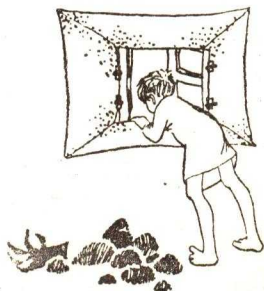
Тогда, разорвав на груди свой черный бархатный камзол, он воскликнул:

— Гляди не промахнись! Рази в самое сердце! В мое каменное сердце! Слишком долго сидело оно в моей груди и натворило не мало зла!

Я заглянул в его глаза. И такими странными показались мне эти глаза. Мне показалось, будто рыцарь Като жаждет избавиться от своего каменного сердца. Может статься, больше всех на свете ненавидел рыцаря Като сам рыцарь Като?

Я не стал мешкать. Я поднял свой огненный меч и пронзил мечом каменное сердце Като.

В тот же миг рыцарь Като исчез. Его не стало.



На полу лежала только груда камней. Только груда камней! И еще там лежал железный коготь.

А на подоконнике маленькая серая птичка билась крыльями о стекло. Верно, ей хотелось на волю. Я не видал этой птички раньше, не знаю, где она пряталась. Я подошел к окну

и распахнул его, чтобы выпустить пленницу на волю. Птичка вспорхнула, взмыла ввысь и радостно защебетала. Видно, долго она томилась.

Я стоял у окна и смотрел вслед улетающей птичке. И я увидел, что ночь кончилась и наступало утро.

МНО, МОЙ МНО

Настало утро, стояла чудесная погода. Светило солнце. Задорный летний ветерок подлетел к моему окну и взлохматил мне волосы. Высунувшись из окна, я взглянул на озеро. Оно было голубое и лучезарное, в нем отражалось солнце. Заколдованные птицы исчезли.

О, какой прекрасный день! Вот бы сейчас поиграть! Я посмотрел вниз на воду, утренний ветерок подернул ее рябью. Мне страшно захотелось бросить что-нибудь в озеро. Шикарный получится бултых, если бросить что-нибудь в воду с такой высоты. Но под рукой ничего, кроме меча, не оказалось, и я запустил его в озеро. Меч забавно перевернулся в воздухе, а потом плюхнулся в воду. Вода тотчас поглотила его. На поверхности остались лишь большие круги. Большие красивые круги росли и росли, волнами расходясь по озеру. Вот это зрелище! Но у меня не было времени стоять и смотреть, пока круги не сольются с берегом. Мне надо было торопиться к Юм-Юму. Наверно, он заждался меня.

Той же дорогой, которой мчался час назад, я возвращался обратно. Громадные залы и безмолвные галереи опустели и притихли. Стражников не было видно. Куда-то они все подевались. Сквозь оконные решетки лучи солнца осветили старинные своды, с которых свисала паутина. До чего же древний и запущенный был этот замок!

Повсюду царила тишина и запустение, мне стало вдруг страшно: а что если Юм-Юм тоже исчез? Я бросился бежать со всех ног. Я бежал все быстрее и быстрее. Приблизившись к башне, я услышал, что Юм-Юм наигрывает на флейте; тут я сразу успокоился и повеселел.

Я распахнул дверь нашей темницы. Юм-Юм сидел на полу. При виде меня глаза его за сверкали, он вскочил на ноги и сказал:

— Я старался все время играть на флейте, я так тревожился!

— Теперь тебе не о чем тревожиться, — ответил я.

Мы были очень счастливы и только хохотали, глядя друг на друга.

— Ну, уйдем отсюда! — сказал я. — Уйдем раз и навсегда.

Мы взялись за руки и выбежали из замка рыцаря Като. Сначала мы оказались во внутреннем дворе замка. И кто, вы думаете, затрусил нам навстречу? Мирамис! Моя Мирамис с золотой гривой! Около нее терся маленький белый жеребенок.

Мирамис одним прыжком оказалась возле меня, я обнял ее за шею и прижался головой к морде лошади, шепча ей в ухо:

— Мирамис, моя любимая Мирамис!

Лошадь взглянула на меня своими преданными глазами, и я почувствовал, что нам обоим было плохо друг без друга.

Посреди двора по-прежнему стоял столб, возле которого валялась цепь. И тут я понял, что жеребенок тоже был пленником рыцаря Като, похищенным из Дремучего Леса. Это из-за него сотня белоснежных лошадей плакала кровавыми слезами. Теперь им не придется больше плакать. Скоро они получат своего жеребенка обратно.

— А что стало со всеми остальными пленниками рыцаря Като? — спросил Юм-Юм. — Куда делись заколдованные птицы?

— Поскачем верхом к озеру и поищем их там, — предложил я.

Мы взобрались на спину Мирамис, и жеребенок тотчас подбежал к нам. Мы выехали за ворота замка.

И тут раздался адский грохот. Позади нас что-то рухнуло, сотрясая землю. Это обрушился замок рыцаря Като, превратившись в груду камней. Не было больше ни башен, ни пустынных залов, ни мрачных винтовых лестниц, ни потайных окошек, ничего. Лишь груда голых камней.

— Нет больше замка рыцаря Като, — сказал Юм-Юм.

— Остались одни камни! — добавил я.

С вершины скалы, на которой раньше стоял замок, к озеру крутыми уступами спускалась узкая тропинка. Мирамис пробиралась по ней с величайшей осторожностью, медленно пере-

ставляя копыта, жеребенок ни в чем не уступал ей.

На громадной каменной плите почти у самого подножья скалы собралась толпа малышей. Они, верно, ждали нас, потому что бросились нам навстречу с сияющими лицами.

— О, да ведь это братья Нонно, — сказал Юм-Юм. — А вот сестренка Йри и другие дети. Нет больше заколдованных птиц!..

Мы спрыгнули с лошади. Дети окружили нас, они глядели смущенно и радостно. Один из братьев Нонно тронул меня за руку и сказал тихо, словно боясь, что его кто-то услышит:

— До чего я рад, что на тебе мой плащ! До чего счастлив, что нас расколдовали!

Одна девочка, та, что была сестренкой Йри, тоже подошла ко мне. Не смея от робости взглянуть на меня, она чуть слышно произнесла:

— До чего я рада, что у тебя моя ложечка! До чего счастлива, что нас расколдовали!

И братишка Нонно положил мне руку на плечо и сказал:

— До чего я рад, что мы добыли твой меч со дна озера! До чего счастлив, что нас расколдовали!

— Теперь меч снова покоится на дне, — сказал я. — Но там ему и место, мне он больше никогда не понадобится.

— Мы ведь тоже не сможем теперь выловить его, раз мы перестали быть заколдованными птицами, — ответили дети...

Я окинул взглядом малышей.

— А кто из вас маленькая дочка ткачихи? — спросил я.

Наступила тишина, все молчали.

— Кто же из вас маленькая дочка ткачихи? — повторил я.

Мне хотелось ей рассказать, что мой плащ подбит волшебной тканью, сотканной ее матерью.

— Дочкой ткачихи была Милимани, — сказал брат Нонно.

— Где ж она? — удивился я.

— Вот где Милимани! — ответил брат Нонно.

Дети отпрянули в сторону. Среди пенистых волн на скалистом утесе лежала маленькая девочка. Я подошел ближе и опустился перед ней на колени. Она лежала неподвижно с закрытыми глазами, мертвая. Ее личико было маленьким и совсем белым, а тело обгорело и обуглилось.

— Она погасила факел! — сказал брат Нонно.

Я почувствовал себя страшно несчастным. Милимани погибла из-за меня!

Мне стало очень грустно. Уже ничто не радовало меня, потому что Милимани погибла из-за меня.

— Не огорчайся так, — сказал брат Нонно. — Милимани сама полетела навстречу огню, хотя знала, что крылья ее вспыхнут и сгорят.

— Да, но она погибла, — сказал я в отчаянии.



Брат Нонно взял ее маленькие обгорелые ручки в свои.

— Мы должны оставить тебя здесь одну, — произнес он. — Но прежде чем уйти, мы споем тебе нашу песню.

Все дети сели на скалистый утес вокруг Милимани и спели ей песню, которую сочинили сами.

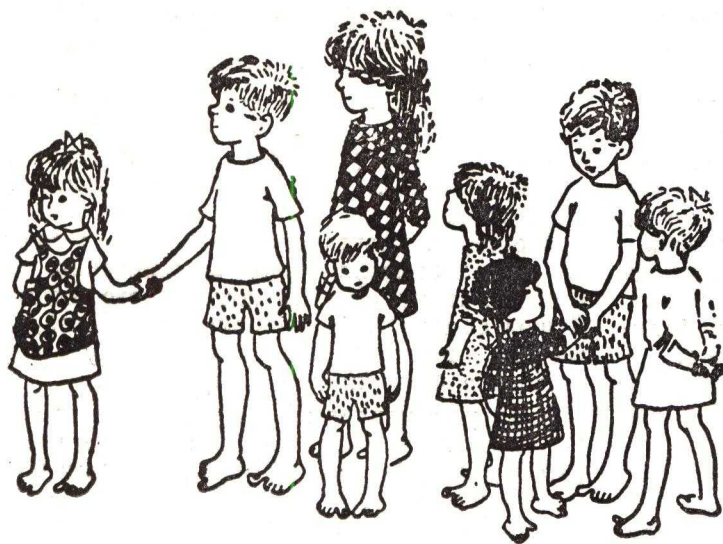
Милимани, наша сестренка,
Ты, сестренка, упала в волны,
Упала в волны с крылом сожженным,
Милимани, о Милимани!
Тихо дремлешь и не очнешься,
Не очнешься, не полетишь ты
Над водою с горестным криком...

— Хорошо бы завернуть ее во что-нибудь, — сказала сестренка Йри. — Тогда бы ей было не так жестко лежать на голом камне.

— Мы завернем Милимани в мой плащ, — сказал я. — Мы накроем девочку тканью, которую соткала ее мать.

И я завернул Милимани в плащ, подбитый волшебной тканью. В ней был белый цвет яблонь, нежность ночного ветра, ласкающего травы, теплая алая кровь сердца — ведь это руки матери соткали такую ткань. Я бережно закутал несчастную Милимани в свой плащ, чтобы ей было мягче лежать на скале.

И тут произошло чудо. Милимани вдруг открыла глаза и посмотрела на меня. Сначала она лежала неподвижно и только глядела на меня. Затем она приподнялась и села, а увидев всех нас, страшно удивилась. Оглядевшись по сторонам, она удивилась еще больше.



— До чего голубое озеро! — сказала она.

Это все, что она сказала. Потом она сбросила плащ и встала. На ее теле не осталось никаких следов ожога. Как мы обрадовались, что она снова жива, цела и невредима!

Вдали на озере показалась ладья. Кто-то греб сильными взмахами. Когда ладья приблизилась, я увидел, что это гребет Кователь Мечей; с ним был и старый Эно.

Скоро лодка ткнулась носом в утес, и они сошли на берег.

— Ну, что я вам говорил? — закричал Кователь Мечей раскатистым басом. — Что я вам говорил? «Скоро пробьет час последней битвы рыцаря Като», — ведь так я говорил?

Эно бросился мне навстречу.

— Я хочу кое-что показать тебе, принц Мио! — сказал он. Протянув свою морщинистую руку, он раскрыл ладонь. Там лежал маленький зеленый листочек. Такой малень-

кий листочек, тоненький и хрупкий, нежно-зеленый, с чуть заметными прожилками.

— Он вырос в Мертвом Лесу! — сказал Эно. — Я нашел его на дереве в Мертвом Лесу всего час тому назад!

Он закивал с довольным видом, и его маленькая седая всклокоченная голова закачалась, как челнок.

— Я буду приходить в Мертвый Лес каждое утро и смотреть, много ли прибавилось зеленых листочков. А этот оставь себе, принц Мио.

Он положил мне в руку листочек, он отдал мне самое прекрасное, что у него было.

Снова кивнув головой, он сказал:

— Я все время желал тебе удачи, принц Мио. Я сидел в своей лачуге и надеялся, что тебе повезет.

— А я что говорил! — вмешался Кователь Мечей. — «Близок час последней битвы рыцаря Като». Ведь так я говорил?

— Как попала к тебе ладья? — спросил я Кователя Мечей.

— Волны пригнали ее обратно, — ответил он.

Я взглянул на озеро, где на другом берегу высилась гора Кователя Мечей, а возле нее примостилась лачуга Эно. Все новые и новые лодки скользили по озеру. Их скопилось великое множество, и в них сидели незнакомые мне люди. Бледные худые люди, которые удивленно и радостно глядели на солнце и голубое озеро. Вероятно, они никогда раньше не видели солнца. А теперь оно стояло в зените, ярко освещая

всю ширь озера и бесчисленные шхеры. Было на что полюбоваться. И только развалины замка на вершине скалы лежали безобразной каменной грудой. Но я подумал: со временем мох вырастет на этих камнях. Со временем шелковистый зеленый мох скроет эту каменную осыпь, и никто не будет знать, что под этим живым ковром погребен замок рыцаря Като.

Мне приходилось как-то видеть розовые цветы, которые быстро растут среди мхов и гнездятся большими семействами. Может, придет день, когда вот такие же розовые цветы вырастут здесь на мху, на развалинах замка рыцаря Като. Я думаю, это будет красиво!

Дорога домой предстояла длинная, но шагать нам было легко. Малыши ехали на Мирамис, а самых маленьких вез жеребенок, его

это забавляло. А все остальные шли пешком до тех пор, пока не вошли в Дремучий Лес.

Спустилась ночь, и Дремучий Лес превратился в Лес лунного света. Было очень тихо, и мы неслышно пробирались меж деревьев. Но вдруг Мирамис заржала призывно и буйно, и сотня белоснежных лошадей ответила на ее призыв из лесной чащи. Они помчались навстречу нам, глухо стуча копытами. Маленький жеребенок тоже заржал. Хотя он пытался ржать так же призывно и буйно, как взрослые лошади, у него получился лишь забавный тоненький вскрик. Но сотня белоснежных лошадей услышала его.

О, как они обрадовались, что жеребенок вернулся домой. Они плотным кольцом окружили его, и каждая пыталась подойти поближе, прикоснуться к нему и убедиться, что он в самом деле вернулся домой.

Теперь у нас была сотня лошадей, и никому не пришлось больше идти пешком. Каждому малышу досталось по лошади. Сам я скакал на Мирамис, а Юм-Юм, как обычно, сидел позади, потому что не хотел менять ее ни на какую другую лошадь. Маленькая девочка, самая младшая из всех, продолжала путь на жеребенке.

Мы ехали лесом, и сотня белоснежных лошадей казалась сказочной в лунном свете.

Но вот я увидел что-то светлое меж темных деревьев. Это были цветущие яблони у домика ткачихи.

Белые шапки цветов покрывали деревья вокруг домика, который предстал перед нами, точно в сказке. Донесся стук ткацкого станка, и Милимани сказала:

— Это мама ткет.

Она спрыгнула с лошади возле калитки, помахала нам рукой и сказала:

— Я так рада, что приехала домой. Я так рада, что попала домой, прежде чем осыпался яблоневый цвет.

Она побежала по узенькой тропинке и исчезла в доме. И сразу перестал стучать ткацкий станок.

До Острова Зеленых Лугов путь был долгий, а мне страстно хотелось домой к отцу. Сотня белоснежных лошадей с Мирамис впереди взлетела над Дремучим Лесом и взмыла выше самых высоких гор. Белоснежные лошади плыли по воздуху, сокращая расстояние до Острова Зеленых Лугов.

Уже утром мы подъехали к мосту Утреннего сияния. Часовые только что опустили мост, и он сиял в золотых лучах солнца. А сотня белоснежных лошадей, вытянув шеи,

с развевающимися гривами, неслась по нему во весь опор. Часовые в растерянности установились на нас. Потом один из них достал рог и громко протрубил, так что эхо разнеслось по всему Острову Зеленых Лугов. Из маленьких домиков и хижин выбежали все те, кто печалился и горевал о судьбе похищенных и пропавших детей. Теперь они увидели, что дети все до одного возвращаются домой на белоснежных лошадях.

Лошади понеслись по лугам дальше, и вскоре мы были у ворот розового сада моего отца. Там все дети спрыгнули с лошадей, и к ним подбежали их мамы и папы. Там были Нонно и его бабушка, Йри со своими братьями и сестрами, папа и мама Юм-Юма и другие люди, которых я никогда раньше не видел. Они то плакали, то смеялись, целуя и обнимая вернувшихся детей.

Но среди них не было моего отца.

Белоснежные лошади выполнили свой долг и теперь могли вернуться в Дремучий Лес. Я видел, как они рыспой бежали по зеленым лугам. Впереди стрелой мчался маленький жеребенок.

Я отворил калитку розового сада и вошел. Никто не заметил моего исчезновения, и я был рад этому. Мне хотелось остаться одному. Я шел под листвою серебристых тополей, они звенели по-прежнему, по-прежнему цвели розы, все было по-прежнему.

И вдруг я увидел его. Я увидел моего отца. Он стоял на том же самом месте, где я покинул его, отправляясь в Дремучий Лес и Страну Чужедальнюю. Он стоял там, простирая ко мне руки. Я бросился в его объятия и крепко-крепко обвил его шею руками, а он прижал меня к себе и прошептал:

— Мио, мой Мио!

Ведь мой отец так любит меня, и я его обожую.

Весь этот день был для меня праздником. Все мы, я, Юм-Юм, Нонно и его братья, Йри, его сестры и братья и остальные дети играли в розовом саду. Они увидели наш шалаш, который построили мы с Юм-Юмом, и сказали, что шалаш просто замечательный. Мы катались на Мирамис, и она легко перепрыгивала через заросли диких роз. А потом мы развлекались с моим плащом. Брат Нонно ни за что не хотел брать его назад.

— Подкладка, во всяком случае, твоя, — говорил он.

Мы играли в жмурки, накидывая плащ на себя. Я надевал его подкладкой наружу, бежал среди кустов, словно человек-невидимка, и кричал:

— Никому меня не поймать! Никому!
Конечно, им было не поймать меня, как бы они ни старались.

Стало темнеть, и все должны были идти домой. Папы и мамы, конечно, не хотели, чтоб их дети слишком поздно гуляли на улице в первый вечер после такой долгой разлуки.

Мы с Юм-Юмом остались в шалаше вдвоем. Как только вечерняя заря осветила розовый сад, мы заиграли на своих флейтах.

— Мы будем беречь наши флейты, — сказал Юм-Юм. — Если мы вдруг разлучимся, мы станем наигрывать этот старинный напев.

Тут за мной пришел отец. Я пожелал Юм-Юму доброй ночи, и тот побежал домой. Я пожелал доброй ночи и Мирамис, которая щипала траву около шалаша. Потом я взял отца за руку, и мы садом тихо пошли домой.

— Mio, мой Mio, ты, наверно, вырос за это время, — сказал мой отец. — Давай сделаем сегодня вечером новую метку на кухонной двери.

Мы шли под кронами серебристых тополей, и сумрак, будто легкий голубоватый туман, обволакивал сад. Белые птицы попрятались в своих гнездах. Только на верхушке высокого серебристого тополя сидела птица Горюн и пела в полном одиночестве. Я не знаю, о чем пела она теперь, когда все пропавшие дети вернулись домой. Но, наверное, у птицы Горюн всегда есть о чем петь.

А далеко на лугах стали зажигаться костры. Они вспыхивали один за другим, озаряя тьму негаснущим пламенем. И я слышал, как пастухи наигрывали вдали свой старинный напев.

Мы шли, держась за руки, мой отец и я, мы размахивали руками, а отец смотрел на меня и смеялся. Я глаз не мог отвести от отца и чувствовал, что я счастлив вполне.

— Mio, мой Mio! — сказал отец и замолчал.

— Mio, мой Mio! — повторял он, пока мы в сумерках шли домой.

Незаметно подкрался вечер, а потом ночь.

Уже давно я живу в Стране Дальней. Очень редко я вспоминаю о том времени, когда я прозябал на улице Упланд. Только иногда я вспоминаю Бенку, ведь он так похож на Юм-Юма. Надеюсь, что Бенка не очень-то тоскует обо мне. Ведь никто лучше меня не знает, какой страшной бывает тоска. Но у Бенки есть отец и мать, и, наверно, он нашел себе нового друга.

Иной раз случается мне вспомнить тетю Эдлю и дядю Сикстена, но вражды к ним я больше не питаю. Мне только интересно знать, что они сказали, когда я исчез. Конечно, в том случае, если они вообще заметили мое исчезновение. Тетя Эдля, наверно, думает, что стоит ей только пойти в парк Тегнера, как она непременно обнаружит меня на какой-нибудь скамье. Она думает, что я все еще сижу там на скамейке под фонарем и забавляюсь пустой бутылкой из-под пива или еще каким-нибудь хламом. Она думает, что я сижу там и смотрю на дома, где



в окнах горит свет, а дети обедают со своими мамами и папами, и, думая так, она еще больше свирепеет... Ведь она ждет свои сухари. А я где-то с ними застрял!

Но она ошибается, тетя Эдля. И еще как! Боссе давно уже нет на скамье в парке Тегнера. Он теперь в Стране Дальней. Он в Стране Дальней, где шумят серебристые тополя, где костры освещают и согревают ночь, где так вкусен хлеб насущный и где у Боссе есть отец, которого он обожает и который очень любит его.

Да, все так и есть. Бу Вильхельм Ульссон находится в Стране Дальней и ему чудесно живется у его отца короля.

*Перевели со шведского
Л. Брауде и Е. Милехина*

Конец



На фотографии древнеримские монеты с изображением порта в Остии, построенного при императоре Клавдии I и реконструированного при Траяне.

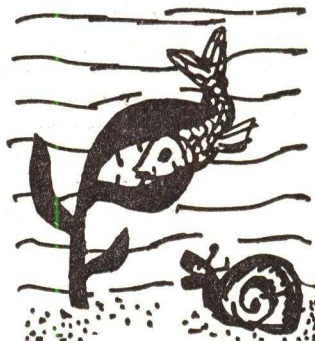
Древний порт

Слово „порт“ древнеримского происхождения и в переводе с латинского означает „убежище для корабля“. Археологи ведут раскопки этих убежищ, руноводствуясь изображениями на старинных монетах.

В легендах римлян рассказывается, что царь Анк Марций построил в незапамятные времена „гавань для судов и моряков, ищущих свою судьбу в волнах“. Первый порт возник в устье реки Тибр. Для причаливания кораблей возвели две прочные каменные стены. Одним концом они примыкали к берегу, а другим „уподоблялись двум рукам, протянутым среди моря“, по меткому выражению древнего поэта Ювенала.

Опасны ли рыбам растения

Есть растения, поедающие рыб. К ним относится пузырчатка. У нее между листьями спрятаны пузырьки. Внутри они пустые и закрываются «крышкой». Перед отверстием — волоски, привлекающие рыбок. Попав в пузырек, малек уже не может из него выбраться, крышечка сразу захлопывается, а внутренние стенки пузырька, точно челюсти хищной рыбы, удерживают жертву.



Каракумские тигры

Узбекский школьник Раимбай Атаджанов принес в музей кость тигра. Нашел он кость при закладке фруктового сада, когда землю копали на большую глубину. Городской музей города Хивы пополнился интересной находкой.



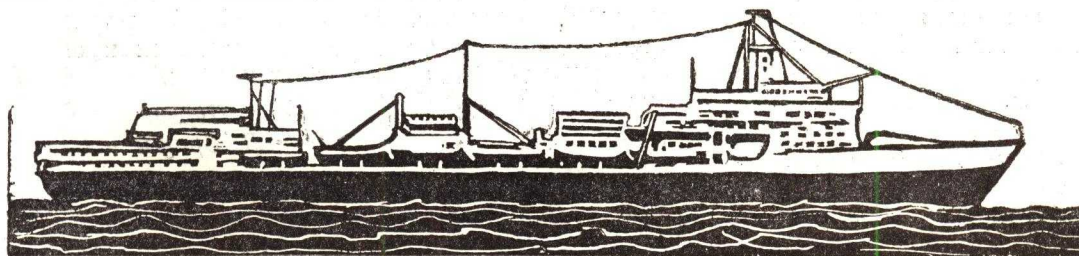
Не так легко было установить, чья именно эта кость. Вывод специалистов о принадлежности кости тигру подтвержден книгой историка Муниса, жившего в Хорезме 250 лет назад. Этот труд тоже хранится в музее и упоминает о том, что когда-то в этих местах жили тигры.

Сейчас тигры в Средней Азии уже не встречаются. Правда, очень редко хищники заходят в свою старую вотчину Тигровую балку, переправившись с Афганского берега через Аму-Дарью.

Сельди и сейнеры

Сельдяная база «Восток» — настоящий гигант. Он может, не пополняя запаса воды и льда, плавать почти полгода. Его продукция — соленая рыба, консервы, кормовая мука, не менее двухсот тонн всего этого изготавливается прямо на борту.

Из порта к месту лова гигант несет на своей палубе 20 небольших сейнеров. Диспетчер руководит по радио действиями этих небольших судов-рыболовов, когда они уходят с базы на лов рыбы.



НАША ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

Каждый день почта приносит в редакцию конверты с рисунками наших читателей. Большинство ребят только пробует силы в изобразительном искусстве, некоторые рисуют давно и часто присылают нам свои работы. Мы узнаем их по «почерку» и радуемся их успехам. Лучшие рисунки время от времени печатаются в журнале и, конечно, украшают стены редакции. Когда нас спрашивают, чьи это рисунки, мы с гордостью отвечаем: «Это рисунки наших читателей».

Кто рисует карандашами, кто акварелью, кто пытается даже писать масляными красками. И всех одинаково волнует вопрос: хорошо ли я нарисовал?

Мы попросили нашего корреспондента Н. Слепакову, которая постоянно переписывается с юными художниками, поговорить на страницах журнала о их работе. Она согласилась и написала...

ПИСЬМО МАЛЕНЬКИМ ХУДОЖНИКАМ

Дорогие друзья! К сожалению, рассказать обо всех ваших рисунках даже в большом письме невозможно. Для этого, пожалуй, понадобился бы целый номер «Костра». Поэтому мы решили показать несколько наиболее интересных рисунков и побеседовать об их достоинствах и недостатках.

Вы, ребята, как правило, выбираете для своих рисунков очень интересные, заманчивые темы. Например, космические полеты, жизнь на далеких планетах. Но часто получается, что вы не рисуете, а вяло, равнодушно «обозначаете» космос на бумаге. Мол, и так сойдет, тема-то интересная! Мне попадались десятки таких рисунков. Все они похожи друг на друга, как две капли воды.

Возле моего дома растет дерево. Каждый день я проходила мимо него и не обращала внимания. Дерево как дерево. Однажды пришел художник и нарисовал это дерево. И тут оно внезапно ожило, у него оказался свой «характер», свое «выражение лица». Художник увидел красоту дерева, передал нам свое волнение, свою любовь к природе. А ведь тема у него была самая обыкновенная. Не космос.

Каждый из вас, фантазирует ли он или рисует с натуры,

должен стараться увидеть мир по-своему.

Когда человеку десять — одиннадцать лет, его, конечно, больше всего интересует и притягивает сказка. Тане Зарецкой из Новой Ладogi — одиннадцать. Она сделала рисунок к сказке «Маша и медведь». Почти весь рисунок занимают могучие стволы деревьев, они словно обступили девочку. Страшно в дремучем лесу. Он полон таинственных опасностей. Хорошо придумала Таня, как нарисовать лес. А вот девочка у нее получилась хуже. Это еще не человек, а куклолка.

Как научиться правильно рисовать человека? Нужно вни-

мательно наблюдать и рисовать с натуры. И, рисуя, пытаться передать характер человека, каким он вам представляется: добрым или суровым, мягким или волевым...

Взглянув на портрет бабушки Ани Панасюк, мы сразу видим: эта бабушка добрая, уютная, домовитая. Правда, Аня еще не научилась рисовать объемно, лицо бабушки плоско, а глаза только намечены этими черными «жучками», они не глядят. И все-таки, несмотря на эти недочеты, чувствуешь: Аня старается внимательно наблюдать натуру.

Автор рисунка «Олени в тундре» сам живет в Якутии.



«ВРАЧ ПРИШЕЛ»

Таня Русович, 12 лет,
Кустанай, Казахская ССР



«БЛАГОРОДНЫЕ МАЛЬЧИШКИ»

Таня Петрыкина, 13 лет,
Липецкая область

Юный художник хорошо знает то, что изображает. С такой уверенностью второклассник Витя Федоров рисует пейзаж, так характерны позы животных, что сразу чувствуешь — это правда.

Рисунок Алишера Юнусова «Демонстрация» — веселый, праздничный. Алишеру удалось передать ощущение большого народного торжества. Но рисунок запутанный. В нем не выделено главное. Автор не сумел связать друг с другом двух одновременно происходящих действий: демонстрации и танца. Неудачно пересекаются деревья, столбы, руки. Кажется, будто танцор поддерживает рукой трубу.

А взгляните на забавный рисунок Тани Петрыкиной «Благородные мальчишки». В Та-

нином рисунке много наблюдательности и остроумия. Как важно и торжественно вышагивают мальчишки, несущие подарки! Как живо повернулась девочка, вытирающая окно! Эта сценка сложная, в ней тоже много персонажей, но Таня справилась со своей задачей.

Некоторые ребята думают: чем сильнее нажимаешь на карандаш, чем резче обводишь им фигуры и предметы, тем лучше получится рисунок. Именно так сделала Таня Русович. Обводка испортила ее смешной рисунок, сделала предметы игрушечными, ненастоящими.

Наташа Крылова еще не умеет правильно рисовать ку-сты, елочки, но ее «Зимняя картинка» хорошо передает

ощущение морозной ночи, ощущение тишины и безлюдья.

Обращайтесь с красками смелее, не бойтесь ярких сочетаний. Смешивайте краски, ищите нужные вам оттенки, изобретайте. У Володи Долгодворова, автора рисунка «Март», не было белой краски. Чтобы изобразить снег, он воспользовался обыкновенным разведенным мелом. И вот мы как бы пробуем снег на ощупь. Он подтаявший, ноздреватый, местами уже желтый. На фоне этого снега особенно приветливым кажется темно-красный домик с тремя окошками. Именно так бывает перед весной.

Пожалуйста, ребята, не срисовывайте. Это приносит пользу только тогда, когда начинающий художник копирует картину большого мастера живописи, стараясь изучить его манеру, понять его приемы. Вы же зачастую перерисовываете не слишком хорошие открытки и плакаты. Это никому не нужно занятие. По срисованному трудно судить, умеет ли человек по-настоящему рисовать.

Когда посылаете рисунки в редакцию, не складывайте их, не сгибайте. Клейте для рисунков специальные большие конверты.

Никогда не рисуйте на бумаге в клетку и в линейку.

Всего, ребята, не скажешь даже в таком большом письме. Желаю вам новых, хороших рисунков и напоследок предлагаю список книг, которые полезно прочесть начинающему художнику.

«Юному художнику». Книга для чтения по истории искусства. Издательство Академии художеств СССР, 1962 год.

«Юный художник». Ежегодник. Ленинград, изд-во «Художник РСФСР», 1962 г., 1964 г.

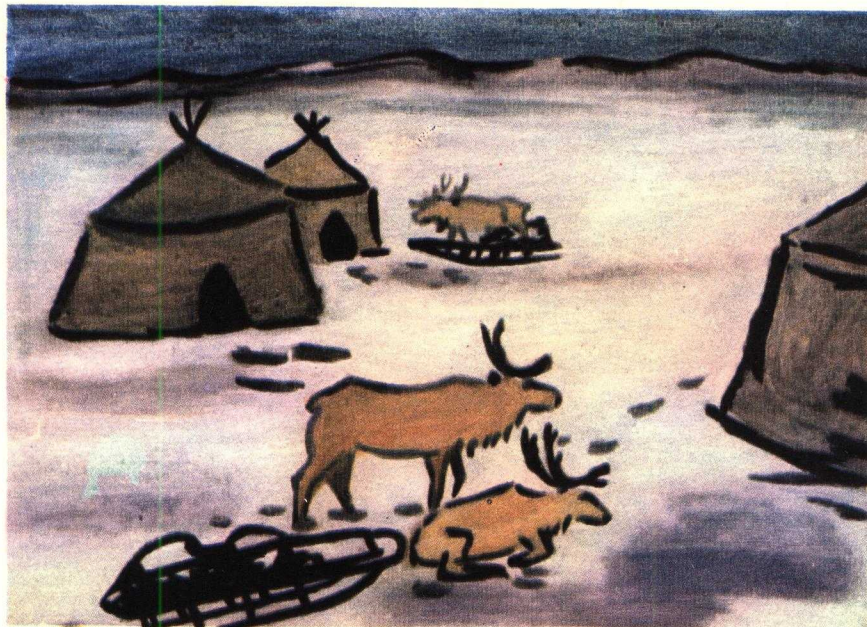
А. М. Михайлов «Любителям рисования». Изд-во «Молодая гвардия», 1963 г.

М. Храпковский «Письма начинающему художнику». Изд-во «Искусство», 1960 г.

М. Федоров «Рисунок и перспектива», изд-во «Искусство», 1960 г.

А. Осипов «Самостоятельное обучение основам изобразительного искусства», изд-во «Советский художник», 1962 г.

Эти книги можно взять в библиотеке или заказать по почте через организацию «Книга — почтой».

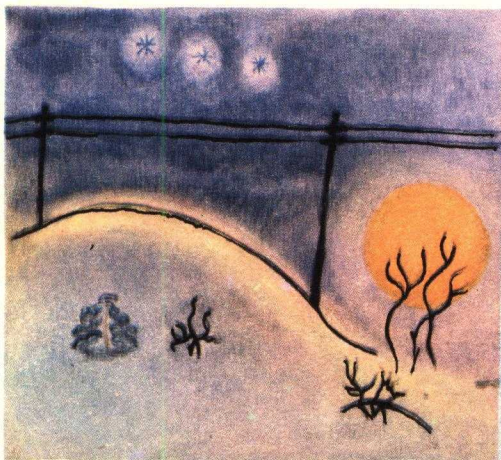


ОЛЕНИ В ТУНДРЕ

Витя Федоров, 9 лет. Якутия



ДЕМОНСТРАЦИЯ
Алишер Юнусов, 15 лет.
Ферганская область



ЗИМНЯЯ КАРТИНКА

Наташа Крылова, 11 лет. Ленинград

Дорогие друзья! Рисуя, вы пользуетесь любым количеством красок, выбираете нужные вам цвета и оттенки, смешивая краски, как захочется. Вот ваш рисунок попал в редакцию и его решили напечатать. В нашем распоряжении только четыре краски: синяя, красная, желтая и черная. А рисунок надо воспроизвести так, чтобы автор его сразу узнал и не поморщился. Как же это делается?

Присмотритесь к рисунку Алишера Юнусова „Демонстрация“. Вы найдете в нем немало оттенков. Но все они получились от смешения четырех основных красок, о которых мы уже говорили.

На фабрике цветной печати рисунок Алишера Юнусова сфотографировали и получили четыре разных отпечатка — синий, красный, желтый и черный. Потом печатники пропустили один и тот же лист под валиками с разными красками. Синяя краска, соединившись с красной, дала лиловый цвет; желтая с синей — зеленый; красная с желтой — оранжевый. А черная краска, как карандаш на бумаге, сделала рисунок четким.

Теперь переверните страницу, и вы увидите все то, о чем только что прочли.



Синяя



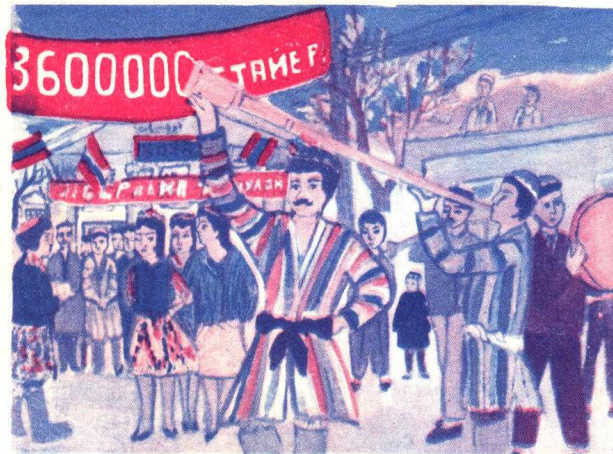
Красная



Желтая



Черная



На синюю напечатана красная



На синюю напечатана желтая

Желтая на красной дает оранжевый цвет

„Заказ № 57“

414 человек и 51 машина трудились для того, чтобы книга, которую ты читаешь, появилась на свет красивой, чтобы тебе захотелось прочесть ее и поставить на свою полку.

Там, где работа тяжелая или надо сделать ее быстрее, чем успеют человеческие руки, приходят на помощь

НОВЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ БЫСТРЫЕ и УМНЫЕ МАШИНЫ.

В пухлой зеленой папке с тесемками лежит готовая повесть. В конверте — готовые рисунки. Все прочитано редактором и корректором, ошибок нет. Можно посылать. Кому? Читателям? Нет, конечно. Это же еще один-единственный экземпляр. Его надо размножить, превратить в тысячи экземпляров.

Пухлая зеленая папка отправляется в путь. В редакции, кроме пишущих машинок, никаких других печатающих машин нет. Из редакции повесть едет на фабрику детской книги, в царство печатных станков. В производственном отделе рядом с фамилией автора и названием повести напишут второе имя — «заказ № 57».

Заказ переживет десятки операций, пройдет по всем цехам фабрики, прежде чем превратится в тысячи книг. Ему еще далеко до книги, которую ты будешь читать.

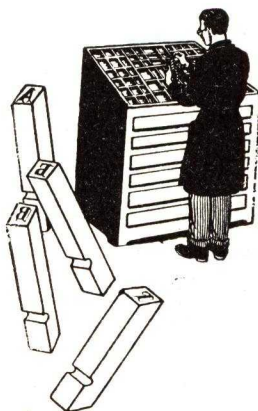
Из производственного отдела книгу передают наборщикам. В этом цеху — и ручной набор и машинный

Ручной набор состоит из отдельных металлических букв, разложенных в специальные ячейки так называемой наборной кассы.

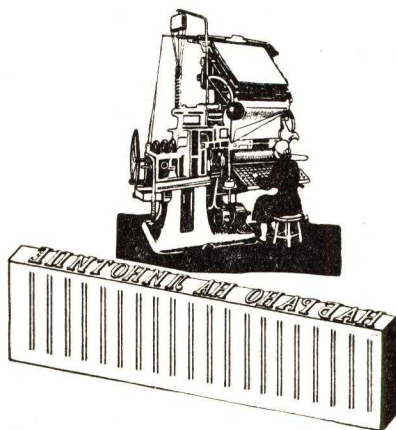
Машинный — отливается отдельными строками на строкоотливной машине «Линотип».

Набор связывают — верстают в отдельные страницы будущей книги, вставляя в указанные места клише. Клише — это цинковые пластинки, на которых рельефно изображены рисунки.

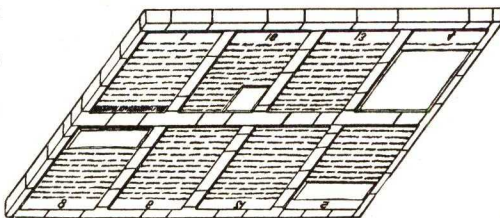
Сверстанные страницы заключают в металлическую раму. Теперь «заказ № 57» стал печатной формой.



Наборная касса. Так выглядят буквы
ручного набора



Общий вид наборной машины
«Линотип» и линотипная строка



Металлическая рама

— Ой, да у вас же не все по порядку: за четвертой тринадцатая, рядом с шестнадцатой первая страница. А пятая и восьмая вверх ногами. Как же так?

Пока мы скажем только: так надо. И пойдем вслед за «№ 57» в печатный цех.

«Планета». Так называется огромная машина, стоящая в печатном цеху. Семь метров в длину, два с половиной в высоту.

На первый взгляд может показаться, что человек тут совсем ни при чем. Он просто стоит рядом. «Планета» своей механической пятерней, воздушными присосами, хватает лист за листом из пачки и подает лист на печатный барабан. Навстречу чистому листу едет талер — стол с металлической печатной формой, на которую длинный резиновый вал нанес черную жирную краску. Встретились! Каждая буква оставила на чистом листе маленький четкий след. Готовый лист выскочил из-под валика, его подхватила вторая пятерня. Не размазывая свежей краски, металлические пальцы выкладывают стопку на приемном столе...

Не спешите говорить: «Ах, какая умная, аккуратная машина». Это только кажется, что печатник Василий Васильевич беззаботно стоит рядом. Только потому так быстро, чисто, четко работает машина и так ловко управляется с листами, что за ней неусыпно и напряженно следит Василий Васильевич.

Если «Планету» вовремя смазать, почистить, наладить — только подавай листы. Кстати сказать, раньше листы подавали вручную. Мало того, что тяжело, так еще помнешь и запачкаешь. Машину приходилось останавливать на время загрузки. Теперь все иначе: печатник привяжет платформу к станку, машина сама поднимет листы, подвинет их куда надо и — пошла работа.

Напечатали. Вот он лист, «заполнен» с обеих сторон. Первая страница рядом с шестнадцатой, четвертая и тринадцатая — рядом, пятая вверх ногами. Зачем это так?

Теперь уже можно ответить на вопрос. Готовые листы едут к фальцовочной машине. Здесь их сгибают, т. е. фальцуют, чтобы из каждого листа получилась тоненькая книжечка в шестнадцать страниц. И в ней первая страница идет за второй, за ней — третья и дальше все по порядку. А вот если бы их заранее разложили на печатной форме правильно, то теперь они оказались бы далеко друг от друга.

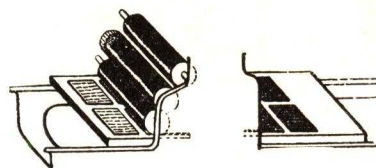
В «заказе № 57» пять листов. Восемьдесят страниц. Вот они все отпечатаны. Пора собирать книгу. Едут тележки. На одной все первые листы, на другой — все вторые... Сложат их вместе, корешком наружу. Нитко-швейная машина прочно соединит их, заклеичный станок приклеит марлечку для прочности. Чтобы книга не рассыпалась, двигаясь по длинному конвейеру.

Мы уже говорим «книга», а ведь это еще блок. И много потрудятся над ним человеческие руки и машины, чтобы стал «заказ № 57» настоящей книгой.

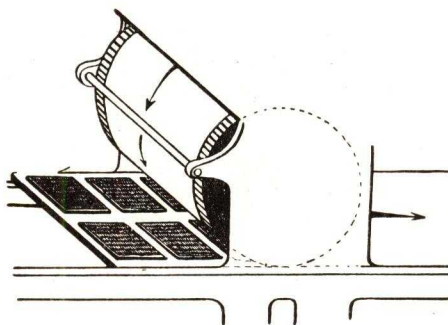
Стопочками в металлических авоськах блоки въезжают в «сушило», длинный стеклянный коридор под потолком. Едут блоки по своему коридору, обвеивает их горячим ветерком у вентиляторов, прогревает насквозь у больших электрических ламп. Ровно сорок минут плывут они по сушилу. А когда путь окончен, попадают под нож. Нет, нет, не пугайтесь. Если так можно сказать о ноже, это добрый нож, хоть и такой огромный, что просто страшно. Руки резчика спокойно лежат на кнопках. Захотелось пододвинуть то, что под ножом, нажал одну кнопку — нож не работает. Обе нажал — пожалуйста. Как масло, отрезаны лохматые края у толстого блока.

Пора надевать на него обложку? Нет, еще не совсем.

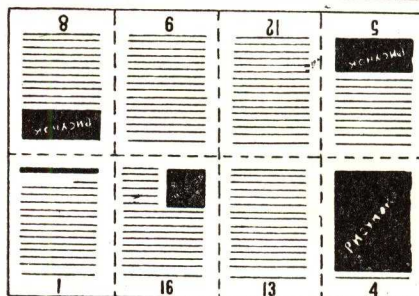
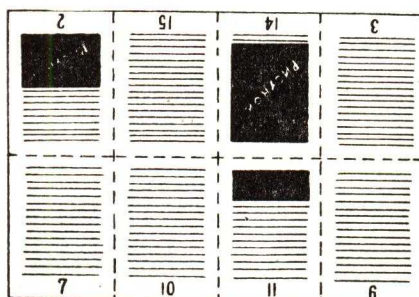
Медленно вертится длинная металлическая карусель «БТГ-3». Щелк — и железные зажимы подхватили пухленький блок. Едет он и понемногу худеет, уплотняется. (Как-никак, давление в зажимах не менее трех атмосфер!) Краешек корешка торчит из зажима. Вот блок подъехал к ванне с клеем, выкупался. Если что лишнее прилипло, ниточка от марли, волоконца, — диски счистили. Машина отрезала кусок марли с синей полоской, прилепила к кореш-



Нанесение краски на печатную форму



Момент встречи печатного барабана с формой



Так расположены страницы в печатной форме

ку. Синяя полоска в свое время скажет: вот — верх, а вот — низ. Не надо каждый раз листать страницы.

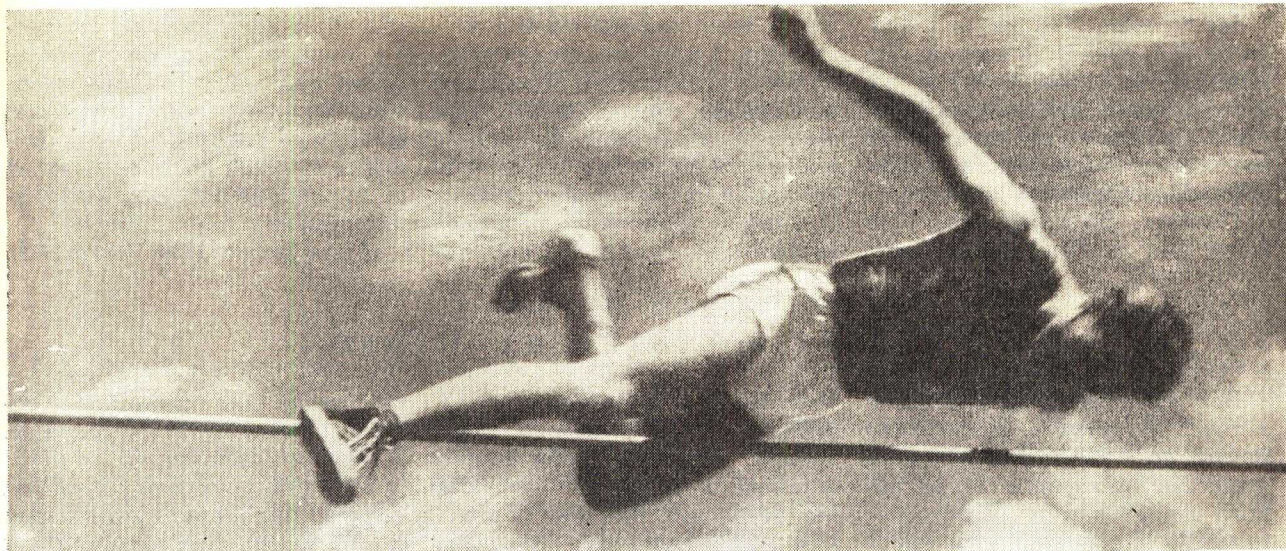
Доехал блок до половины пути — сейчас его подсушат горячим ветром. Вот и поворот. Снова — клей. Теперь приклеят каптал, цветной шнурок, по краям корешка, видели? Шнурок подбирают под цвет обложки, чтобы прочно было и красиво. Вот и конец пути: тоненький световой лучик считает блоки. Даст сигнал — на счетчике следующая цифра. А желтый глазок на крышке карусели подмигивает: все в порядке. Кому подмигивает? Мастеру Виктору Семеновичу: мол, смазки пока хватает...

Ну, осталось совсем немного — одеться в обложку.

«Крылатка» занимает в цеху мало места, а переплетает за смену пять тысяч книг. Крылья вращаются, как у ветряной мельницы. Одна переплетчица набрасывает на каждое крыло блок. Все остальное делает машина: выкупает в клее, нахлобучит обложку, крепко прижмет ее, чтобы держалась. Второй работнице остается только снять с крыла готовую книжку и положить в пачку. Работа идет слаженно, четко и словно даже без усилий. Недаром настоящее имя машины «Радость».

А теперь, действительно, все. Готовые книги едут в экспедицию, но не прямо едут, а заезжают в пресс. Вот он стоит в углу переплетного цеха. Как огромная насыпная паста, заглатывает свою «добычу». Раз — сжал «зубы», и присела стопка книг в металлическом каркасе. Присела и — поплыла по висячей дорожке вокруг цеха под потолком. Еще раз просушат книгу. Теперь она сбросила лишнюю полноту, стала упругой, собранной, гибкой. Пора в экспедицию, прощаться с фабрикой.

Готова книга к тому, чтобы проверили ее «на раскол». — крепко ли корешок, «на грязный, рваный, белый лист», белый — значит неясно отпечатанный. И разрешили сменить название. Теперь это уже не «заказ № 57», теперь это повесть Р. Погодина «Ожидание». Или какая-нибудь другая повесть. Или стихи, или сборник песен. Теперь это то, что ты бережно будешь держать в руках. А может быть, просто скажешь, это моя любимая книга и поставишь на свою книжную полку...



Прыжок в высоту на 2 метра 6 сантиметров...

Что ж тут особенного?!

ГОРОД ПРЫГУНОВ

„Космические“ школы

Брумель того и гляди скоро два тридцать одолеет...

И все же берусь поспорить с кем угодно: 206 сантиметров — тоже здорово. Очень здорово! Если цифры эти стоят в таблице школьных рекордов. Нет, не детской спортшколы, обыкновенной одиннадцатилетки. В маленьком украинском городке Бердичеве, который (чего греха таить!) не каждый с ходу отыщет на географической карте.

Но что удивительней всего — рекорд школы № 3, установ-

ленный ее учеником Анатолием Морозом, никого в Бердичеве не удивляет. Потому что в таблице высших достижений, расположенной по соседству с 9-ой школой, вскоре появились еще более внушительные 2 метра 9 сантиметров. И фамилия их автора — Валерий Скворцов.

И конечно же совсем «некосмическими» должны выглядеть на этом фоне школа № 2 и машиностроительный техникум, в рекордные таблицы которых вписаны «всего» два метра.

Двенадцать мальчишеских лет

С Валерием Волковым я познакомился теплым майским днем. Соревновались прыгуны — участники спартакиады пионерской дружины 2-ой школы. Десятиклассник Волков, высокий, стройный юноша со значком мастера спорта на груди не оспаривал на этот раз первенства.

Сегодня он выступал в роли арбитра у ямы для прыжков.

И очень волновался за своих питомцев из школьной секции. Особенно за Леньку Чупарина из шестого класса.

— Только не забудь про толчковую ногу, — в который уже раз повторял юный тренер.

Ленька, видимо, хорошо помнил о «толчковой» — с завидной легкостью, самым что ни на есть классическим перекид-

ным способом белобрысый мальчуган преодолевал одну высоту за другой. Покорились ему впервые в тот день 145 сантиметров. И стал Чупарин первым раз за свои неполные 12 лет чемпионом, лучшим прыгуном пионерской спартакиады. Той самой, что дала путевку в большой спорт десяти мастерам спорта образца 1963—1965 годов.

Не меньше Леньки радовался и его тренер Валерий. Теперь он, кажется, впервые понял, сколько переживаний выпало на долю воспитателя и наставника всех десяти — Виктора Алексеевича Лонского.

Помнит Валерий, как попали они к Лонскому, такие

же двенадцатилетние, как Ленька. Такие же нескладные. Такие же сорванцы. Никого из них тренер, приехавший в Бердичев с дипломом Киевского института физкультуры, не уговаривал стать «высотником». Никому головокружительной карьеры не сулил. Больше то-

го — был всегда строг. И скрепя сердце выводили хлопцы слова ставшего традиционным письменного обязательства: «Обещаю занятий не пропускать, хорошо учиться в школе, не курить, не болтаться у танцплощадки»...

И не курили. И не болтались.

Ленька восходит на Олимп

Вот «рабочий» день Леньки летом. С утра — физзарядка прямо во дворе. Это у них в доме № 7 по улице Мира никого не удивляет. А потом — прыжки. Пока еще ямы своей нет. («Скоро соорудим», — уверяет Чупарин.) Приходится довольствоваться деревянным бумом, установленным на травяной площадке. После завтрака — в спортшколу. Баскетбол, футбол и «настоящие» прыжки. Конечно, после старшей группы. И уже под вечер кандидат в рекордсмены решает себе «мероприятия развлекательного цикла». Купается в пруду, катается на лодке, иногда рыбачит.

Еще одна весьма важная подробность бытия Леньки. Он сразу же понял, что то, чему

учат Виктор Алексеевич и Валерий, можно и нужно передавать младшим ребятишкам в школе и во дворе. Ну хотя бы тому же Валерке Косицкому, девятилетнему пареньку из соседней парадной. Смышленный тот не по годам. И прыгучий же, чертяка! Приводил его Ленька даже в спортшколу, не взяли. Говорят, подрасти еще. Пока подрастет Валерка, он, Ленька, поможет ему кое в чем. Правда, без Виктора Алексеевича потом все равно не обойтись. Уж больно много он, говорят, разных секретов знает.

Сегодня, к примеру, бежали они на тренировке с Вовкой Журавлевым шестьдесят метров. Финишировали, что называется, грудь в грудь. И вре-

мя вроде бы неплохое — восемь и семь десятых секунды. А Виктор Алексеевич:

— Чтобы высоко прыгать, ребята, надо стать отличными спринтерами. Без скорости тут не обойтись. Так что давайте снова повторите по несколько раз упражнения спринтера, те, что я утром показывал...

И со штангой приходится повозиться, и заправскими акробатами надо стать. Иначе два метра ни в какую не перемахнуть. А разве плохо такой же мастерский значок привинтить на пиджак, как у Волкова? Или, еще лучше, съездить на олимпиаду, как Скворцов, которого Ленька еще в прошлом году видел в Бердичеве на школьных соревнованиях...

Толстый и тонкий

Кто из вас, ребята, не любовался фотографиями стройного, устремленного ввысь Валерия Брумеля, лучшего прыгуна всех времен. Видимо, немало можно насчитать и тех, кто, сравнивая себя с прославленным олимпийским чемпионом, грустно вздыхает.

— Высоко прыгать могут все или почти все хлопцы и девчата. Главное — много и рационально тренироваться, — убежденно произносит Виктор Алексеевич. Каких только ребятишек не повидал Лонский у себя в группах! Проходит

в зал этакий толстячок и, сам еще не веря в реальность своей мечты — стать хорошим прыгуном, — нерешительным голосом вопрошает:

— А мне можно заниматься у вас?

— Почему же нет? — улыбается Виктор Алексеевич. — Ты, конечно, полноват немного. Но довоенный европейский рекордсмен финн Коткас весил больше ста килограммов. Все, в общем, зависит от тебя самого. А лишний вес понемногу сгонишь...

Минет год-другой, и не узнать

«толстячка». Тем же, кто «ростом не вышел», тренер часто напоминает о ленинградце Берхине, успешно штурмовавшем двухметровку при собственном росте в 165 см.

И с новыми силами принимается будущий Брумель за штангу, гимнастику, баскетбол, акробатику. Без этого ни толстому, ни тонкому, ни малорослому, ни «каланче» успеха все равно не добиться. Хотя вообще-то прыгать высоко может почти каждый. Было бы желание.

Трудно лужу обойти?

Не раз наблюдал тренер, как преодолевают «водные преграды» его воспитанники. Сегодня мальчик обошел лужу. Плохо. Должен перепрыгивать.

— Нужно пользоваться ка-

ждым случаем, чтобы совершить прыжок, — не устает повторять Виктор Алексеевич. — Прыжки должны войти в вашу жизнь, быт. Однако, как и всюду, надо соблюдать меру.

Кое-кто вначале подтрунивал над «попрыгунчиками». Но потом, как и следовало ожидать, все горожане — от мала до велика — прониклись уважением к ним.

„У святой Варвары“

Вот рядом с тренером (на снимке — справа) стоит крепыш: Валерий Скворцов, тот самый, рекордсмен школы, а затем участник олимпийских игр в Токио. Теперь Валерий живет в Москве и готовится стать врачом. А Игорь Матвеев (стоит крайний слева) студент Львовского университета, в прошлом сезоне стал чемпионом Европы среди юниоров. Тут и Валерий Волков, два Володи — Прохневский и Азанчевский, Олег Эстерзон — нынешние студенты и мастера

спорта. Неплохо, правда, шагнули новички? Кстати, Прохневского вы видели и на первом снимке: во время недавно проходивших соревнований Володя преодолевает «стандартные» два метра. Рядом, как всегда, его тренер.

...Тесен, прямо скажем, уже не по плечу спортшколе ее нынешний зал. Ничего не поделаешь — пока приходится мириться. Но все-таки ребята (да и не только они — многие жители Бердичева) гордятся этим зданием. Ведь здесь, в быв-

шем костеле Святой Варвары, состоялось бракосочетание знаменитого французского романиста Оноре де Бальзака с польской графиней Ганской.

— Да, именно здесь, — подтвердили мне старожилы, а один из них даже добавил: — Кажется, на доме собираются вывесить мемориальную доску.

Что ж, на месте здесь будет мраморная доска, увековечившая память великого писателя, мечтавшего о гармоническом развитии человека.

*Мих. Эстерлис
Фото В. Солобокого*



ГРАМОТЕЙ

С грамматикой Гоша не ладил никак.
Ему все равно: вопросительный знак,
Тире или точка... А чаще всего
Наш Гоша не ставил совсем ничего.
Он как-то из лагеря несколько строк
Сестре написал про живой уголок.
Письмо грамотея лежит предо мной;
Конечно, в нем нет запятой ни одной,

И только в конце заключительной строчки
Зачем-то поставлены сразу три точки:
«Родная сестренка ворона из клетки
Сбежала теперь поселилась на ветке
Но в нашем сарае живет до сих пор
Один поросенок твой братик Егор...»



ФИНИШ

Заключительная часть бега по дистанции называется финишированием. Главная задача спортсмена на этом этапе — сохранить предельную скорость до самой финишной линии.

Как правило, скорость в конце дистанции снижается в связи с

утомлением. Чтобы сохранить ее, бегуну следует стремиться не уменьшать длину и особенно частоту шагов, сосредотачивая свое внимание на работе рук. Не старайтесь удлинять шаг во время финиширования, это приводит к обратному результату: скорость падает.

Финиширование сопровождается волевым усилием легкоатлета. Чтобы сохранить скорость, ему приходится мобилизовать все свои силы. Однако это не значит, что спортсмен должен напрягаться. Работать должны лишь те мышцы, которые участвуют в беге. Легкость движений — вот главное оружие настоящего спринтера!

По финишу можно судить о тренированности бегуна. Чем лучше он подготовлен — тем свободнее и быстрее финиширует.

Чтобы судьям удобнее было определять победителя и точнее фиксировать результат бега, на соревнованиях применяется финишная ленточка. Выигрывает тот, кто первым коснется ее.

Ленточкой может служить белая шерстяная нитка или светлая тесемка, натянутая на уровне груди. Ее концы ни в коем случае нельзя привязывать к стойкам. Лучше всего держать концы в руках, а едва бегун коснется ленточки, тотчас отпускать их.

Финишную линию следует пробегать с полной скоростью. Начинающие спринтеры нередко замедляют бег, чтобы совершить специальный «бросок» на ленточку. Это грубая ошибка! Вместо броска получается прыжок, теряются драгоценные доли секунды.

Чтобы раньше коснуться ленточки, достаточно на последнем шаге слегка наклонить туловище и немного повернуть его вправо или влево, тогда можно будет пересечь линию финиша выдвинутым плечом. Преждевременный наклон — за два-три шага до финиша — может привести к падению.

Рывок на финише часто оказывается решающим, когда дистанцию одновременно заканчивают несколько бегунов, примерно равных по силам.

Во время финиширования не оглядывайтесь назад и не смотрите на соперников, заканчивающих дистанцию рядом. Это также ведет к потере времени.

ВЫШЕ — ДАЛЬШЕ

Эта игра развивает быстроту, ловкость, глазомер, координацию движений.

Начерти на земле круг диаметром в два шага. Возьми в одну руку маленький мяч (хоккейный или теннисный), в другую — камешек. Стань в круг. Подбрось мяч как можно выше, а пока он находится в воздухе, постарайся, выбежав из круга, уложить (а не забросить!) камешек как можно дальше. Делать это надо с таким расчетом, чтобы успеть вернуться в круг и поймать мяч на лету.

Выигрывает тот, кто сумеет положить камешек дальше всех.

ВОЗРАСТ ПОБЕДЫ

Победительницам XVIII Олимпийских игр в беге на 100 и 200 метров — негритянским спортсменкам из США Вайомии Тайес и Эдит Макгуайр — лишь незадолго до поездки в Токио исполнилось по 19 лет. А завоевавшим золотые медали в эстафетном беге 4 × 100 метров польским легкоатлеткам Эве Клобуковской и Ирене Киршенштейн было и того меньше — по 18 лет!

Сможет ли кто-нибудь превзойти это удивительное достижение и завоевать олимпийское золото в 17 лет? Это покажут следующие олимпийские игры в Мексике. Они состоятся в 1968 году. А это значит, что юным спортсменам, рассчитывающим на подобный успех, сейчас... 14 лет.

Четырнадцатилетние, слово за вами!

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА НА ВОДЕ И В НЕБЕ

К рисунку на четвертой странице обложки

Вверху справа.

Гордость нашей авиации — сверхзвуковой пассажирский самолет ТУ-144 на 120 мест. Скорость его 2500 километров в час. В секунду это около 700 метров, то есть не меньше скорости ружейной пули. Экипаж самолета всего три человека.

Самый большой в мире транспортный самолет АН-22, «Антей». Этот гигант может поднять 720 человек с багажом. Скорость — 740 километров в час.

Слева наверху.

Вертолет «Вихрь». Его сконструировали студенты Куйбышевского авиационного института.

В сравнении с гигантскими, он кажется особенно маленьким, но машина эта серьезная. Может подняться на высоту до 9 километров и лететь со скоростью 100 километров в час.

В центре.

Судно необычного вида с самолетным хвостом, океанский водолет. На ходу судно поднимается на своих крыльях так высоко, что ему не страшны самые большие волны.

Ближе к зрителю.

Экранолет, новый вид транспорта. С большой скоростью летит он над самой поверхностью воды или земли, если поверхность более-менее ровная.

Воздушный поток, обтекающая его крылья, отражается

от воды или от земли, как от экрана, и создает большую подъемную силу. Двигатели — реактивные.

Левее экранолета, наверху.

Пятидесятиместный катер на воздушной подушке. «Сормович».

Скорость 175 километров в час.

Левее экранолета, внизу.

Крылатый теплоход «Спутник». Ходит по Волге и Черному морю. Скорость сто километров в час. Берет на борт 150 пассажиров.

Внизу, на первом плане.

Огромное грузопассажирское судно «Дельфин». Весь корпус погружен в воду, только на стойке-плавнике надводная часть. Все управление кораблем и каюты пассажиров над водой. Желаящие могут через плавник спуститься вниз и пройти на нос корабля и в свете прожекторов наблюдать, что делается в подводном мире.

Танкер «Дельфин» и экранолет — фантазия. Все остальное живет и служит людям, кроме ТУ-144. Этот чудо-самолет создается в конструкторском бюро под началом академика А. Н. Туполева. В основе фантазий лежат проверенные на практике принципы. Вот-вот фантазии претворятся в действительность...

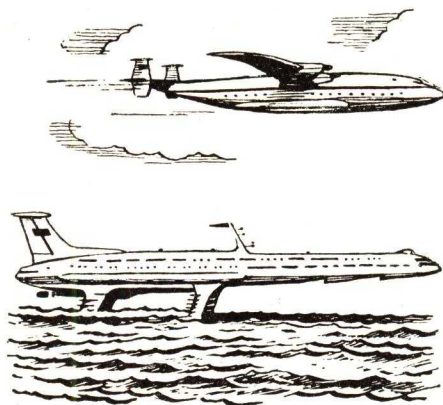


Рисунок и объяснения к нему сделал художник Е. Войшвилло.

На обложке рисунок А. Пахомова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, С. В. Обручев, А. И. Паителев, А. Ф. Пахомов, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Черникова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-13378. Подписано к печати 12/VIII 1965 г.
Тираж 297 500 экз.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 1703.

Печ. л. 8+1 вкл. 6,56 усл. печ. л.

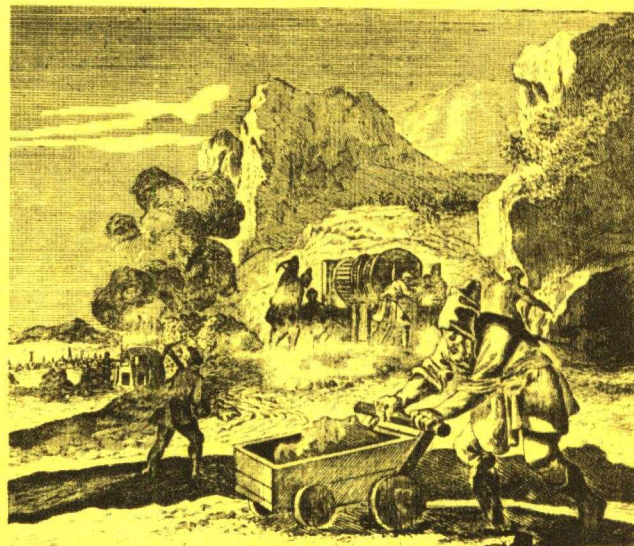
8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 коп.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.

Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.



ВОСХОД СОЛНЦА



РУДОКОП

Из книги „Свет, зримый в лицах...“



...Совсем недавно Веселый Архивариус и молчаливый Митя встретились и поговорили о причинах очень важных явлений природы. Они выяснили, почему бывает град и что такое радуга, насколько обезьяна... похожа на человека. Между прочим Архивариус спросил:

— А что нового узнал ты в последнее время о Солнце, мой друг?

— ... сие дневное светило — вождь небесных тел — выводит нам день на золотой колеснице... для согревания Земли, — отчеканил Митя. — Вся тварь оживляется, движется, ликует... Серебряная Луна — постоянная спутница Солнца — зажигается от удаляющегося светила и имеет удивительное влияние на земной шар. Солнце творит и радугу, украшение дождевых облаков.

Архивариус не подал вида, что удивляется, и продолжал расспросы:

— А что есть воздух, ученик мой, и каково давление его на нас?

Митя: Бесчисленные тьмы пудов воздуха наполняют атмосферу. Воздух производит свет, звон, звук, смрад и благовоние и стесняет (сдавливает) человека с силою, равною 1188 пудам.

Первая машина для повелевания воздухом была создана в 1654 году. Воздух сопротивлялся и визжал противу отверстия искусственного гвоздя, в которое его загоняли...

Архивариус: Прекрасная осведомленность, молодой человек. Последний вопрос. Разрешите узнать, что вам известно о больших рыбах.

Митя: За горы и целые острова почитаются огромные рыбы, производящие хвостом сильное волнение. Кит, например, вздымает такие волны, что корабль потопить может.

Из китов известны бородатые, тощие, косматые, волосистые, продолговатые, однорогие, водомечущие, нечистые...

Архивариус: Не так подробно, друг мой. Эти сведения хороши для стихотворцев, живописцев и других художников. Откуда же ты почерпнул столь красочные познания?

В ответ Митя достал толстенный том с золотым обрезом „Свет, зримый в лицах... в пользу всякого состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцам“. Перевод с немецкого... Издание Императорской Академии наук. В книге были заложены страницы четвертая, седьмая, двенадцатая и сто шестьдесят третья...

Архивариус подтвердил, что 150 лет назад был издан этот „Учебник всех наук“.

